

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 62. № 7/2019

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршин-нов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Мионов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тутьчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Ответственный секретарь **Пружинина А.А.**

Ответственный редактор **Алексеева Е.А.**

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Редактор международного отдела **Чикин А.А.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

© Философские науки, 2019
© Академия гуманитарных исследований, 2019
© Издательский дом «Гуманитарий», 2019

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 62. No. 7/2019

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen. Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Executive Secretary **Pruzhinina A.A.**

Responsible Editor **Alekseeva E.A.**

Cultural and Religious Studies Department's Editor **Durkin R.A.**

International Department's Editor **Chikin A.A.**

Page Layout: **Topilina V.M.**

E-mail: **academyRH@list.ru**

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Философия георациональности ■

<i>В.М. РОЗИН</i>	Условия обсуждения и мыслимости георациональности	7
<i>В.И. АРШИНОВ, В.Г. БУДАНОВ</i>	Процессуальное мышление в онтоэпистемологическом контексте квантовой механики	21
<i>И.Ф. МИХАЙЛОВ</i>	Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира	37
<i>Т.Б. ЛЮБИМОВА</i>	Единообразие против единства	54

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия сознания ■

<i>А.Р. ЕФИМОВ</i>	Снятся ли чат-ботам андронды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники	73
<i>I.Y. BULOV</i>	Contemporary Concept Nativism: Some Methodological Remarks	96
<i>(И.Ю. БУЛОВ</i>	Современный нативизм идей: некоторые методологические замечания)	

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС

Философия и политический процесс ■

<i>В.Ю. БЫСТРОВ (Санкт-Петербург), В.М. КАМНЕВ (Санкт-Петербург)</i>	Г. Лукач, «течение» и сталинизм	110
--	---------------------------------	-----

Философия права ■

<i>С.В. КОВАЛЬ</i>	История и основы критики правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Рональда Дворкина	124
--------------------	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы ■

Е.О. ТРУФАНОВА

Рецензия на книгу:
Philosophical Thought in Russia
in the Second Half of the 20th Century.
A Contemporary View from Russia and
Abroad / ed. by Vladislav A. Lektorsky
and Marina F. Bykova. – London,
New York: Boolsbury Academic, 2019 143

Обзоры, объявления, сообщения ■

А.А. КРОТОВ,
Е.О РОЗОВА

Онлайн-преподавание
общеобразовательного курса
философии: тактический выигрыш
при стратегическом отступлении 151

Contents 160

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 - 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.06.2019 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Философия георациональности

Условия обсуждения и мыслимости георациональности

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-7-20

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье обсуждается полемика между сторонниками точки зрения, по которой европейский разум и логика являются универсальными и поэтому диалог Запада и Востока всегда будет неравноправным, и сторонниками плюралистической позиции, настаивающих на независимости культур и мышлений в разных регионах мира и равноправии диалога. Автор расширяет диалог за счет подключения к нему авторов книги «Диалог культур в глобализирующемся мире». Кроме того, он уточняет используемое многими участниками обсуждения понятие глобализации, а также формулирует собственное понимание философии, как одного из критериев проходящего в Институте философии обсуждения. Философию он рассматривает, с одной стороны, как способ деконструкции реальности, переставшей отвечать на вызовы времени, с другой – как создание схем, задающих новую реальность и объекты, с третьей стороны, как личностный и цеховой способы решения этих проблем. Во второй части статьи обсуждаются условия мыслимости процессуальных феноменов – методологический прием, позволяющий, по Канту, нащупать сущность сложных системных явлений. Для этого автор разбирает кейс, в котором К. Юнг рассказывает об одном своем подростковом переживании. Он показывает, что условием мыслимости процессуальности выступает задание, с одной стороны, особой целостности – личности, с другой – ее действий, позволяющих собрать в единый процесс дискретные состояния, выделенные исследователем. Под личностью автор понимает индивида, который начиная с античной культуры, переходит к самостоятельному поведению, отчасти преодолевает социальную и культурную обусловленность, начинает выстраивать собственный мир и себя в этом мире.

Ключевые слова: диалог, культура, рациональность, мышление, действие, процесс, пространство, схема.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: Розин В.М. (2019) Условия обсуждения и мыслимости георациональности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 7–20. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-7-20

Conditions for Discussing and Comprehending Georationality

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-7-20

Original research paper

Abstract

The article examines the debate between, on the one hand, the proponents of the position that European reason and logic are universal and therefore the dialogue between West and East will always be unequal and, on the other hand, the advocates of a pluralistic approach, who defend the equality of parties in the dialogue as well as the independence of cultures and ways of thinking in different regions of the world. The author expands the agenda of the debate, appealing to the authors of the book *Dialogue of Cultures in a Globalizing World*. In addition, the author clarifies the concept of globalization, used by many participants in the discussion, and also formulates his own understanding of philosophy. The author considers philosophy, firstly, as a way of deconstructing reality that has ceased to respond to the challenges of time, secondly, as a process of the creation of schemes defining new reality and objects and, thirdly, as personal and professional methods for solving these problems. The article also discusses the condition of the comprehension of procedural phenomena. Thus, there is a methodological approach that makes possible, according to Kant, to grasp the essence of complex systemic phenomena. Therefore, the author examines a case in which C.G. Jung talks about one of his own child experiences. The author argues that the conditions of the comprehension of processuality are, on the one hand, the formation of a special integrity that is personality and, on

the other hand, its actions, which make it possible to assemble the discrete states identified by the researcher into a single process. The personality is considered as the subject who, starting from ancient culture, aims for independent behavior, partially overcomes social and cultural dependence, begins to build his own world and himself in this world.

Keywords: dialogue, culture, rationality, thinking, action, process, space, scheme.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2019) Conditions for Discussing and Comprehending Georationality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 7–20.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-7-20

Введение

Хотя название темы и направление исследования блистает новизной, это не первое обращение к обсуждаемым в Институте философии вопросам. Еще в 2005 г. в издательстве «Наука» вышла коллективная монография «Диалог культур в глобализирующемся мире», основные статьи которой были написаны известными философами Института философии [Диалог культур... 2005]. Конечно, в текущем обсуждении объект несколько сужен – не культуры, а культурные и ментальные типы рациональности, но, по сути, область содержания примерно та же самая. И бросается в глаза сходство позиций полемизирующих сторон. И там и там обсуждаются условия (равноправные или неравноправные) диалога культур и рациональностей Запада и Востока. Некоторые участники утверждают, что в силу универсальности европейского разума, а также процессов глобализации такой диалог принципиально не может быть равноправным, а их оппоненты настаивают на противоположном, правда, часто отождествляя желаемое с реально существующим.

Так, например, А.А. Крушинский на заседании 25 апреля 2019 г. в ИФ РАН говорил следующее: «В данных условиях призыв к равноправному диалогу незападных интеллектуальных традиций и современной западной философии не просто далекое от реальности, благое пожелание, но и стопроцентное методологическое заблуждение, исходящее из ложной пресуппозиции

существования полноценных, но региональных философий в нынешнем глобализированном мире. Поэтому не очень корректно говорить о господстве западной рациональности. Последняя не то чтобы доминирует, она предоставляет единственный универсальный на текущий момент понятийный аппарат, обеспечивает единое понятийное пространство и возможность артикуляции любых концептуальных конструкторов, является неустранимым трансквилизационным языком их описания... Исторический факт – толчком к самоидентификации философии незападного мира именно как философии и к ее последующему вхождению в общемировой философский дискурс послужила как раз-таки глобализация, причем зачастую в крайне отталкивающем колониальном исполнении... Я говорил о понятийном европоцентризме, так исторически сложилось... В таком плане, а не в смысле равноправности происходит диалог культур. Они (представители “восточности”. – В. Р.) вроде бы подчиняются, но на самом деле потихоньку саботируют» [Круглый стол... 2019а] (см. подробнее: [Крушинский 2019]).

Но не о том ли в 2005 г. писал Вячеслав Семенович Степин, говоря, что «в ближайшее время процессы глобализации будут протекать не в форме равноправного диалога культур, а в форме активного одностороннего воздействия западных ценностей и идеалов потребительского общества на другие культуры» [Степин 2005, 18]? Ему вторит и А.А. Гусейнов: «Те, кто выступает за диалог культур и их плюрализм, противопоставляя его духовному монизму Запада, на самом деле тоже говорят на языке западной культуры. И идея диалога культур является скорее замаскированной и мягкой формой духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением... за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать» [Гусейнов 2005, 183–184].

Позиции в полемике 2018–2019 гг.

Разбирая манифесты Джонардона Ганери и Алена Бадью, М.Т. Степанянц пишет следующее. «Оба философа признают множественность культурных миров. Бадью раскрывает внутри несхожих миров их логический порядок, представленный каждый раз в специфической форме, и приходит к заключению о невозможности единой логики... При такой дефиниции кажется допустимым “отлучение” незападных культур от философии, поскольку в них предполагается, что рационализм не является

единственным методом познания. Введенное греками понятие напрямую не связано с рациональностью: оно переводится как “любовь к мудрости”, “уподобление Богу” и т.д. Постигание или, вернее, приближение к мудрости, достижимо не только разумом. Не отрицая огромных возможностей разума, Блез Паскаль подчеркивал познавательную роль “сердца”, сплошь и рядом вскрывающего ничтожество разума перед лицом бесконечного универсума и непознаваемого Бога» [Степанянц 2018, 36, 39].

Но с этими взглядами совершенно не согласны некоторые участники обсуждения георациональности, например, В.Г. Лысенко и Н.В. Пушкарская. «Каждая философская традиция, – говорила Пушкарская, – по большому счету, решает общие для всех философий проблемы и использует для этого инструменты логики. И благодаря этому мы можем друг друга понимать. Что касается проблем языкового характера, приведу пример с магическим квадратом Лошу. Это магический квадрат, древнейший в Китае, он использует математический язык. Математический язык – это универсальный язык, для того чтобы понять, что нам хочет донести этот квадрат, не обязательно углубляться в китайский язык очень глубоко. Таким образом, универсальный математический язык, язык арифметики, может помочь нам и доказать каким-то образом, что любая философия использует общий для всех философий рациональный дискурс» [Круглый стол... 2019а] (см. подробнее: [Пушкарская 2019]). Универсальные математические методы используются А.А. Крушинским в целях анализа китайской научной ментальности [Крушинский 1999].

Со своей стороны, я бы обратил внимание на следующее. Речь идет не просто о влиянии глобализации, а о том, что все страны нашей планеты развиваются под влиянием европейской цивилизации (рынок, Интернет, мобильная связь, естественные и технические науки, основанная на них промышленность, институты права, управления и пр.). Поэтому и в интеллектуальной сфере они не могут уклониться от принятия в большей или меньшей степени европейской науки, философии, более широко – рациональности. Другое дело, что при этом многие страны пытаются сохранить свою культуру и своеобразие, не раствориться в нивелирующих процессах глобализации. Кроме того, и это естественно, они усваивают западные достижения и технологии сообразно своему пониманию и своим возможностям.

А вот вопрос о восточных философиях не простой. Прежде чем спорить об универсальности европейской философии и разума, стоило бы определиться с пониманием философии. Мои исследования показывают, что европейская философия, начала которой, действительно, сложились в Античности, формировалась как сложная деятельность и практика, имеющая ряд особенностей. Во-первых, философ критикует и деконструирует (распредмечивает) реальность, которая перестала нас удовлетворять, или, как еще говорят, уже не отвечает на вызовы современности. Во-вторых, философ намечает (изобретает) схемы новой реальности. При этом он, реализуя себя как личность, делает и то и другое уникальным, личностным способом. Поэтому философий много, а не одна. В-третьих, философ, деконструируя старую реальность и намечая новую, одновременно, именно как необходимое условие решения этих задач, конституирует заново мышление (способы получения и использования знаний). В этом, в частности, значение логики (но понимаемой расширительно, т.е. не только как формальная логика, но и как содержательная), а также роль методологии. В европейской традиции непротиворечивость, теоретический дискурс и нормативность – три кита всякой логики и методологии. Философия не только обслуживает другие интеллектуальные практики – науку, искусство, политику, управление, инженерию, технологию, поставляя им новые схемы, понятия, дискурсы, методы, но и образует самостоятельную практику (цех) с наработанными традициями и формами работы, с внутренней коммуникацией и спорами. Так вот, если философию понимать описанным здесь образом, то вряд ли можно говорить о китайской или индусской философии. Это какие-то другие интеллектуальные практики, возможно, решающие некоторые из перечисленных задач, но только некоторые и, главное, другими способами [Розин 2010; Розин 2009; Розин 2015, 5–78, Розин 2017a].

В этом отношении я присоединяюсь к точке зрения Л.Б. Кареловой, которая замечает: «Это происходит не благодаря тому, что принимается полностью чужая культура чужие смыслы, но каждое понимание происходит через интерпретацию, когда в другой культуре та или иная категория делается своей, развивается, и через столкновение происходит изменение той и другой стороны. Поэтому я и соглашаюсь с тем, что говорит Крушинский, но отчасти, поскольку философия – это процесс вопрошания, и он не стоит на месте, и эта рамка очень варьируется и растягивается.

В Японии, чтобы философствовать, недостаточно знать западную традицию, но нужно знать и собственную традицию. Японский философ живет в категориях и Киотской философской школы, и даже буддистской традиции. Такова реальная ситуация, но при том они пытаются свои смыслы перевести на Запад...» [Круглый стол... 2019а] (см. подробнее: [Карелова 2019]). Н.А. Канаева присоединяется к Кареловой, заявляя, что «европейская философия меняется и, соответственно, то, что воспринимается в других традициях философствования, отличается по содержанию от того, что вкладывается европейской традицией в эти категории, и каждая философская традиция является саморефлексией своей культуры и, действительно, решает свои проблемы и берет ровно то, что считает полезным и нужным для себя. Поэтому, я думаю, что никакого универсального европоцентризма в философской терминологии на самом деле нет» [Круглый стол... 2019а] (см. подробнее: [Канаева 2019]).

Сказанное касается не только философии и логики, но и математики. Только на первый взгляд математический язык является универсальным. Во-первых, он перестает работать в гуманитарных и социальных науках, кроме того, я предлагаю гипотезу о том, что место математики в этих типах наук занимают схемы, и стараюсь ее доказать [Розин 2011]. Во-вторых, генезис математики показывает, что ее содержание вполне локально и предметно, а не универсально (см. подробнее: [Розин 2019]).

Пространственные и непространственные схематизмы изменений

На втором семинаре по георациональности обсуждалась и такая проблема – возможно ли в европейской традиции мышления помыслить процессуальность [Круглый стол... 2019б]? Эта проблема тесно связана и с вопросом о типах географической рациональности. А.В. Смирнов в своей статье и выступлении сформулировал два важных тезиса, а именно, что в европейской понятийной системе это сделать невозможно, поскольку она опирается на пространственные схематизмы мышления, но в логике действия, которую разработали мутазилиты (одна из школ средневековой арабо-мусульманской философии), процессуальность вполне мыслима. «Возможны, – утверждает Смирнов, – по меньшей мере две исходные интуиции, требующие соответствующих схематизмов обеспечения субъект-предикатной связности: интуиция простран-

ства и интуиция протекания... Пространственный схематизм имплицитно метафизику субстанции, тогда как схематизм протекания имплицитно метафизику действия... Полноценная эпистемная цепочка, построенная на понимании процессуальности как действия, а не временного изменения субстанции, не может быть построена “в рамках европейской понятийной системы”. Во-первых, потому, что любая понятийная система, будь то европейская или иная, строится как звено разворачивания эпистемной цепочки, реализующей определенный схематизм связности и целостности, а не наоборот. Во-вторых, потому, что “европейская понятийная система” служит звеном разворачивания той эпистемной цепочки, которая реализует схематизм связности и целостности, отраженный кругами Эйлера или схемами М. Джонсона, и который может быть назван схематизмом вложенных или иначе соотносящихся пространств. Этот схематизм имплицитно метафизику субстанции, а не метафизику действия. Заявляя свои права на любой когнитивный акт (любой акт придания осмысленности, осмысления), этот схематизм заставляет давать принципиально пространственное отображение и времени, и любого изменения во времени, которому (изменению во времени) и присваивается название “процесс»» [Смирнов 2019].

С первым тезисом я согласен только частично. Да, в европейской традиции мышления превалируют пространственные схематизмы, но, начиная с Аристотеля, разрабатывается и линия осмысления процессов (движения, протекания), а также метафизики действия. Кроме того, я бы дополнил размышление А.В. Смирнова кейсом из собственных исследований [Розин 2008; Розин 2017б].

Относительно движения центральной проблемой для Аристотеля было разрешить противоречия, сформулированные Зеноном. Движение как род бытия Стагирит в «Физике» истолковывает, во-первых, в качестве перехода вещей из возможного бытия в действительное, во-вторых, в виде совокупности множества качеств или состояний. Можно предположить, что второе представление о движении возникает на основе первого, когда Аристотель пытается определить, что представляют собой вещи, переходящие из возможного бытия в действительное. Именно здесь он фактически отрывает движение от вещей, характеризуя его через качества или состояния, т.е. особые сущности, способные к изменениям. Дальше намеченные схемы Аристотель конкретизирует и развертывает до такой степени, что благодаря этому ему

удается разрешить апории Зенона и нормировать рассуждения о движении. Например, он доказывает, что время и пройденное расстояние относятся к роду движения и могут быть подобно движению охарактеризованы с помощью категорий «изменение», «потенция» (возможность), «энтелехия» (по Аристотелю, душа как энтелехия организма обладает «способностью» жить и реально «живит» организм; движение Стагирит определяет как энтелехию, поскольку в нем осуществляется то, что в предмете существовало только в возможности).

Аристотель утверждает, что и время и расстояние можно изображать графически (в одинаковых схемах), делить до бесконечности и обратно складывать из бесконечно малых частей. В результате, поясняет он, развертывающаяся бесконечность времени как бы «покрывает» бесконечность расстояния. «И вот, бесконечного, – пишет Аристотель, – в количественном отношении нельзя коснуться в ограниченное время, бесконечного согласно делению – возможно, так как само время в этом смысле бесконечно. Следовательно, приходится *проходить* бесконечность в бесконечное, а не в ограниченное время и касаться бесконечного множества частей бесконечным, а не ограниченным множеством. Конечно, невозможно ни пройти бесконечного в конечное время, ни конечного в бесконечное время, но если время будет бесконечным, то и величина будет бесконечной, если величина, то и время» [Аристотель 1936, 107]. Вот, пожалуй, самый первый пример европейского философского осмысления процессуальности [Розин 2017б, 66; Розин 2008, 224–239].

Личность как одно из условий возможности помыслить процессуальность

Теперь я хочу на примере одного подросткового воспоминания Карла Юнга показать, что условием представления в мышлении процессуальности выступает задание, с одной стороны, особой целостности – личности, а с другой – действительно, как утверждает А.В. Смирнов, действия, позволяющего собрать в единый процесс выделенные в анализе дискретные состояния. Вот этот кейс.

Однажды в прекрасный летний день 1887 г. восхищенный мирозданием Юнг подумал: «Мир прекрасен и церковь прекрасна, и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и... Здесь мысли мои оборвались, и я по-

чувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: сейчас не думать! Наступает что-то ужасное» [Юнг 1994, 46]. Через три дня Юнг позволил себе додумать возникшую у него мысль. «Я собрал всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушится, стены собора разламываются на куски. Вот оно что! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога... Отец принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия, и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который стоит, свободный и всемогущий, стоит над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободным. Бог, ради исполнения Своей Воли, может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были» [Юнг 1994, 49–50].

Прокомментирую. В период, предшествовавший посетившей его фантазии, юный Юнг переживал и размышлял над двумя темами. С одной стороны, он осуждал отца, который, будучи пастором и имея сомнения в вере, тем не менее не хотел этого признавать и принимать какие-либо кардинальные решения. С другой стороны, Юнг стал разочаровываться в церкви, не подтвердившей в ходе первого причастия ожидание чуда и преображения. Обе проблемы после посетившего откровения Юнг решает бескомпромиссно. «В этой религии, – вспоминает он, – я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь – это такое место, куда я больше не пойду. Там все мертво, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее» [Юнг 1994, 64].

Из этого кейса можно извлечь и такое наблюдение: сначала идет фаза нового видения (Юнг увидел непонятную картину

разрушения Богом церкви и как человек, воспитанный в христианской вере, страшно испугался), потом фаза осмысления, растянувшаяся на трое суток, в результате которой Юнг создал интерпретацию, оправдывающую назревающий разрыв. Но и видение было не случайным: оно индуцировало мысль Юнга во вполне определенном направлении. Нельзя ли тогда сформулировать следующую гипотезу: обусловленные intersубъективными ситуациями экзистенциальные проблемы личности находят свое разрешение в новом видении, которое первоначально непонятно и неприемлемо, но затем осмысливается, т.е. интерпретируется (схематизируется), и поэтому становится понятным?

Налицо четыре дискретных состояния: первое – слабо осознаваемый конфликт с церковью и отцом, второе – посетившая Юнга богохульственная фантазия, третье состояние – построение схемы, объясняющей видение и открывающей путь к разрыву, четвертое, реальный поступок, – разрыв с отцом и церковью. Что нам еще не хватает, чтобы описать *процесс становления* нового сознания Юнга? Правильно, самой личности Юнга, совершающего действия: он конфликтует с отцом и церковью, открывает дорогу своей фантазии, строит схему, разрывает с отцом и церковью. Если мы введем такое целое, как Юнг, обусловленный intersубъективными ситуациями (сюда входят и объективные особенности самой личности) и *активно действующий в этих ситуациях*, то выделенные четыре состояния становятся органическими моментами процесса становления нового сознания Юнга.

Так что помыслить и представить процессуальность можно не только в традиции мышления мутазилитов, но и в рамках европейского философского мышления. Однако в этом случае, действительно, необходимо, как пишет Бадью, «заново отстраивать здание философии» [Бадью 2000].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1936 – *Аристотель*. Физика. – М.: Соцэкгиз, 1936.
- Бадью 2000 – Бадью А. Манифест философии / пер. В. Лапицкого // Независимая газета. 10.02.2000. – URL: http://www.ng.ru/kafedra/2000-02-10/3_manifest.html
- Гусейнов 2005 – Гусейнов А.А. О возможности глобального этноса // Диалог культур в глобализующемся мире. – М.: Наука, 2005.
- Диалог культур... 2005 – Диалог культур в глобализующемся мире / отв. ред. В.С. Степин и А.А. Гусейнов. – М.: Наука, 2005.

Канаева 2019 – Канаева Н.А. Так ли страшен понятийный европоцентризм? // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 70–87.

Карелова 2019 – Карелова Л.Б. К вопросу об универсальности понятийного аппарата современной западной философии: японский кейс? // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 100–113.

Круглый стол... 2019а – Круглый стол «Можно ли сегодня философствовать вне европейской понятийной системы?», 25 апреля 2019 г. Видеотрансляция // Сайт Института философии РАН. – URL: https://iphras.ru/25_04_kruglyi_stol.htm

Круглый стол... 2019б – Круглый стол «Процессуальная логика. Мышление и его границы», 13 июня 2019 г. Видеотрансляция // Сайт Института философии РАН. – URL: <https://iphras.ru/page24655062.htm>

Крушинский 1999 – Крушинский А.А. Логика «И цзина». Дедукция в Древнем Китае. – М.: Восточная литература, 1999.

Крушинский 2019 – Крушинский А.А. (2019) Дао сквозь призму логоса: понятийный европоцентризм // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 33–53.

Пушкарская 2019 – Пушкарская Н.В. Магический квадрат Лошу как свидетельство рассудочно-математической ориентации китайского стиля мышления // Философские науки. 2019. Т. 62. № 6. С. 151–159.

Розин 2008 – Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. Учебное пособие. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008.

Розин 2011 – Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: URSS, 2011.

Розин 2010 – Розин В.М. Традиционная и современная философия. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Розин 2015 – Розин В.М. «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

Розин 2017а – Розин В.М. Возобновление методологии: Открытые письма, адресованные последователям Московского методологического кружка. – М.: ЛЕНАНД, 2017.

Розин 2017б – Розин В.М. Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. – М.: ЛЕНАНД, 2017.

Розин 2019 – Розин В.М. Математика: восстановление определенности (заход от методологии и культурологии) // Культура и искусство. 2019. № 5. С. 20–30.

Приобщение к философии 2009 – Приобщение к философии: Новый педагогический опыт / сост. В.М. Розин. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Смирнов 2019 – Смирнов А.В. Можно ли мыслить процессуальность в рамках европейской понятийной системы? // Сайт Института философии РАН. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2019/13_06_19/smirnov_doklad.pdf

Степанянц 2018 – Степанянц М.Т. Атлас рациональности: проблемы и методы реализации проекта // *Философские науки*. 2018. № 6. С. 33–44.

Степин 2005 – Степин В.С. Типы цивилизационного развития // *Диалог культур в глобализующемся мире*. – М.: Наука, 2005.

Юнг 1994 – Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Air Land, 1994.

REFERENCES

Aristotle (1936) *Physics*. Moscow: Sotsekgiz (Russian translation).

Badiou A. (2000, February 2) Manifesto for Philosophy (Lapitsky V., Trans.). *Nezavisimaya gazeta*. Retrieved from http://www.ng.ru/kafedra/2000-02-10/3_manifest.html (Russian translation).

Guseynov A.A. (2005) On the Possibility of a Global Ethnic Group. In: Stepin V.S. & Guseynov A.A. (Eds.) (2005) *Dialogue of Cultures in a Globalizing World*. Moscow: Nauka (in Russian).

“Is it Possible to Philosophize Today outside the European Conceptual System?” Round Table (2019, April 25). In: *The Official Website of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*. Retrieved from https://iphras.ru/25_04_kruglyi_stol.htm (in Russian).

Jung C.G. (1994) *Memoirs, Dreams, Thoughts*. Kiev: Air Land (Russian translation).

Kanaeva N.A. (2019) Is the Conceptual Eurocentrism So Much Frightening? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 70–87 (in Russian).

Karelova L.B. (2019) On the Problem of the Universality of Modern Western Philosophy Conceptual Framework: The Japanese Case. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 100–113.

Krushinskiy A.A. (1999) *The Logic of I Ching. The Deduction in Ancient China*. Moscow: Vostochnaya literature (in Russian).

Krushinskiy A.A. (2019) The Dao through the Prism of the Logos: Eurocentrism at the Level of Concepts. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 33–53 (in Russian).

“Procedural Logic. Thinking and Its Boundaries” Round Table (2019, June 13). In: *The Official Website of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*. Retrieved from <https://iphras.ru/page24655062.htm> (in Russian).

Pushkarskaya N.V. (2019) The Luoshu Magic Square as an Evidence of the Rational and Mathematical Orientation of the Chinese Style of Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 6, pp. 151–159 (in Russian).

Rozin V.M. (2008) *Science: Origin, Development, Typology, New Conceptualization*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK (in Russian).

Rozin V.M. (Comp.) (2009) *Introduction to Philosophy: New Pedagogical Experience*. Moscow: LIBROCOM (in Russian).

Rozin V.M. (2011) *Introduction to Schematology: Schemes in Philosophy, Culture, Science, Design*. Moscow: URSS (in Russian).

Rozin V.M. (2010) *Traditional and Modern Philosophy*. Moscow: LIBROCOM (in Russian).

Rozin V.M. (2015) *Plato's Symposium: New Reconstruction and Some Reminiscences in Philosophy and Culture*. Moscow: LENAND (in Russian).

Rozin V.M. (2017a) *Resumption of Methodology: Open Letters Addressed to the Followers of the Moscow Methodological Circle*. Moscow: LENAND (in Russian).

Rozin V.M. (2017b) *Nature: Concept and stages of development in European culture*. Moscow: LENAND (in Russian).

Rozin V.M. (2019) Mathematics: Restoration of Certainty (An Approach Based on Methodological and Cultural Studies). *Kul'tura i iskusstvo*. 2019. No. 5, pp. 20–30 (in Russian).

Smirnov A.V. (2019) Is It Possible to Comprehend Processuality within the Framework of the European Conceptual System? In: *The Official Website of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*. Retrieved from https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2019/13_06_19/smirnov_doklad.pdf (in Russian).

Stepanyants M.T. (2018) Atlas of Rationality: Problems and Methods of Realization of the Project. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 6, pp. 33–51.

Stepin V.S. (2005) Types of Civilizational Development. In: Stepin V.S. & Guseynov A.A. (Eds.) (2005) *Dialogue of Cultures in a Globalizing World*. Moscow: Nauka (in Russian).

Stepin V.S. & Guseynov A.A. (Eds.) (2005) *Dialogue of Cultures in a Globalizing World*. Moscow: Nauka (in Russian).

Процессуальное мышление в онтолого-эпистемологическом контексте квантовой механики

В.И. Аришинов

Институт философии РАН, Москва, Россия

В.Г. Буданов

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-21-36

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Проблема соизмеримости/несоизмеримости разных культурных кодов является ключевой проблемой современного цивилизационного развития. Это проблема поиска коммуникативного единства в мире культурного, а также и биоорганического разнообразия, которое нужно всячески сохранять и оберегать, поиска связности разных умweltов, семиотически означенных искусственных и естественных сред обитания, экологических и когнитивных ниш, каждая из которых имеет свою самобытность и неповторимость. Цель статьи – привлечь внимание к тому факту, что вопрос о так называемой несоизмеримости разных концептуальных схем, парадигм, языковых сознаний, помимо собственно кросс-культурных исследований и философских проблем перевода, широко обсуждается также и в связи с проблемами несоизмеримости (непереводимости) языков классической физики и физики квантово-релятивистской. Обращается внимание на проблему несоизмеримости/соотнесенности различных языков, которые используются в дебатах по поводу оснований квантовой механики, ее интерпретации, ее понимания, ее онтологии. В этих дебатах выделяются два подхода. Первый опирается на язык ставшего бытия, язык локализованных во времени вещей и логику Аристотеля. Второй – на язык становления, процесса, нелокальность, на поиск разного рода темпоральных процессуально ориентированных логик. В этой связи обсуждается процессуальный подход к пониманию квантовой механики, предложенный в философско-физических работах Д. Бома. Утверждается, что уроки конструктивного осмысления метапроблем *понимания понимания* квантовой механики вместе с осмыслением творческого наследия таких философов процесса, как Пирс, Бергсон, Уайтхед, плюс глубокая рефлексия над проблемами соизмеримости/несоизмеримости языковых сознаний разных культур, создадут в конечном счете совместное синергийно-междисциплинарное пространство сотрудничества для их конструктивного решения.

Ключевые слова: квантовая механика, нелокальность, наблюдатель, коммуникация, реальность как процесс, несоизмеримость, семиотика, умвелт.

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

varshinov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9256-4342>

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

bvg55@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2371-8659>

Цитирование: Аршинов В.И., Буданов В.Г. (2019) Процессуальное мышление в онтолого-эпистемологическом контексте квантовой механики // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 21–36. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-21-36

Processual Thinking in the Ontological and Epistemological context of Quantum Mechanics

V.I. Arshinov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

V.G. Budanov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-21-36

Original research paper

Abstract

The problem of commensurability/incommensurability of different cultural codes is a key problem of modern civilizational development. This is the problem of the search for communicative unity in the world of cultural and biological diversity, which has to be protected, and the search for the cohesion of different Umwelten, of semiotically-defined artificial and natural environments, of ecological and cognitive niches, taking into account that each of them has their own identity and uniqueness. The purpose of the article is to draw attention to the fact that the question of the so-called incommensurability of different conceptual schemes, paradigms, language

consciousnesses is widely discussed not only in cross-cultural studies and philosophical problems of translation but also in connection with the problems of incommensurability (untranslatability) between the language of classical physics and the language of relativistic quantum physics. Attention is drawn to the problem of the incommensurability and correlation of different languages that are used in debates about the foundations of quantum mechanics, its interpretation, comprehension and ontology. Two approaches stand out in this debate. The first approach is based on the language of the formed being, on the language of things localized in time and on the logic of Aristotle. The second approach is based on the language of the becoming, process and nonlocality, on the search for various processual-oriented temporal logics. In this regard, we discuss the processual approach to understanding quantum mechanics, proposed in the philosophical and physical works of D. Bohm. The authors argue that (a) the experience of constructive understanding of the metaproblems of the interpretation of quantum mechanics, (b) the critical reception of the legacy of such philosophers of the process as Peirce, Bergson and Whitehead, (c) the deep reflection on the problems of commensurability/incommensurability of linguistic consciousnesses of different cultures – will eventually create a common synergetic-interdisciplinary space of cooperation for the solutions of the above-mentioned issues.

Keywords: quantum mechanics, nonlocality, observer, communication, reality as a process, incommensurability, semiotics, Umwelt.

Vladimir I. Arshinov – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

varshinov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9256-4342>

Vladimir G. Budanov – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

bvg55@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2371-8659>

For citation: Arshinov V.I. & Budanov V.G. (2019) Processual Thinking in the Ontological and Epistemological Context of Quantum Mechanics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 21–36. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-21-36

Введение

Земная цивилизация находится в критической точке своей эволюции, характеризуемой высокой степенью неопределенности

будущего, экспоненциальным ростом сложности, противоречивым переплетением процессов глобализации и фрагментации. По словам М. Кастельса, «вместо возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда мы наблюдаем историческое культурное разнообразие: скорее фрагментацию, чем сближение. Ключевой вопрос, который при этом возникает: способны ли эти особые культурные идентичности... коммуницировать друг с другом... В противном случае разделение взаимозависимой глобальной социальной структуры, в которой пока еще нет возможности говорить на общем языке ценностей и убеждений, ведет к систематическому непониманию, у истоков которого – разрушительное насилие над другим. Таким образом, протоколы коммуникации между различными культурами являются важнейшей проблемой для сетевого общества, поскольку без них не существует общества, но только доминирующие сети и сопротивляющиеся общины» [Кастельс 2016, 55]. И далее Кастельс подчеркивает, что «определить то, чем эти протоколы межкультурной коммуникации могут быть, – исследовательский вопрос» [Кастельс 2016, 56]. Этому вопросу, собственно говоря, и посвящена вся книга Кастельса «Власть коммуникаций». Этому же вопросу, по существу, посвящен и исследовательский проект «География рациональности» (руководитель – академик РАН, директор Института философии РАН А.В. Смирнов).

В данном случае мы не будем (вслед за Кастельсом) пытаться определять понятие «протоколы межкультурной коммуникации». Наша цель в данном случае более конкретна. А именно: привлечь внимание к тому, вообще говоря, известному в истории и философии науки факту так называемой несоизмеримости научных теорий, возникших в контекстах разных парадигм. Обсуждению этого вопроса посвящена огромная литература, в фокусе которой, как правило, находятся вопросы несоизмеримости (непереводимости) языков классической физики и физики квантово-релятивистской. Примеров такой несоизмеримости масса. Мы, однако, не будем на них останавливаться. Краткое и ясное изложение этой проблемы можно найти в книге Яна Хакинга «Представление и вмешательство» [Хакинг 1998].

Вместо этого нам хотелось бы обратить внимание на проблему несоизмеримости/соотнесенности различных языков, которые используются в дебатах по поводу оснований квантовой механики, ее интерпретации, ее понимания, ее онтологии. Эти дебаты длятся

уже почти столетие и сегодня в них можно отчетливо выделить два, на первый взгляд, взаимоисключающих подхода. Первый опирается на язык ставшего бытия, язык локализованных во времени вещей и логику Аристотеля. Второй – на язык становления, процесса, нелокальность, на поиск разного рода темпоральных процессуально ориентированных логик.

Квантовый контекст проблемы коммуникативной несоизмеримости и процессуальной связности

Итак, мы имеем дело с проблемой соотнесения эпистемологически и онтологически несоизмеримых исторически сложившихся культурных коммуникативных континентов разных цивилизаций. Нечто подобное мы встречаем в истории и методологии современной науки, в первую очередь это проблемы взаимопонимания представителей разных научных школ и традиций, что прекрасно описано в концепциях постнеклассической рациональности В.С. Степина и социальных эстафет М.А. Розова. Есть и более наглядный результат, демонстрирующий несоизмеримость научных парадигм, точнее, согласно принципу соответствия, это односторонняя переводимость парадигм, поскольку новая парадигма может объяснить старую и область ее адекватности, но не наоборот. Оба примера хорошо известны, но пока понимания нашей задаче не добавляют, да и интернациональный характер науки основан на единстве методологических принципов научности и использовании метаязыка математики. Мы же обратим внимание на то, что, следуя априорным формам опыта по Канту, формы понимания сознания и формы освоения физической реальности взаимообусловлены. Следовательно, постигая природу, мы в превращенной форме познаем и свое сознание, и наоборот: тип культуры и менталитета влияет и на стиль научного творчества, и его онтологии, что с успехом было продемонстрировано Георгием Гачевым (этого дискурса мы напрямую здесь также не будем касаться). Не поискать ли имманентные конфликты интерпретаций в самих научных онтологиях, в которые входит и наблюдатель, конечно, не в логическом смысле, но уже в операциональном?

На первый взгляд, в классической, да и в релятивистской физике существуют наблюдения из разных систем отсчета, но их языки описания могут быть легко переведены друг в друга за конечное число шагов, хотя реальность и выглядит из них по-разному. Как уже упоминалось выше, аналогичная ситуация

с непереводаемостью разных картин мира возникла в начале 20-х годов прошлого века, когда закладывались основы квантовой механики. Э. Шредингер предлагал положить в основу описания развития реальности меняющееся состояние (волновую функцию) изучаемой системы, а В. Гейзенберг – изменения наблюдаемых качеств (операторов). Их спор о физическом смысле предпочтительной картины мира был ожесточенным и разделил все научное сообщество на два лагеря. Квантовая теория будет отличаться от классической в том числе одной удивительной вещью – принципом дополнительности (неопределенности) Бора – Гейзенберга. Например, чем точнее мы знаем координату частицы в эксперименте по одновременному измерению ее координаты и импульса, тем менее определенным становится значение ее импульса. Получается, когда у вас есть некий максимально широкий набор свойств наблюдаемого объекта, которые можно знать точно одновременно, они друг другу не мешают, они, как говорят, создают полный набор наблюдаемых и полностью характеризуют состояние объекта. Но вот существуют другие качества, другие свойства, которые совершенно невозможно в этот же момент наблюдать точно, они становятся размытыми. Можно придумать другой полный набор наблюдаемых для той же системы, куда будут входить такие дополнительные переменные, и картины мира этих наборов станут непереводаемыми друг для друга.

На первый взгляд, это аналогия для непереводаемости с языков разных культур, и отчасти это кажется действительно так. В физике вопрос разрешился неожиданно, это было уже в завершении эпохи «бури и натиска» в 1928 г., когда Дж. фон Нейман построил математическую теорию перевода между этими несоизмеримыми языками, между этими картинами мира или состояниями. В результате выяснилось, что существуют изоморфизмы между этими картинами мира и бесконечным числом других картин мира, но они выстраиваются с помощью неких бесконечных процедур (унитарных операторов). Теоретикам этого объяснения хватило, примирение состоялось. Мы же как наблюдатели – существа конечные, и язык семантических пространств также конечен. Более того, не все ухватывается вербализуемой семантикой: у нас есть неявные знания, у нас есть телесный опыт, «гений места», где мы выросли, – то, что мы совсем не можем формализовать, разве что через искусство. Поэтому некоторые представления китайской культуры требуют томов толкований бесчисленных нюансов.

Лучше всего в данном случае «работает» выращивание аутентичной когнитивной карты ребенка, родившегося и выросшего в китайской культуре, взрослому так не суметь. И в этом отношении никакого перевода (в идеальном математическом качестве) ожидать не приходится.

Как только даже физики пытаются сделать что-то в конечном виде, то появляются некие парадоксы, иллюзии и т.д. Физики с этой проблемой столкнулись и примирились, а скорее – привыкли ее учитывать. На третьем курсе физфака МГУ, когда начинают читать уже теоретические «кванты», возникает ропот: «Ну как же мы не можем понять, мы же такие талантливые?» Лекторы, как правило, отвечают: «Потерпите семестр, потом привыкните! Понять все равно не сможете, поскольку нет неформального наглядно-образного языка для представления абстрактных квантов-механических понятий». Это особенно касается процессуального понимания квантовой механики, где дополнительным затрудняющим фактором ее понимания выступает уже сам язык, ориентированный на видение мира как состоящего из отдельных, хотя и взаимосвязанных вещей.

То же самое мы и сегодня можем слышать в нашей дискуссии. Обращаясь к пифагорейцам, посредством «квантовой оптики» можно увидеть, как им удалось символически представить дополненность постольку, поскольку они мыслили в контексте другой семиотической системы, ориентированной не на цифры, а на числа, это был символический код основ – антропокосмоса, который собирает массу дискурсов в символе. В современной математике остался только один дискурс для цифры. Соответственно, и то, что мы сегодня экстрагировали из лейбницевского монадологического подхода, это чисто формальный момент. Изначально познание мира, видимо, выстраивается, как у ребенка, по системе «делай как я», на основе набора рецептов, неких конструкций жизненных практик. Однако, как говорил Дмитрий Сергеевич Чернавский, если бы интеллект был в одном экземпляре во Вселенной, то никакой логики и речи не возникло бы, он бы работал как нейросеть, он бы просто учился тому, что надо делать в разных ситуациях, взаимодействуя с реальностью. Как только мы начинаем иметь дело со становящимся социумом и множимся как индивиды-монады, возникает проблема трансляции знаний, понимания другого и перевода, что делается очень малыми средствами, коротенькими фразами, практически

азбукой Морзе. Напрашивается вывод, что универсальный перевод и полная унификация разнообразия культурных кодов в принципе невозможны, поскольку каждый наблюдатель, несущий свою оптику понимания, дает новую грань перевода, осмысление которого порождает иногда очень плодотворные кросс-культурные переносы идей и методов освоения мира. Таким образом, можно сказать, что квантовая механика имплицитно, в свернутом виде содержит в себе практики осознания собственной реальности. И в этом смысле наблюдатель в квантовой механике – это интенциональный актор-субъект, имеющий своего двойника в наблюдателе сознания Гуссерля. И здесь уместно процитировать высказывание В. Паули, который в своей исторической работе «Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера» писал: «Общая проблема связи между психическим и физическим, внутренним и внешним не может быть решена и с помощью возникшего за последние сто лет понятия “психофизического” параллелизма. Современное естествознание привело нас к более удовлетворительной точке зрения на эту связь, введя понятие дополнительности непосредственно в физику. Наиболее удовлетворительным было бы такое положение, когда физическое и психическое можно было бы рассматривать как дополняющие друг друга аспекты одной и той же действительности...» [Паули 1974, 172].

Есть еще одно замечание о процессуальных онтологиях, возникшее в связи с рефлексией в работах А.В. Смирнова языкового сознания, присущего арабской культуре. Картина Гейзенберга для наблюдаемых-операторов, зависящих от времени, есть прообраз процессуальных онтологий, хотя Гейзенберг и не был знаком с арабской культурой. Дальнейшее развитие его идей привело к возникновению алгебраического подхода в квантовой теории, так называемой C^* -алгебры – наиболее общего и абстрактного подхода в описании квантового мира. Как мы видели, процессуальность Гейзенберга может быть переведена на язык событийных состояний Шредингера через длящиеся во времени измерительные процедуры. Заметим в этой связи, что здесь онтология реальности как становящегося процесса дополняется эпистемологией наблюдателя в контексте (само)сознания, понимаемого как «процесс создания и манипулирования ментальными образами (визуальными или невизуальными) в мозгу» [Кастельс 2016, 163].

Но наш экскурс в процессуальную онтоэпистемологию квантовой механики был бы далеко не полон, если бы мы оставили без рассмотрения одну из ее принципиальных особенностей, отличающих ее от парадигмальных онтологий бытия классической науки. Мы имеем ввиду существенную нелокальность квантовых феноменов. Нелокальность, которая не может быть представлена в контексте привычных пространственно-временных представлений. Не имея возможности более подробно остановиться на этом вопросе, отметим только, что впервые на эту особенность квантовомеханического описания реальности обратил внимание А. Эйнштейн, сформулировав вместе с Подольским и Розеном так называемый ЭПР-парадокс с целью доказать его неполноту. Речь здесь идет о феномене так называемой «запутанности» или, лучше сказать, «сцепленности» (entanglement) квантовых частиц в контексте специально приготовленных квантовых состояний. Надо сказать, что на эту специфическую черту целостности *системной сложности* квантовой онтологии долгое время не обращали (как это ни странно) особого внимания, за исключением, быть может, самого Эйнштейна, а также Шредингера и Паули. Ситуация, однако, резко изменилась, когда в 60-х годах прошлого века тогда еще молодой физик-теоретик из ЦЕРНа Джон Белл нашел достаточно простой критерий экспериментального различения предсказаний, сделанных на основе квантовой механики и любых других, полученных на основе представлений о существовании неких локальных скрытых параметров [Гринштейн, Зайонц 2008]. Проведенные с тех пор эксперименты подтвердили нелокальность квантовомеханического описания, сделав нелокальность экспериментально наблюдаемым феноменом. И в этом смысле стал нелокальным и квантовый наблюдатель, понимаемый теперь уже и как «поток сознания», как процесс.

Теперь остается только один шаг для того чтобы принять квантовую *переплетенность* этого процесса сознания как осознания с процессуально осмысленной онтологией материальных вещей как актуально ставших, так и потенциально становящихся. В известном смысле можно сказать, что процессуальная реальность квантовой онтологии становится гибридной или симбиотической. В тоже время у нас пока еще не выработан когерентный этой реальности язык, хотя попытки в этом направлении делались. Здесь, конечно же, необходимо упомянуть исследовательскую программу «переоткрытия времени» И. Пригожина. Но у него

отправным пунктом была проблема возникновения «стрелы времени» в процессе становления порядка из хаоса и в контексте общей задачи переосмысления понятия энтропии в рамках нелинейной неравновесной термодинамики. Эта по сути междисциплинарная программа, известная так же под названием «нового диалога человека и природы», развитая И. Пригожиным в тесном сотрудничестве с И. Стенгерс, сама по себе заслуживает отдельного рассмотрения [Пригожин, Стенгерс 2005].

Д. Бом и его квантовая механика

Мы здесь остановимся на подходе к пониманию квантовой механики Д. Бома, выдающегося физика и философа, вклад которого в философию науки до сих пор, на наш взгляд, недостаточно оценен. Его имя обычно упоминается в связи с изобретенными им концепции голографической вселенной, понятий эксплицитного и имплицитного порядка и холодинамики. При этом, однако, остается в тени его гораздо более радикальная попытка осмыслить квантовую реальность и ее познание в контексте понятия процесса. В своей ключевой во всех отношениях книге «Целостность и имплицитный порядок» Д. Бом поясняет существо своего понимания этого понятия следующим образом: «...Не только все изменяется, но все *есть* поток (flux). То есть, *что* есть процесс сам по себе, в то время как все объекты, события, сущности, условия, структуры и т.д. являются формами, которые могут быть абстрагированы из этого процесса. Лучший образ процесса – это, возможно, текущий поток, чья субстанция никогда не бывает той же самой. В этом потоке мы можем различить постоянно меняющиеся паттерны вихрей, рябь, волны, брызги и т.д., которые, очевидно, не имеют как таковые независимого существования. Скорее они абстрагируются из текущего движения, возникая и исчезая в целостном (total) процессе течения (flow). Такое временное существование, которым обладают все эти абстрагированные формы, предполагает их лишь относительную независимость или автономию поведения» [Bohm 1980, 48]. Далее, рассмотрев вопрос о понятии процесса в соотнесенности с вопросом о природе реальности, Бом ставит вопрос о том, что именно это понятие должно привнести в понимание природы знания: «Ясно, что для того, что бы быть последовательным, мы должны сказать, что знание есть так же процесс, абстрагированный из единого тотального потока, который, таким образом, есть

основа (ground) как реальности, так и (по)знания этой реальности» [Bohm 1980, 49].

Не имея здесь возможности более подробно рассматривать идеи Д. Бома, укажем на некоторые из них, непосредственно касающиеся темы нашей статьи, а именно – проблемы несоизмеримости и процессуального языка и мышления. Надо сказать, что эти идеи остались незавершенными проектами, но есть основания полагать, что они в том или ином виде получают свое преемственное развитие уже в не совсем отдаленном будущем.

Ключевая идея здесь – это достаточно амбициозный проект преодоления фрагментарности знания, воссоздания его единства на основе его понимания как длящегося креативного процесса. Этот проект эскизно намечен Бомом в его попытке ввести, как он выражается, *новый режим использования языка (new mode of language)*. Бом подчеркивает, что изобретение всецело нового языка, предполагающего радикально иную структуру мысли, – задача утопическая. Запуск нового режима использования языка, более адекватного той процессуальной реальности, которую имплицитно предполагает квантовая механика, означает для Бома переход к режиму, в котором движение (movement) берется в качестве первичного в нашем мышлении таким образом, что это понятие, будучи встроенным в языковую структуру, позволит скорее глаголу, чем существительному играть первостепенную роль.

Бом предложил назвать этот способ использования языка *rheomode*, где *rheo* – от греческого глагола ῥέω, означающего протекать (to flow) [Bohm 1980, 30]. При этом в контексте поиска такого языкового режима Бом ссылается помимо прочего на «некоторые древние языки, например иврит, где глагол играл первостепенную роль» [Bohm 1980, 30].

В то же время, помимо проекта *rheomode*, Бом пытался подойти к решению проблемы фрагментации научного знания под углом более общей перспективы или, точнее, полиперспективы. Мы имеем в виду его рассмотрение науки как креативной перцептивно-коммуникативной практики. «Возможно ли для науки функционировать (to operate) так, чтобы различные идеи рассматривались вместе и между ними создавалось бы новое восприятие?» – так ставит вопрос Д. Бом, отмечая далее, что для него «существо креативности заключается в способности создавать такое новое восприятие, а также тот факт, что ключевую роль в таком восприятии играет коммуникация... Фактически в этом

контексте восприятие и коммуникация неразделимы, так что креативный акт возникает как в потоке идей между людьми, так и в понимании одного индивида» [Bohm, Peat 1987, 63].

Наш по необходимости краткий обзор процессуального подхода Д. Бома к пониманию квантовомеханической реальности, как одновременно ориентированный на преодоление фрагментированности научного знания, несоизмеримости научных теорий и парадигм, будет все же недостаточным, если мы на упомянем, что для него представленный подход никоим образом не претендовал на статус некоего универсального унифицирующего принципа. В его понимании процессуальный подход преследует цель инициировать креативный динамический перцептивно-коммуникативный процесс конвергенции знания и познания; процесс, вовсе не отменяющий его дивергенцию, а лишь некоторым образом ограничивающий ее «изнутри». Это понимание, как он отмечал, восходит к философии Уильяма Джемса, который защищал множественность подходов в их динамической связанности. «Вместо монолитного единства той или иной парадигмы, которая способна изменяться, только будучи разгромленной (*cracked and shattered*) в революции, должна утвердиться (новая) форма единства в многообразии» [Bohm, Peat 1987, 58]. Последнее означает, помимо прочего, что процессуальное мышление в понимании Д. Бома обладает своего рода чувствительностью и открытостью (*clarity*) к *сходствам и различиям*, изменениям и непрерывности. И в этом понимании процессуального мышления оно выглядит в значительной степени когерентным тому, что мы называем мышлением в сложности.

Вместо заключения

В этой связи вместо традиционного заключения нам хотелось бы уделить немного места исчислению различий Спенсера-Брауна, впервые представленному им в его небольшой книге «Законы формы» [Spencer-Brown 1969] и семиотически связанному с ним понятию умвелта как семиотически активной среды обитания живого организма. Исходным пунктом подхода Спенсера-Брауна является перформативное утверждение о том, что для наблюдения необходимо провести различие. При этом существенно, что проведение различия сопряжено с актом именования, означивания и указанием пересечь проведенную границу между означенным и неозначенным одновременно с рефлексивным *осознаванием* не-

обходимости сохранения обеих сторон различного как некоей формы единства «фигуры и фона», системы и окружающей ее активной среды – умвелта, если пользоваться термином Якоба фон Иксюлля [Kull 2001]. Это действие – различение, оно дальше запускает некий рекурсивный процесс становления различий вместе с сохранением их единства. Или, точнее, связанности. Этот процесс тесно переплетен с процессом семиозиса как процессом рекурсивной самоорганизации – повторного вхождения субъекта в собственную обозначенную область (его умвелт), о чем подробнее будет сказано ниже.

Многие считают, что Спенсер-Браун развил идеи основоположника американского прагматизма Чарльза Пирса. Творческому наследию Пирса сейчас уделяется особенное внимание в связи с компьютерным интеллектом, он известен как основоположник теории знаков, семиотики. Нам здесь важно отметить, что Пирс был философом процесса и в этом динамически-процессуальном контексте он ввел понятие абдукции как креативного, семиотически опосредованного способа получения нового знания. В триаде «дедукция, индукция и абдукция» последняя выступает как некий процессуальный гештальт, как некая герменевтика работы со знаками. Зачастую абдуктивное познание как процесс приравнивают к гипотетико-дедуктивному методу, в результате чего от внимания ускользают некоторые важные его детали как своего рода кибернетического процесса, включающего в себя многообразие обратных связей (как положительных, так и отрицательных). Как Эйнштейн изобрел теорию относительности? Это скачок интуиции, медитации, перцептивного озарения, выдвижения гипотез и дальше – коммуникативный самокорректирующийся процесс их отбора и согласования с наблюдаемыми данными и уже ставшими готовыми обоснованными знаниями. Первичной здесь является *ситуация встречи* с неким вызывающим удивление фактом как вызовом, создающим неравновесную ситуацию, в которой наш мозг ищет какую-то причинно обусловленную гипотезу как своего рода параметр синергетического порядка, посредством которого в калейдоскопе хаоса данных возникает осмысленный образ-фигура. Интересно заметить, что, согласно Пирсу, абдуктивное мышление свойственно на инстинктивном уровне и животным, каждый вид которых обладает своими, семиотически освоенными ими средами обитания, умвелтами как продуктами конструктивного взаимодействия кибернетической

петли их сенсорно-моторной активности с реальностями, куда их погрузил процесс эволюции.

Согласно предложившему этот концепт эстонскому биологу Якобу Иксклюю [Kull 2001], умвельт – это среда обитания, которая создается активным и конструктивным взаимодействием организма и окружающей среды. У каждого организма: и у летучей мыши, и у насекомого, и у животного, и у человека, – есть свой умвельт, т.е. своя среда обитания, и эта среда «означивается» – состоит из значимых для данного организма сигналов, создающихся в процессе конструктивного взаимодействия. Соответственно, возникает достаточно обоснованное предположение, согласно которому умвельты разных организмов несоизмеримы в коммуникативно-семиотическом смысле.

Далее, не менее обоснованно можно предположить, что каждая культура тоже выступает как семиотическая система [Лотман 1992]. И каждая такая система имеет свой умвельт или метаумвельт. Эти умвельты или жизненные миры, которые предполагает каждая культура, заключают корень проблемы – переводимости и непрережимости. Помимо своей первичной географической обусловленности, каждая культура, возникая в своем ареале обитания, порождает, изобретает свою семиотическую систему, свой язык, являющийся продуктом активного нелинейного взаимодействия с этой самой средой. Мир летучей мыши и жизненный мир человека, умвельты различных культур действительно выглядят несоизмеримыми. И тем не менее, будучи рассмотрены в своем эколого-эволюционном, а также семиотическом измерениях, они при всех своих различиях связаны посредством своей общей вовлеченности в процесс становления. Такое, по сути, конвергентное междисциплинарное рассмотрение ведет к проектам создания новой антропологии «по ту сторону человека», разного рода исследовательским программам кросс-культурных исследований, ориентированных на отказ от европейского антропоцентризма эпохи Просвещения в пользу акторно-сетевого полицентризма, полиперспективизма, полисубъектности, множественности акторно-семиотических реальностей. Характерным примером этого исследовательского направления «онтологического поворота» может служить недавно вышедший русский перевод книги Эдуардо Кона «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека» [Кон 2018], в основе подхода которой, в частности, лежат семиотические идеи Ч. Пирса.

Проблема соизмеримости/несоизмеримости сейчас действительно стала проблемой номер один. Как найти единство в мире культурного и биоорганического разнообразия, всячески сохраняя и оберегая его, и одновременно найти связность разных умелых, семиотически означенных, искусственных и естественных сред обитания, экологических и когнитивных ниш, каждая из которых имеет свою самобытность и неповторимость? Нам представляется, что уроки конструктивного осмысления метапроблем *понимания понимания* квантовой механики вместе с осмыслением творческого наследия таких философов процесса, как Пирс, Бергсон, Уайтхед, плюс глубокая рефлексия над проблемами соизмеримости/несоизмеримости языковых сознаний разных культур, создадут в конечном счете совместное синергично-междисциплинарное пространство сотрудничества для конструктивного их решения. Во всяком случае, как отмечает М. Кастельс, возникающая новая глобальная культура – «это культура коммуникации ради продолжения коммуникации. Это незамкнутая сеть культурных смыслов, которые могут не только сосуществовать, но также взаимодействовать и изменять друг друга на основе этого обмена» [Кастельс 2016, 56].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гринштейн, Зайонц 2008 – *Гринштейн Дж, Зайонц А.* Квантовый вызов. Современные исследования оснований квантовой механики. – Долгопрудный: Интеллект, 2008.

Кастельс 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Кон 2018 – *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Гнозис-Прогресс, 1992.

Паули 1974 – *Паули В.* Физические очерки. – М.: Наука, 1974.

Пригожин, Стенгерс 2005 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: КомКнига, 2005.

Хакинг 1998 – *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. – М.: Логос, 1998.

Bohm 1980 – *Bohm D.* Wholeness and the Implicate Order. – London: Routledge & Kegan Paul, 1980.

Bohm, Peat 1987 – *Bohm D., Peat F.D.* Science, Order, and Creativity. – New York: Bantam Books, 1987.

Kull 2001 – *Kull K.* Jakob von Uexküll: An Introduction // *Semiotica*. 2001. Vol. 134. No. 1/4. P. 1–59.

Spencer-Brown 1969 – *Spencer-Brown G. Laws of Form.* – London: George Allen and Unwin, 1969.

REFERENCES

Bohm D. (1980) *Wholeness and the Implicate Order.* London: Routledge & Kegan Paul.

Bohm D. & Peat F.D. (1987) *Science, Order, and Creativity.* New York: Bantam Books.

Castells M. (2009) *Communication Power* (Russian translation: Moscow: Higher School of Economics Press, 2016).

Greenstein G. & Zajonc A.G. (1997) *The Quantum Challenge: Modern Research on the Foundations of Quantum Mechanics* (Russian translation: Dolgoprudny: Intellect, 2008).

Hacking I. (1983) *Representing and Intervening* (Russian translation: Moscow: Logos, 1998).

Kon E. (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human* (Russian translation: Moscow: Ad Marginem Press 2018).

Kull K. (2001) Jakob von Uexküll: An Introduction. *Semiotica*. Vol. 134, no. 1/4, pp. 1–59.

Lotman Y.M. (1992) *Culture and Explosion.* Moscow: Gnosis-Progress (in Russian)

Pauli W. (1974) *Physical Essays.* Moscow: Nauka (Russian translation).

Prigogine I. & Stengers I. (1984) *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature* (Russian translation: Moscow: KomKniga, 2005).

Spencer-Brown G. (1969) *Laws of Form.* London: George Allen and Unwin.

Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира*

И.Ф. Михайлов

Институт философии РАН, Москва, Россия

Оригинальная исследовательская статья

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Аннотация

В статье затрагиваются такие темы, как возможность понимания восприятия в качестве многоуровневой обработки информации, методологическая роль понятия репрезентации и соотношение нейродинамических структур и субъективного опыта. Объектом критического рассмотрения стали философские презумпции, лежащие в основе разнообразных концепций «локальной рациональности» – убеждения, что крупные этнокультуры основываются на собственной рациональности и собственной логике или порождают их. Последовательно рассматриваются утверждения, что мышление основано на имманентных правилах рациональности, что экстрактом рациональности является логика и что типы рациональности географически совпадают с крупными этнокультурными общностями. Приводятся эмпирические аргументы, демонстрирующие сомнительность, если не ложность, первых двух тезисов. В частности, показывается, что, во-первых, подлинная рациональность мышления заключается не в следовании имманентным ему правилам, а в направленности мыслительных и шире – когнитивных – операций на оптимизацию каких-либо показателей когнитивной или моторной системы, важных для выживания и адаптации. Кроме того, эта рациональность многовариантна, и выбор между вариантами часто слабо детерминирован или вообще случаен. Таким образом, первое утверждение оказывается опровергнутым. Во-вторых, на материале известных экспериментов показано, что большинство людей не следует явно декларируемым логическим правилам в решении даже логических или математических задач, и тем не менее есть основания считать их поведение рациональным. Третий тезис, как показывается на очень ограниченном эмпирическом материале, находит частичное подтверждение. Тем не менее, демонстрация сомнительности первых двух тезисов делает вывод о разных логиках у разных народов недостаточно обоснованным.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00316 А «Когнитивные основания социальности».

Ключевые слова: восприятие, информация, репрезентация, нейросеть, рациональность, логика, этнокультура.

Михайлов Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, Институт философии РАН.

ifmikhailov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8511-8849>

Цитирование: Михайлов И.Ф. (2019) Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 37–53. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World*

I.F. Mikhailov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Original research paper

Abstract

The article covers such issues as the relevance of the theory of perception as a multi-level information processing, the methodological role of the concept of representation and the relation of neurodynamic structures to subjective experience. The author critically reviews the philosophical presumptions underlying the various concepts of “local rationality,” the core of which is constituted by the belief that large ethnic cultures generate or are based on their own rationality and their own logic. Three statements are successively considered: (a) thinking is based on the inherent rules of rationality, (b) logic is an extract of rationality, and (c) types of rationality are geographically consistent with large ethnocultural communities. Empirical arguments are presented that demonstrate equivocality (if not falsity) of the first two theses. In particular, firstly, it is shown that the genuine rationality of thinking lies not in following the rules that are immanent to it, but in the development of thinking and, more broadly, cognitive operations towards optimization of certain indicators of the cognitive or motor system that are important for survival and adaptation. In addition, this rationality is multivariate, and the choice between variants is often weakly determined or

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the scientific project no. 18-011-00316 A “Cognitive Foundations of Sociality.”

even random. Thus, the first statement turns out to be refuted. Secondly, by reference to the well-known experiments, it is shown that most people do not explicitly follow some declared logical rules in solving even logical or mathematical problems, and yet there is reason to consider their behavior rational. The third thesis, as shown with some limited empirical material, appears to be partially confirmed. Nevertheless, the demonstration of the doubtfulness of the first two theses makes the conclusion that different nations have different logics insufficiently substantiated.

Keywords: perception, information, representation, neural network, rationality, logic, ethnic cultures.

Igor F. Mikhailov – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Methodology of the Interdisciplinary Study of Man, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ifmikhailov@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0001-8511-8849>

For citation: Mikhailov I.F. (2019) Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 37–53.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-37-53

Введение

В эпоху политкорректности и комплекса вины бывших колонизаторов все большее распространение в мире получают представления об эпистемической равноценности культур различных этнических сообществ перед лицом ныне доминирующей американско-западноевропейской культуры. Вряд ли можно серьезно говорить о наличии «другой науки» в культурах, не создавших собственного научного фундамента. Но отсутствие философии или логики в привычном смысле слов значительно легче можно интерпретировать как обладание «другой» философией или логикой, с правами которых на свой особый путь необходимо считаться. С разной степенью убежденности об этом пишут и российские авторы (см., например: [Герасимова 2016; Карелова 2018; Смирнов 2019]).

Данная статья не преследует цель какой-либо содержательной оценки подобных взглядов. Я лишь хочу обратить внимание на тот факт, что, как правило, авторы делают заключения о наличии «иного мышления» у незападных этнокультур, основываясь на лингвистических или социологических фактах в их наиболее абстрактной интерпретации, указывая на особенности грамматиче-

ского строя языков или организации общественной жизни. Иначе говоря, обосновывают свои выводы средствами исключительно философского рассуждения там, где возможно научное исследование со строгой опорой на эмпирические и экспериментальные методы. На ограниченном числе примеров я надеюсь показать, что поспешность философии не показана там и тогда, где и когда наука способна продемонстрировать свою обстоятельность.

Теории, выводящие наличие особых форм мышления у иных этнокультур, как правило, опираются на следующие философские презумпции:

1. Мышление явно или неявно подчиняется неким имманентным (1) правилам рациональности.
2. Ядром или экстрактом рациональности является (та или иная) логика.
3. Типы рациональности географически совпадают с большими этнокультурными общностями.

Нетрудно заметить, что эти положения складываются в некий вполне определенный силлогизм, выводом которого можно считать следующее положение:

4. Следовательно, большие этнокультурные общности используют разные логики.

Если принять эту концепцию, то складывается некая пространственная структура, которую я назвал бы «айсбергом локальной рациональности».

В основании этого айсберга, скрытым под толщей арктической воды, находится то, что можно назвать «когнитивными интуициями» (термин А.В. Смирнова [Смирнов 2019]). Это дорациональные

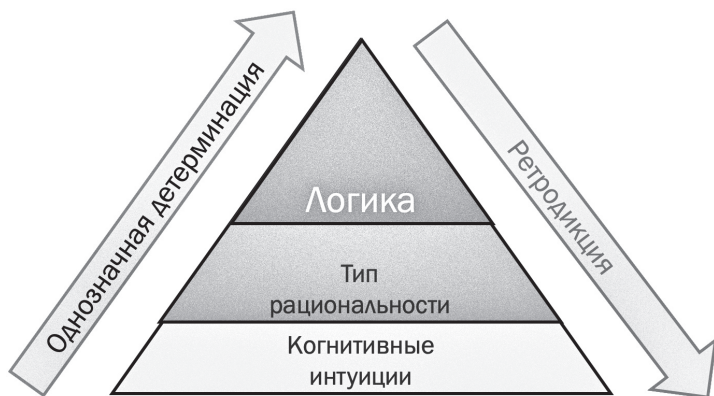

Рис. 1. Айсберг локальной рациональности

предрасположенности сознания. Когнитивные интуиции, согласно этой концепции, вполне однозначно детерминируют «тип рациональности» – имплицитные или эксплицитные правила рассуждения и принятия решений в данной локальной культуре. Венчает эту конструкцию «логика» – явно сформулированные в данной культуре правила мышления. Если снизу-вверх между этими элементами имеется отношение однозначной детерминации – когнитивные интуиции однозначно определяют тип рациональности, а тот, в свою очередь, диктует определенную логику, – то сверху вниз их пронизывает возможность ретродикции, т.е. возможность восстановления и экспликации типа рациональности культуры по заявленной в ней логике и возможность реконструкции ее когнитивных интуиций по идентифицированному типу рациональности.

Для того чтобы оценить заявку подобных концепций на истинность, попробуем разобраться последовательно с каждой из посылок силлогизма.

Мыслим ли мы рационально?

То, какие когнитивные устройства мы, люди, собой представляем, и как эти устройства работают, поможет понять научно-фантастическая притча, рассказанная в статье [O'Regan, Noë 2001] (цит. по: [Логинов, Спиридонов 2017]). Представим себе, что команда океанографов снарядила батискаф, автоматически управляемый с плавучего судна, для исследования затонувшего «Титаника». Однако в «Титанике» поселилось злобное и очень умное морское чудовище, которое сразу же переподключило кабели, идущие от батискафа к пульту управления, таким образом, что акустические сигналы стали подаваться на видеомониторы, и наоборот. Ученые сидят в растерянности перед ставшими бессмысленными показаниями приборов, и все, что им остается, – это искать регулярности в непонятных мерцаниях и шипениях, сравнивать их между собой и предлагать правдоподобные гипотезы, объясняющие эти регулярности.

То, что чувства нас обманывают, открыли еще древнегреческие философы, предложив Логос в качестве панацеи или альтернативного способа созерцания истины. Дальнейшая история философии, в анамнезе которой столько различных картин мира, сколько философов, показала, что разум нас обманывает тоже. Поэтому анализ и сопоставление потоков ненадежной информации (эмпи-

рического и рационального) с целью выявления закономерностей и порождения правдоподобных гипотез есть *modus operandi* как отдельного индивида, так и науки в целом.

Как показывают современные исследования по поведенческой экономике и восприятию, проблемы рациональности встают уже на уровне перцепции. Как считают Теппо Фелин с соавторами, «аргументы о восприятии непреднамеренно вплетаются в литературу о рациональности через использование визуальных иллюзий, метафор и задач в качестве примеров предвзятости, ограниченности и слепоты» [Felin et al. 2017, 1056]. Когнитивная наука как бы заново открывает аргументы Парменида против «мира во мнении». И если в исследованиях по поведенческой экономике молча предполагается, что есть некая единственная объективная реальность и некая единственная соответствующая ей рациональность, а иллюзии и предвзятости восприятия и суждения трактуются как девиации, то более, на мой взгляд, философски корректный подход подсказывает нам, что ни у одного из имеющихся у нас «окон в мир» нет эпистемических привилегий. И поэтому в условиях недостатка информации мы выбираем одну из возможных рациональных интерпретаций реальности в надежде, что именно она позволит нам выжить и адаптироваться.

Как представляется, Фелин с соавторами претендует на своего рода кантианско-коперникианский переворот в науке: «То, что мы отстаиваем, — это принципиально иной взгляд на когницию. Осознание и восприятие — это, скорее, функция воспринимающего (а не воспринимаемых данных. — И. М.), вопросов, проб и теорий, которые любой из нас навязывает даже самым простым визуальным сценам или окружению, или же реальности в целом» [Felin et al. 2017, 1054]. Так, авторы обсуждают широко известный эксперимент с «невидимой гориллой» [Simons, Chabris 1999]. В кадре — две команды, игроки которых одеты, соответственно, в белые и черные майки. Они параллельно передают волейбольные мячи, каждый — игрокам своей команды. Испытуемым — зрителям — дается задание посчитать, сколько раз передают мяч игроки в белых майках. Поскольку задание несложное, практически все дают правильный ответ. Однако только половина испытуемых замечает, что посреди игры на поле выходит человек, переодетый в гориллу, бьет по-обезьяньи себя в грудь и покидает кадр. И никто из испытуемых не обращает внимания на то, что в этот же момент один из игроков в черной майке покидает игру, а занавес на фоне

меняет цвет с красного на золотистый (см. видеореконструкцию эксперимента: [Simons 2010]).

С точки зрения более традиционного «реалистического» подхода, этот эффект говорит о некоей неполноценности нашего восприятия, неспособного отразить подлинную реальность. Однако, как справедливо указывают авторы цитируемой статьи, «подлинная» реальность состоит из потенциально бесконечного числа свойств и отношений (цвет волос и расовый состав игроков, скорость их движения, буквы на занавесе и т.д.), которые в сумме так или иначе недоступны никакому восприятию, кроме божественного (а в последнем случае можно ли вообще говорить о «восприятии»?). Поэтому направленность и ограниченность реального восприятия реальных людей суть проявления его рациональности, а не наоборот, – рациональности, которая может реализовываться во множестве вариантов.

Рис. 2. Иллюзия Понцо

Рис. 3. Иллюзия Эббингауза

С этой же – «кантианско-когнитивной» (2) – точки зрения можно рассмотреть и иные известные в науке визуальные иллюзии. Так, иллюзия Понцо (рис. 2), как и иллюзия Эббингауза (рис. 3), демонстрирует «ложное» восприятие сравнительных размеров идентичных фигур, помещенных в переменный контекст.

Однако ложным это восприятие оказывается, если у нас есть альтернативный доступ к реальности, или альтернативный способ ее репрезентации (например, линейка). В культуре, где линейка является центром важной практики, более рациональным выглядит решение скорректировать с ее помощью представление о размерах фигур – и то только в том случае, если возникнет прагматически оправданное подозрение. Кроме того, по крайней мере в случае с иллюзией Понцо, «ложной» они оказываются только постольку, поскольку фигуры наложены на изображение, а не находятся в изображаемой реальности. Если бы это были не белые отрезки, а забытые на рельсах или потерянные кем-то деревянные брусья,

у нас и сомнений не возникло бы в разнице их размеров. И такая репрезентация была бы, несомненно, рациональной.

Из этого можно заключить, что наше перспективное видение – когда дальние предметы кажутся меньше – представляет собой эволюционно сформировавшуюся экономную, а следовательно, рациональную, форму визуальной репрезентации сложных пространственных отношений, достаточную для нашей ориентации и адаптации. Да, «обмануть ее несложно», но именно потому что природа методом отбора вырабатывает наиболее экономные и энергетически эффективные способы представления данных, нужные для статистически достаточного выживания особей данного вида.

Для нашей темы принципиальную важность представляют комментарии, данные в руководстве по кросс-культурной психологии [Shirayev, Levy 2016, 205–206]. Согласно данным кросс-культурных исследований, наиболее подвержены иллюзиям типа иллюзии Понцо представители «западной» культуры и жители больших городов, в отличие от обитателей «третьего мира» и сельской местности. Авторы приводят ряд гипотез, объясняющих эту разницу, которые все так или иначе сводятся к эмпирическому научению. Однако в последнем по времени переиздании этой книжки появилась ссылка на работу индийских врачей, которые нашли хирургический способ восстановить зрение у слепых от рождения детей. На удивление, излеченные дети, которым практически сразу же предъявлялась картинка Понцо, и у которых не было времени на культурное научение, регулярно находили верхний отрезок большим. Авторы указывают, что общепринятого объяснения этих новых данных пока нет.

На мой взгляд, некоторый свет на возможные универсальные объяснения визуальных иллюзий может пролить замечание Дэвида Марра, классика вычислительной нейронауки, высказанное им в его основополагающей книге «Vision» по поводу, пожалуй, самой старой и известной из визуальных иллюзий – куба Неккера (рис. 4). Это изображение характерно тем, что зритель может свободно «переключаться» между двумя возможными аспектами: в одном из них ближняя к зрителю грань видится как расположенная ниже, а в другом – как расположенная выше дальней. С иллюзией Понцо его роднит то, что обе иллюзии возникают при

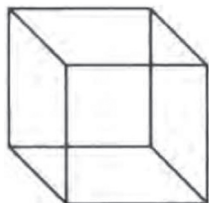

Рис. 4. Куб Неккера

двухмерной проекции трехмерной картины. Соответственно, можно предположить, что это как-то связано с особенностями обработки объемных изображений соответствующими нашими процессинговыми центрами. Марр предположил, что «часть объяснения его (куба. – *И. М.*) перцептивного изменения должна быть связана с бистабильной нейронной сетью (то есть с двумя отчетливыми стабильными состояниями) где-то внутри мозга...» [Marr 2010, 26]. Иными словами, архитектура многочисленных взаимосвязанных и соподчиненных нейронных сетей, образующих мозг, предполагает наличие многих одинаково стабильных состояний, в которых эти сети могут зафиксироваться, получив данные определенного рода. Получение дополнительных данных может переместить репрезентацию из одного стабильного состояния в другое, меняя, например, видимый аспект образа. Но система в целом настроена на работу в условиях недостаточных данных, когда одно из возможных и, в принципе, одинаково рациональных стабильных состояний выбирается случайно, или вероятность того или иного выбора подкреплена научением, обусловленным предшествующим опытом, культурным контекстом или физиологическими особенностями. С такой интерпретацией согласны Фелин и его соавторы, полагая, что «восприимчивость человека к праймингу и чувствительность к более заметным сигналам не являются очевидными доказательствами иррациональности, а скорее свидетельствуют об этой (когнитивной. – *И. М.*) мультистабильности. Независимо от того, имеем ли мы дело с восприятием или рассуждением, в недостаточно информативных и неоднозначных ситуациях люди используют любые имеющиеся свидетельства или сигналы... для вынесения суждений» [Felin et al. 2017, 1055].

Таким образом, сравнивая психологические данные и предложенные психологические и нейрофизиологические интерпретации, мы можем с определенной вероятностью заключить, что устройство когнитивного аппарата мультистабильно и, следовательно, создает возможность множественных «рациональных» восприятий и суждений. Никто не предопределен фатально к определенному перцептивному стилю и определенным визуальным решениям в условиях неоднозначности данных, хотя некоторое влияние могут оказывать прошлый опыт или культурный контекст, повышая вероятность выбора тех или иных форм репрезентаций по сравнению с другими. Но главный вывод

состоит в том, что рациональность выбора восприятий, мыслей или решений принципиально вариативна и относительна.

Логично ли мышление?

Весьма распространенное и многими некритически принимаемое убеждение состоит в том, что логика является имманентной формой мышления и одновременно его описательной (а не нормативной) теорией, поскольку, мысля, мы следуем тем или иным непреложным правилам. А если таковые правила разнятся, то, следовательно, мы имеем дело с разными логиками. Чтобы уверенно утверждать это, необходимо показать, что реальное мышление людей подчиняется декларируемым в данной культуре логическим правилам.

Однако обратимся к известным экспериментам. В эксперименте Уэйсона 1968 г. испытуемым предлагался набор карт, на одной стороне которых были нанесены буквы, на другой – цифры. Было также сформулировано правило: если на одной стороне карты гласная буква, то на другой непременно будет четная цифра. Испытуемым предлагались четыре лежащие карты, на «верхних» сторонах которых имелись символы, соответственно: А, К, 2, 7. В качестве задания нужно было ответить на вопрос: какие карты нужно перевернуть, чтобы убедиться в том, что правило выполняется. Согласно логическим правилам *modus ponens* и *modus tollens*, перевернуть нужно карты «А» и «7». Однако распределение реальных ответов реальных испытуемых выглядело следующим образом: «А» – 89%, «К» – 16%, «2» – 62%, «7» – 25%. Очевидно, что люди в массе своей руководствовались не декларируемыми в их культуре правилами логики, а какими-то другими соображениями (описание эксперимента взято из [Schooler 2001, 12771]).

В эксперименте Гигеренцера испытуемым предлагалось следующее условие: предположим, что у 0,3% людей есть рак толстой кишки. Вероятность того, что тест на рак толстой кишки обнаружит заболевание, составляет 50%, а вероятность, что он ошибочно покажет рак у здорового человека, составляет 3%. Вопрос: какова вероятность того, что у человека с положительным тестом рак? Согласно правилу Байеса, правильный ответ – 4,8%. Гигеренцер – обратите внимание – опрашивал профессиональных медиков, которых трудно заподозрить в недостатке релевантного опыта и научения. И тем не менее, медианный ответ опрошен-

ных – 47%, почти в 10 раз больше математически правильного [Gigerenzer 1998, 17].

Эти эксперименты спровоцировали интенсивное обсуждение в литературе и породили некоторое количество объяснительных гипотез (см.: [Schooler 2001, 12772–12775]). Так, Л. Шулер, автор обзорной статьи, считает, что «выполнение карточных заданий у Уэйсона (1968), статистического задания Гигеренцера (1998) и другие эксперименты демонстрируют, что люди на самом деле иррациональны по сравнению с принятыми (в их культурах. – *И. М.*) стандартами логического вывода» [Schooler 2001, 12772]. Тверски и Канеман считают, что в этих экспериментах люди переносят эвристические и эмпирические правила, успешные в повседневной жизни, в лабораторные условия, где они неприменимы. В этих интерпретациях проглядывает убеждение, что всякое отклонение от единственно возможной рациональности является иррациональным, – убеждение, с которым полемизируют Фелин и соавторы.

Напротив, Джон Андерсон, классик когнитивной науки в ее классическом – символическом – воплощении, полагает, что критический шаг в том, что можно было бы назвать «рациональным анализом», состоит в том, чтобы выяснить, какой показатель может оптимизировать когнитивная система, и на основе этого делать прогнозы о том, как люди будут вести себя в конкретных экспериментальных задачах [Anderson 1990, 28]. Как бы конкретизируя эту мысль, Оуксфорд и Чейтер подчеркивают, что люди не рассматривают задачу как логический тест, а скорее пытаются установить причинно-следственную связь между двумя событиями [Oaksford, Chater 1996]. Не имея соответствующего опыта в отношении карточек, люди интерпретируют объявленное Уэйсоном правило как причинно-следственную связь, подобную тем, которые они видели в прошлом. В задаче Уэйсона, по их мнению, мы имеем ситуацию, в которой поведение нерационально по отношению к законам дедукции, но может быть понято как рациональное в контексте того, как люди обычно ищут информацию.

Я бы отметил то важное для понимания природы рациональности обстоятельство, что причинно-следственная связь является ассоциативной, а не логической. Как считают Бендер и Беллер, «в текущих исследованиях все еще обсуждается «модифицированная версия (концепции Леви-Брюля. – *И. М.*), согласно которой два способа мышления все же различаются – иногда их назы-

вают “основанное на правилах” в отличие от “ассоциативного”, “рефлексивное” в отличие от “интуитивного”, или “абстрактное” в отличие от “контент-специфичного” – хотя и *существуют они, как предполагается, во всех культурах* (курсив мой. – И. М.)» [Bender, Beller 2011, 2].

И достаточно важное уточнение было сделано самим Гигеренцером. Если испытуемым медикам та же задача предлагалась не в процентно-статистических, а в простых арифметических терминах (30 из каждых 10000 человек имеют рак толстой кишки; из этих 30 – у 15 тесты будут положительными; из оставшихся 9970 человек без рака будет положительный результат, тем не менее, у 300), то 67% испытуемых отвечали правильно, по сравнению с 4% в том эксперименте, когда данные были представлены по правилам теории вероятности. Из этого факта можно сделать вывод, что успешность решения задачи зависит не только от содержания и сложности данных, но и от соответствия формы ее репрезентации повседневной практике людей в поиске информации [Gigerenzer 1998, 17].

Как я полагаю, дискуссии, представленные в этом разделе, делают вполне обоснованным следующее обобщение. Изначально мы – люди – как и другие животные, не логические машины, а ассоциативно-статистические, поскольку имеем «на борту» не серийный, а параллельный (нейросетевой) компьютер. Следовать дедуктивным правилам нас принуждают наука, юриспруденция и другие социальные институты, осуществляющие и регулирующие социальные вычисления. Логика, будучи важным порождением этих институтов, тем не менее, очень мало знает о реальном человеческом мышлении.

Мыслят ли этнокультуры по-разному?

Итак, нам осталось выяснить, есть ли основания говорить об устойчивых типах рациональности, распространенных на значительных культурных или этнокультурных пространствах, которые определялись бы устойчиво регистрируемыми когнитивными интуициями, общими целым народам и даже «цивилизациям». По этой теме есть много исследований, проводившихся в различных частях света с различными целями и на основе различных методологических подходов. Как правило, такие сравнительные исследования организуются на территориях компактного совместного проживания представителей разных этнокультур. В рамках небольшой дискуссионной статьи представить полноценный обзор

этих материалов невозможно. Некоторые – правда, фрагментарные и лапидарные – сведения можно почерпнуть из неоднократно переиздававшейся книги Шираева и Леви [Shiraev, Levi 2016]. Я же ограничусь примером исследования казахской молодежи на предмет распределения перцептивных и мыслительных стилей, описанного в [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014].

Авторы исследования работали с молодыми людьми, разделенными на три группы: казахи с родным казахским языком (KZKZ), казахи с родным русским (KZRU) и русские (RU). Внутри каждая группа разделялась еще и по половому признаку. В качестве основного показателя для измерения перцептивного стиля была выбрана полезависимость, стандартно определяемая как «доминирование целого, недостаточное дифференцирование частей в образе восприятия, неспособность преодолевать контекст, необособленность отдельных раздражителей от фона», тогда как ее противоположность – полenezависимость – понимается как «способность сопротивляться влиянию конфликтующих фоновых признаков при восприятии зрительных форм и связей, способность воспринимать целое, вычленять стимулы из контекста» [Кондрашихина 2009, 48]. По мнению самих исследователей, полученные данные «не позволяют говорить о каких-либо существенных закономерностях влияния этнических и языковых особенностей на когнитивный стиль личности и наоборот» [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014, 767].

Несколько иная картина наблюдается при распределении той же выборки по стилям мышления. Были идентифицированы следующие типы: аналитики, синтетики, идеалисты, реалисты, прагматики. В группе казахоязычной молодежи среди юношей встречаются только аналитики и синтетики, которые распределены примерно поровну. В группе казахоязычных девушек отсутствуют только реалисты. Представители прочих типов также распределены примерно поровну. В группах KZRU и RU половина юношей – аналитики, оставшиеся – или идеалисты и реалисты поровну (KZRU), или только реалисты (RU). Девушки в обеих русскоязычных группах распределены более или менее равномерно, за исключением того, что в KZRU не зарегистрированы девушки-прагматики, а в RU – синтетики. Авторы исследования заключают, что выборочное сравнение без разделения по полу «говорит о том, что группы KZRU и RU более похожи друг на друга, чем с группой KZKZ» [Zhumagaliyeva, Barabanova 2014, 768].

Конечно, этих скромных данных недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, влияет или нет характер или грамматические особенности родного языка на когнитивные стили его носителей. Но они показывают, что в некоторых случаях слабая корреляция существует, а следовательно, такое влияние возможно. Опыт других когнитивных исследований склоняет к признанию влияния языка и социальных институтов на стиль и характер когний индивида. Как считают уже цитируемые авторы, «человеческое взаимодействие в социальных, институциональных и организационных условиях, вероятно, в значительной степени определяет, как “агрегирует” рациональность. Это, скорее всего, намного сложнее, чем простое линейное сложение, учитывая сложные, эмерджентные результаты» [Felin et al. 2017, 1055].

Таким образом, относительная зависимость мыслительных стилей этнических групп от языковой принадлежности на фоне почти полной тождественности их перцептивных стилей позволяет предположить детерминирующую роль языка в формировании когнитивных портретов этнокультур.

Заключение

Мы начали с философских презумпций, лежащих в основе концепции устойчивых типов рациональности, содержательно и географически совпадающих с когнитивными стилями этнокультурных сообществ. Три из этих презумпций образуют посылки силлогизма, четвертая следует из них как вывод. В результате краткого обзора эмпирических данных мы обнаружили, что, во-первых, подлинная рациональность мышления заключается не в следовании имманентным ему правилам, а в направленности мыслительных и шире – когнитивных – операций на оптимизацию каких-либо показателей когнитивной или моторной системы, важных для выживания и адаптации. Кроме того, эта рациональность многовариантна, и выбор между вариантами часто слабо детерминирован или вообще случаен. Таким образом, первая посылка силлогизма опровергнута.

Во-вторых, известные и обсуждаемые в литературе эксперименты показывают, что большинство людей не следует явно декларируемым логическим правилам в решении даже логических или математических задач, и тем не менее их поведение можно считать рациональным, учитывая привычные им и малозатратные способы поиска информации и установления

причинно-следственных связей. Вторая посылка силлогизма также опровергнута.

Третья посылка, напротив, нашла частичное подтверждение. Есть основания считать, что когнитивные стили больших групп людей детерминируются такими их этнокультурными особенностями, как родной язык.

Но, тем не менее, поскольку следствие силлогизма может полагаться несомненно истинным только при условии истинности всех его посылок, мы должны констатировать, что у нас нет достаточных оснований считать, что разные этнокультурные общности используют разные логики в своем мышлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Под имманентными правилами я в данном случае понимаю правила, явленные самому мышлению. Т.е., такие правила, в которых само мышление может дать себе отчет.

(2) Надо, впрочем, отметить, что имя Канта может употребляться здесь в значительной мере условно, поскольку описанная им априорная структура трансцендентального субъекта допускает не слишком много вариантов репрезентаций.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Герасимова 2016 – *Герасимова И.А.* Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 128–146. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-128-146

Карелова 2018 – *Карелова Л.Б.* Логическая концепция Нисиды Кита-ро как отражение типа рациональности японского языка и культуры // *Философские науки*. 2018. № 7. С. 59–70. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Кондрашихина 2009 – *Кондрашихина О.А.* Дифференциальная психология: Учеб. пос. – Киев: Центр учебной литературы, 2009.

Логинов, Спиридонов 2017 – *Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф.* Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. № 1. С. 25–42.

Смирнов 2019 – *Смирнов А.В.* Процессуальная логика и ее обоснование // *Вопросы философии*. 2019. № 2. С. 5–17.

Anderson 1990 – *Anderson J.R.* The Adaptive Character of Thought. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990.

Bender, Beller 2011 – *Bender A., Beller S.* The Cultural Constitution of Cognition: Taking the Anthropological Perspective // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2. Article 67. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00067

Gigerenzer 1998 – *Gigerenzer G.* Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies // *The Evolution of Mind* / ed. by D.D. Cummin & C. Allen. – New York: Oxford University Press, 1998. P. 9–29.

Felin et al. 2017 – *Felin T., Koenderink J., Krueger J.I.* Rationality, Perception, and the All-Seeing Eye // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2017. Vol. 24. No. 4. P. 1040–1059. DOI: 10.3758/s13423-016-1198-z

Kahneman 2003 – *Kahneman D.* Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 5. P. 1449–1475.

Marr 2010 – *Marr D.* Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. – Cambridge: MIT Press, 2010.

O'Regan, Noë 2001 – *O'Regan J.K., Noë A.* A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. No. 5. P. 939–973.

Oaksford, Chater 1996 – *Oaksford M., Chater N.* Rational Explanation of the Selection Task // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103. No. 2. P. 381–391.

Schooler 2001 – *Schooler L.* Rational Theory of Cognition in Psychology // *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences*. – Oxford: Pergamon, 2001. P. 12771–12775.

Shiraev, Levy 2016 – *Shiraev E.B., Levy D.A.* Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications (6th ed.). – New York: Routledge, 2016.

Simons 2010 – *Simons D.J.* The Monkey Business Illusion // Youtube. – URL: https://youtu.be/IGQmdoK_ZfY

Simons, Chabris 1999 – *Simons D.J., Chabris C.F.* Gorilla in Our Midst: Sustained Inattention Blindness for Dynamic Events // *Perception*. 1999. Vol. 28. No. 9. P. 1059–1074.

Zhumagaliyeva, Barabanova 2014 – *Zhumagaliyeva B., Barabanova E.* The Culture and Ethnicity Influence on The Manifestation of Human Cognitive Styles // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 159. P. 765 – 769.

REFERENCES

Anderson J.R. (1990) *The Adaptive Character of Thought*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Bender A. & Beller S. (2011) The Cultural Constitution of Cognition: Taking the Anthropological Perspective. *Frontiers in Psychology*. Vol. 2, article 67. DOI: 10.3389/fpsyg.2011.00067

Felin T., Koenderink J., & Krueger J.I. (2017) Rationality, Perception, and the All-Seeing Eye. *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 24, no. 4, pp. 1040–1059. DOI: 10.3758/s13423-016-1198-z

Gerasimova I.A. (2016) Constructivism as a Logical Style and a Problem of the Chinese Logic. *The Philosophy Journal*. Vol. 9, no 4, pp. 128–146. DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-4-128-146 (in Russian).

Gigerenzer G. (1998). Ecological Intelligence: An Adaptation for Frequencies. In: Cummin D.D. & Allen C. (Eds.) *The Evolution of Mind* (pp. 9-29). New York: Oxford University Press.

Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*. Vol. 93, no. 5, pp. 1449–1475.

Karelova L.B. (2018) Nishida Kitaro's Logical Theory as a Reflection of the Rationality of Japanese Language and Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 59–70. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70 (in Russian).

Kondrashikhina O. A. (2009) *Differential Psychology: A Textbook*. Kyiv: Tsentr uchebnoy literatury (in Russian).

Luginov N.I. & Spiridonov V.F. (2017) Embodied Cognition as a Current Trend in Cognitive Psychology. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*. Vol. 7, no. 1, pp. 25–42 (in Russian).

Marr D. (2010) *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. Cambridge: MIT Press.

O'Regan J.K. & Noë A. (2001) A Sensorimotor Account of Vision and Visual Consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 24, no. 5, pp. 939–973.

Oaksford M. & Chater N. (1996) Rational Explanation of the Selection Task. *Psychological Review*. Vol. 103, no. 2, pp. 381–391.

Schooler L. (2001) Rational Theory of Cognition in Psychology. In: *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences* (pp. 12771–12775). Oxford: Pergamon.

Shirayev E.B. & Levy D.A. (2016) *Cross-Cultural Psychology: Critical Thinking and Contemporary Applications* (6th ed.). New York: Routledge.

Simons D.J. & Chabris C.F. (1999) Gorilla in Our Midst: Sustained Inattentional Blindness for Dynamic Events. *Perception*. Vol. 28, no. 9, pp. 1059–1074.

Smirnov A.V. (2019) Processual Logic and Its Grounding. *Voprosy filosofii*. 2019. No 2, pp. 5–17 (in Russian).

Zhumagaliyeva B. & Barabanova E. (2014) The Culture and Ethnicity Influence on The Manifestation of Human Cognitive Styles. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 159, pp. 765–769.

Единообразие против единства

Т.Б. Любимова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Вопрос о том, можно ли философствовать вне категорий рационалистической философии, не сводится только к методологии. В нем есть идеологический подтекст. А именно: рационализм, сложившийся в философии в Новое время, после Декарта, неизбежно дополняется механицизмом. Мир рассматривается как машина, живое сводится к механизмам. Рационализм становится машиной ментальности. Принимая его за образец нормального мышления, придавая ему универсальную ценность, мы тем самым навязываем другим культурам западный способ мышления. Вопрос, таким образом, стоит не о методе научного знания, а о власти, реализуемой через преобразования ментальности. Научное знание завоевывает пространство. Философия производит преобразования ментальности. Новый рационализм, считает Г. Башляр, находится в диалектическом отношении с привычным реализмом естественных наук. В этом процессе происходит реализация новых схем, вырабатываемых в сложном взаимодействии рации и эксперимента. Современная наука есть коллективное творчество новой реальности. Это реальность «картины мира». Существует другой взгляд на науку, рационализм и современную философию. Согласно ему, рационализм есть дуализм, атоанизм и в социальном плане индивидуализм. В этих чертах проявляется антитрадиционный и антиметафизический дух современной западной цивилизации. Традиционный подход – это недвойственность, единство, обеспечиваемое метафизическими принципами. Для нового рационализма в науке характерна вера в бесконечный прогресс знания. Но само это знание, с точки зрения традиции, лишено неизменной ценности. Философия использует категории древнегреческой философии или немецкой классической философии, но они не могут считаться универсальными. Они соответствовали не только времени и месту, условиям, в которых они возникли, но и характерному менталитету создававших их народов и конкретных личностей. Для понимания метафизических доктрин традиционных культур они не подходят. Язык традиционных культур символический и синтетический в отличие от аналитического языка западной науки и философии.

Ключевые слова: рациональность, наука, философия, традиция, Г. Башляр, М. Вебер, ментальность, истина, культура, единство.

Любимова Татьяна Борисовна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН.

tat-lub@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6122-8434>

Для цитирования: Любимова Т.Б. (2019) Единообразие против единства // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 54–72.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Uniformity vs. Unity

Т.Б. Lyubimova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Original research article

Abstract

The question of whether it is possible to philosophize outside the categories of rationalist philosophy is not limited to methodology. It has ideological overtones. Namely, the rationalism that has developed in philosophy in modern times, after Descartes, is inevitably supplemented by mechanics. The world is seen as a machine, the living is reduced to mechanisms. Rationalism becomes a machine of mentality. Taking it as a model of normal thinking, giving it a universal value, we thereby impose Western way of thinking on other cultures with a different mentality. The question, therefore, is not about the method of scientific knowledge but about the power realized through the transformation of mentality. Scientific knowledge conquers space. Philosophy produces a transformation of mentality. New rationalism, according to G. Bachelard, is in dialectical relation with the usual realism of the natural Sciences. In this process, there is the implementation of new schemes developed in the complex interaction of “ratio” and experiment. Modern science is the collective creation of a new reality. This is the reality of the “picture of the world.” There is another view of science, rationalism and modern philosophy. According to him, rationalism is dualism, atomism and social individualism. These features reveal the anti-traditional and anti-metaphysical spirit of modern Western civilization. The traditional approach is non-duality, unity provided by metaphysical principles. The new rationalism in science is characterized by the belief in the infinite prog-

ress of knowledge. But knowledge itself, from the point of view of tradition, is devoid of great value. Philosophy uses categories of ancient Greek philosophy or German classical philosophy, but they cannot be considered universal. They corresponded not only to the time and place, the conditions in which they arose, but also to the characteristic mentality of the peoples and individuals who created them. They are not suitable for understanding the metaphysical doctrines of traditional cultures. The language of traditional cultures is symbolic and synthetic in contrast to the analytical language of Western science and philosophy.

Keywords: rationality, science, philosophy, tradition, G. Bachelard, M. Weber, mentality, truth, culture, unity.

Tatyana B. Lyubimova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

tat-lub@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6122-8434>

For citation: Lyubimova T.B. (2019) Uniformity vs. Unity. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 54–72. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72

Введение

Мы рассматриваем вопрос о предполагаемой универсальности категорий западной рационалистической философии. Он не сводится только к методологии. В нем есть идеологический подтекст. А именно: рационализм, сложившийся в философии в Новое время, после Декарта, неизбежно дополняется механицизмом. Мир рассматривается как машина, живое сводится к механизмам. Рациональное мышление становится машиной ментальности. Принимая его за образец нормального мышления, придавая ему универсальную ценность, мы тем самым навязываем другим культурам западный способ мышления. Таким образом, стоит вопрос не о методе научного знания, а о власти, реализуемой через преобразования ментальности. Рационализм укоренен в ментальности представителей той или иной культуры, поэтому типы его различаются, что не дает оснований для предпочтения того или иного типа рациональности. Это более объемное понятие, однако оно позволяет рассматривать проблему и в более широком контексте.

Макс Вебер, может быть, самый объективный исследователь рационализма, считал, что истоком его была Индия, а отнюдь не Древняя Греция. Интересно, что совсем не сторонник социоло-

гического подхода Рене Генон полагал, что логика Аристотеля имеет те же корни. Именно в Индии впервые в истории развились «техники» аскетизма, теории и практика созерцательной жизни. Именно отсюда они распространились по всему миру. Это реальные рационализации производили отвлеченные от непосредственной включенности в течение жизни нормы и ценности, основу религиозной этики и «мирской аскезы». Но когда речь идет о современной западной ментальности, то имеют в виду рационализм после Декарта.

Получается, что именно этот образец философствования признается нормальным и соответствующим природе человеческого разума. Под словом «разум» подразумевается западное понимание разумности как некоей строгости, точности, целесообразности, соответствия нормам мышления. Нормы эти в свою очередь тоже имеют образец в западном мышлении. Идея нормативности мышления, как и более общая идея нормы, расширяется при этом до характеристики культуры; отсюда один шаг до того, чтобы считать одни культуры (и народы!) нормальными, а другие – не очень. И еще один шаг до навязывания избранной нормы другим, переход от констатации к долженствованию, уровню юрисдикции, праву и господству. При этом отрицать нормативный аспект любой культуры вообще невозможно, она и есть нормативная система, но только одна ее сторона обращена к социуму, фиксирует и регулирует образцы социального действия, а другая сторона этой системы допускает произвольные изменения. Можно сказать, что это два самых общих параметра странного объекта. Все меняется, кроме самой изменчивости.

Культура как нормативная система представляет собой множество способов овладения изменчивостью. Скорость перемен разная, ритмы разномасштабные, пересечения всего со всем производят некие «силовые линии», подобно кругам на воде.

Рациональность, когда ее рассматривают как образец, обретает черты юрисдикции, т.е. нормативности. Распространение западного образца юрисдикции на незападные сообщества, очевидно, могло быть только насильственным и разрушительным для традиционных обществ. По аналогии можно предположить, что и распространение западного типа рационалистической философии тоже носит принудительный и разрушительный характер. За убеждением в универсальности западного типа рациональности скрывается нечто другое.

Фаустовская культура

Если вне западной парадигмы рациональности нет настоящей философии, то *нельзя* философствовать иначе, произвольным образом. Это значит, что *должно* философствовать только в категориях аристотелевской логики и метафизики. В крайнем случае, наверное, можно использовать кантовские категории. А те доктрины, которые нам встречаются в других регионах и в другие эпохи, не есть философия в смысле нормального «зрелого» мышления. Получается, что метафизические доктрины Востока есть нечто отсталое, мешающее прогрессу. Людей, которые их придерживаются, надо образумить, т.е. привести к общему знаменателю, – пусть они говорят на нашем языке и не говорят на своем, для нас непонятном.

Рациональность есть специфическая характеристика и особая ценность западной европейской культуры. Возможно, что она связана не просто с устройством европейских языков, но и со способом чтения, ведь мы читаем «по линейке», следим за бегущей строкой, и вместе со строкой движется мысль. Эта линейная в прямом смысле логика определяет мышление, а значит, и ментальность вообще. Можно сказать, что это мышление анти-музыкально, хотя европейская нотная запись тоже линейная, но даже в ней можно записать многоголосие, помимо мелодии можно записать и аккорды, т.е. одномоментное звучание многих голосов. А мыслит композитор вообще не линейно. Утверждают, что такие великие композиторы, как Моцарт и Чайковский, слышали мысленно свое будущее произведение все целиком, запись, по сути, была аранжировкой. Некоторые великие дирижеры также во время концерта держат все произведение в памяти целиком. В истории существовали и существуют другие виды записи мысли, в том числе ненотной записи музыки. Макс Вебер в исследовании о рациональных основаниях музыки прекрасно показал, что «иррациональный» язык неевропейской музыки не переводится на язык европейской двенадцатитональной системы. Интересно, что теоретики музыки уже после принятия ислама строили свои теории по образцу западной системы, однако их теории никак не отражались на практике. Темперация не могла быть приспособлена, поскольку в «восточной» интервалы меньше и гораздо более «иррациональные» [Вебер 2016, 555–559]. Приспособление к западному музыкальному строю оказывается упрощением, поскольку эти интервалы невозможно без остатка уложить «в простую гамму».

Музыка есть исчисление души, она раньше относилась не к искусствам, а к наукам. Она аналог математики, и даже зоны мозга, отвечающие за способности к музыке и к математике, симметричны. Ноты аналогичны одновременно и математическим символам, и буквам, т.е. они фиксируют отдельный звук. Другие формы записи музыки, как и речи, должны быть адекватны другой ментальности. Пиктографическая письменность фиксирует не звуки, а синтезированную мысль. Традиционные символы суть мыслимые синтезы. Поэтому их чтение не бывает линейным, аналитическим, не переставая быть разумным.

Интересно отметить, что в противопоставлении целерационального действия и традиционного, по типологии М. Вебера, первое определяется через соответствие цели и средства, а второе – через соответствия средств неизменному образцу (ценностнорациональное действие не будем здесь рассматривать). Тогда западный образец рациональности, если его считать образцом и действовать в соответствии с ним, надо будет назвать традиционным. Но ведь в типологии действий он назван целерациональным в противоположность традиционному. Представляется, что у этих идеальных типов действия в типологии разные основания. Средства тоже подбираются по образцу из наличных, они отчасти тоже ритуальны, а цель для каждого действия занимает неизменное место. Если бы она тоже менялась по ходу действия, то такой режим действия был бы более адекватным в мире становления, коим и является наш мир изменчивой множественности. Традиционное действие тоже можно представить как целерациональное, ведь цель у него всегда есть, и она неизменна для каждого конкретного ограниченного действия, только цель эта не наглядная, поэтому адекватность средств (в предельном случае – ритуалов) извне может быть непонятна. Разумность этих традиционных символических действий соответствует другим критериям, с точки зрения которых западный тип целерационального действия есть безумие.

О. Шпенглер назвал европейскую культуру фаустовской, устремленной вдаль, стремящейся к расширению, желательного бескрайнему, завоеванию пространства и ускорению времени. Старинная легенда о Докторе Фаусте [Легенда о докторе Фаусте 1978] приобрела у Гете многогранное символическое значение. Этот символ расцвел и возвысился до философских небес. Мы помним, что «прекрасным мгновеньем» для Фауста стал момент торжества творческого, созидательного духа. Он *видит* плоды

своих трудов по преобразованию земли, строительству каналов, в общем, *очевидные* успехи научно-технического прогресса и произносит роковые слова. Умирает. И в это мгновение мы видим на сцене вместо радостно трудящихся на благо человечество людей лемуров (т.е. бесов), со смехом и издевками роющих могилу для Фауста. Но это внешний слой интерпретации символа. Перед этой сценой Фауст должен был для строительства светлого будущего расчистить площадку. А на площадке находился домик. Фауст без колебаний приказывает уничтожать его с лица земли. Что и происходит. В домике том жила престарелая пара (символ прошлого рода человеческого). Как правило, на этот момент интерпретаторы не обращают особого внимания или расценивают как жестокость «машин» научно-технического прогресса. Но ведь смысл этого эпизода в уничтожении *прошлого* вообще; предки – это традиция, традиция – это связь времен. Разрыв, столь решительный, с прошлым оборачивается разрывом с Небом. Ведь Фауст даже в народной драме, в кукольных комедиях и во всех последующих обработках этой легенды, будучи блестящим доктором богословия, встает на путь «науки» (интересно, что в одной из пьес у искушающего его духа, т.е. беса, имя – Аристотель). Правда, наука Фауста есть магия, чернокнижье, но какая уж была! Все великие ученые занимались «чернокнижеством». И Галилей, и Кеплер, и Тихо Браге составляли гороскопы и не только. Фауст был алхимиком, оставаясь под прикрытием, под маской богослова. Здесь важен момент жертвы всем ради «демонического» знания, каким до Нового времени считались элементы естествознания, смешанные с оккультизмом. Ученые были не только язычниками, но прежде всего слугами Сатаны. Философами называли алхимиков, астрологов и других знатоков священных наук. Запретное знание было одновременно и зловредным, и иллюзорным. Опасность этого «злого» знания видели, правда, в его духовном вредительстве, не рассматривая возможности преобразования «материи». Алхимические опыты изначально были для самих ученых великим делом, целью коего было преображение человека, социума и Вселенной, для христиан же – чернокнижеством и богохульством, а для простых людей – производством чудес [Lindsay 1986]. Если иллюзорность дел и их плодов в приведенном символе судьбы Фауста выставлена на первый план в некоторых народных сюжетах, то разрыв с традицией, понимаемой как связь времен, у Гете подмечен задолго до современных историков науки. Разрушается

не только связь времен, само разрушение становится мотором научного знания. Рационализм, позиционируя себя средством исправления (в праве), познания (в науке) и созидания (в технике), в сущности оказывается машиной разрушения. Хотя бы потому, что это машина. Неслучайно современный тип рационализма в науке и философии ведет свое начало от Декарта. Его рационализм есть в то же время механицизм, и производит он странную идею – все сводить к механическому движению.

Кстати, знаменитое «когито», хотя это глагол первого лица единственного числа, тем не менее в латыни, как впоследствии и в итальянском языке, употребляется без личного местоимения. Поэтому именно «я», «эго» приписывать к этому глаголу не вполне законно. Отсутствие местоимения в латинском языке, а это язык точный, может интерпретироваться иначе, чем мы привыкли. Ведь «я» только подразумевается, т.е. мнится. Стоит прочесть более точно: мнится, следовательно, существует. «Мнится мне» – это все равно что одновременно и снится, и мыслится, и кажется. Поэтому было бы точнее сказать: «Кажется – значит существует». Тогда это несомненно, и существует не как вещь, а как само сомнение. Только тогда эта сентенция была бы по-настоящему замкнута на самой себе, без привнесения лишней вещи, «я», «эго». Сомневалось ведь не «я», сомнение есть состояние сознания, его раздвоенность, оно и есть мышление. Мышление, которое считается деятельностью сознания, всегда двойственно и другим быть не может, оно не может существовать без сомнения. Мышление как согласование с Божественным Разумом, как это считается в традиции и религии, когда человек наподобие радара принимает мысль, как композитор слышит произведение целиком и ему остается только записывать, – это умаление нашего «я», а значит и сомнения. Декарт тоже надеялся, что Бог его не обманывает, не ясно только, почему не обманывает только в избранных мыслях, а не вообще во всем?

Наверное, это было бы так, но наше «я» всегда готово нас обманывать, присваивая способность мыслить, чувствовать, совершать деяния, говоря вообще – быть субъектом, превращая мир в объект. А если мир – объект, то он машина, не надо никаких богов даже для избавления от сомнений. Небесная механика несовместима с миром, где «все полно богов». Теперь бог – это «я», а остальное – машина, ею надо управлять, ее надо исправлять, она во власти субъекта. Таковы следствия предположения, что

мыслит «я». Между прочим, это есть «ликвидация прошлого», т.к. даже у Аристотеля, а потом и у св. Фомы, у Гегеля ум, мысль, мышление имеет основанием самого (самою) себя. Ум, мысль – это самосушее, которое не требует никакого свидетеля («я») и свидетельства (очевидности). Конечно, эти великие люди мыслили рационально, но новый рационализм как будто сорвался с цепи: «Современную науку и ее революционные открытия можно во всех отношениях определить как *ликвидацию прошлого*» [Башляр 2016, 220]. Разрушительность научной точки зрения в отношении предшествующего знания в самой истории науки и научной рациональности, по мысли Г. Башляра, проявляется в постоянной трансформации «прошлого» науки. История непрерывно пересматривается, и наука тогда остается вечно новой, вечно молодой: «Философская позиция, которую я здесь утверждаю, конечно, трудна и опасна. Она содержит в себе разрушительный элемент: этот разрушительный элемент – эфемерный характер современности науки» [Башляр 2016, 226]. Но если выйти за границы «научной истории науки», применив ее же принцип «А почему бы и нет?», то эту точку зрения можно транслировать и на действие науки в ее приложениях в «реальном» мире, т.е. обнаружить переоценку «достижений» во всей истории культуры, взяв в качестве отправного пункта переоценку норм, на которые ориентировалась предшествующая ментальность.

Научный рационализм

М. Вебер в своем знаменитом докладе «Наука как призвание и профессия» утверждает, что прогресс науки есть часть общечеловеческого процесса интеллектуалистической рационализации, уходящего в бесконечность. Предпосылкой науки как *призвания* М. Вебер считал занятие наукой ради знания как такового, это такая же позиция, что и «искусство для искусства», ее же можно найти и в других институтах культуры. Что это означает с общей точки зрения? Вероятно, преобразование в системе норм и ценностей, поскольку вокруг обособившейся ценности и обеспечивающих ее норм и строятся институты. Наука в Греции, существовавшая ради полиса, стало быть, ради войны, это не та же самая наука, что в эпоху Возрождения, а значит и обеспечивается другой рационализацией, преследующей иную цель, – поиск пути к истинной природе. Понятно, что и в Средневековье была наука, но понимавшаяся как путь познания Бога.

Современная наука не имеет иллюзий относительно таких целей. Она строит картину мира и утверждает горизонты познания. В картине с перспективой на горизонте есть точка схода, фокусирующая схождение параллельных линий. Если «картина» могла бы быть прикреплена к реальности, то неевклидова геометрия была бы очевидностью. Но ни одна картина мира не прикрепляется на сколь угодно малое мгновение к реальности. Реальность мы мыслим самотождественной, пусть и недоступной для однозначного описания и понимания. Картина, оказывается, существует либо субъективно, либо в промежутке между субъектом и объектом как представление. Тогда точка схода на горизонте может интерпретироваться как наше «я», эго. Оно и существует, и в то же время – эфемерно, иллюзия. И как иллюзия не может ни сомневаться, ни производить мысли, мыслить.

Можно быть уверенным в существовании самого себя и своего «я», но нельзя воспринять «я» другого человека. Оно не имеет образа, в этом смысле оно не очевидно, не представлено нам пред нашими очами. Даже не ощутимо, как неощутима трансцендентальная апперцепция. Оно не объект, потому что не представимо, не субъект, потому что не имеет качеств, будучи точкой схода на горизонтах сознания. И как эта точка изменчива, перемещаясь в зависимости от позиции смотрящего вдаль, от расстояния до горизонта и даже от остроты зрения, так изменчиво(а) и я-точка. Но «если бы *cogito* было переведено в пассивную форму – в *cogitatur ergo est*, то разве активный субъект испарился бы вместе с неустойчивостью и неопределенностью впечатлений?» [Башляр 1987, 147]. В этом смысле рационализм «после Декарта» за точку отсчета принимает заведомо несуществующее, эфемерное, изменчивое и не самотождественное.

Изменение – это становление. Как не вспомнить «Книгу перемен»? Но там перемены вращаются вокруг неизменного принципа, *Тай-цзы*. Все бежит и вращается, но есть неизменная внутри себя сложная точка, из которой развертывает бесчисленное множество состояний. Таков традиционный принцип существования. Для современной ментальности, ориентированной на научную рациональность, этой точки нет ни как сущности, ни как субстанции. Их удалили, потому что не получалось стройного здания науки с рационалистической точки зрения.

Через изменения норм и ценностей идут преобразования в «реальном» мире. Сама наука, какова бы она ни была, –

традиционная священная или современная рациональная – в силу того, что «душа» науки есть математика, не создает и не отражает реальность, а создает и отражает лишь научную картину мира [Bornaglio 2018]. Однако приложения ее, т.е. проекция вовне, *создают* вторую реальность, техно-мир, «машину», причем одновременно машину реальную и идеальную. Идеальная машина ментальности – это и есть прогрессирующая рациональность. Чтобы был возможен прогресс рационализации, надо разорвать бесчисленные связи реальности (реальность – это буквально «вещность»), стремясь заменить сложившуюся целостность (прошрое) другой, более приемлемой для изменившихся условий существования. Значит, надо научиться думать, что мы способны вырезать из тотальной связности каждую вещь, что они существуют по отдельности, каждая сама по себе. Научная (физическая) реальность есть продукт рационального метода, дополняемого эмпирическим (экспериментальным). Только так и можно создать машину, которая действует как отделенная от всего вещь. Так, если говорить просто, мир рассыпается на бесчисленное множество индивидов, живых и неживых, атомов и галактик, разумных и лишенных разума существ и т.д. Вторичный синтез рассыпанных феноменов не может быть ничем, кроме машины.

Хотя позиционируется не декартовская эпистемология, на деле, становясь частным случаем, она остается ядром рационалистической активности [Bornaglio 2017]. Мы обучаемся определять, т.е. ограничивать вещи, как если бы они были определены «на самом деле». С вещами обращаются инструментально, в поисках новой целостности, удаленной в бесконечность. Характерно для научного стиля, что слово «инструмент» сейчас стало столь модным, заменяя собой пустоты мысли. В этом можно усмотреть определенный социально-культурный сдвиг: то, что в социологии называют инструментальным уровнем социума, должно быть «внизу», в любом случае не замещая собою символического уровня, т.е. уровня культуры. Это смешение уровней или даже их смещение есть симптом неравновесного состояния, как если бы пирамиде пришлось искать равновесия, стоя не на квадратном основании, а на своей вершине.

Инструмент не обязательно есть нечто материальное, это не эмпирическая вещь; математика ведь тоже инструмент рациональности, идеальная вещь, и в этом смысле она есть техника. Как квалифицировал математику И. Кант, она есть виртуозность разума

в отличие от философии, которая есть законодательство разума [Кант 1994, 489–490]. Философия в идеале должна полагать не только моральный и социальный закон, но и «космологический» (в наших переводах это «универсальный»). Если бы ей удалось это, то такую философию можно называть научной метафизикой.

Наука, сколь бы ни была она рационалистичной, еще не есть философия, она дистанцируется от морали, социума и метафизики; она тем более не нуждается в категориях универсальной метафизики. Поэтому все ее рационалистические конструкции попадают в бесконечное кружение диалектики «разума и опыта». Конструкции и инструменты порождают собственную феноменологию, которую Башляр охарактеризовал так: «Истинная научная феноменология есть в сущности своей феноменотехника» [Башляр 1987, 37]. Методология как техника мысли дополняется психологией, где дух индивидуален. Но потребность в метафизике все равно есть при любой рационалистической методологии: «Дух может изменить метафизику, но он не может обойтись без метафизики» [Башляр 1987, 168].

Рационализм с точки зрения учения о Единой Традиции

Рационализм и индивидуализм с точки зрения учения о единой духовной традиции считаются ошибками, с которых началось отклонение западной философии, а с ней и всей западной цивилизации от нормального пути человечества. Индивид понимается не столько в социальном плане, сколько в онтологическом, частным случаем коего можно было бы счесть дискретность, но тогда элиминируется неделимость «частиц». А только в этом случае они могут быть тождественными, а следовательно, исчисляемыми. Их тождество эфемерно в силу возникающих парадоксов, о которых мы здесь не будем рассуждать. Парадоксы с необходимостью возникают в науке, поскольку она погружена в мир становления (множества как количества), не обращаясь к метафизическому уровню принципов. Единство в этом учении о традиции рассматривается не только как необходимая норма, как одна из ценностей в развертывании человеческой цивилизации (точнее говоря, множества сменяющих друг друга цивилизаций-эпох), но как духовная основа, удерживающая человечество от деградации и даже от гибели. Рационализм – это всегда дуализм, но это не значит, что утверждение о единой традиции иррационально, поскольку противопоставление «рационально – иррационально» здесь не имеет смысла.

Современный научный разум стремится к бесконечному прогрессу знания, а стало быть, цивилизации и человечества. Цель отодвигается за горизонт, оказывается довольно туманной. Меняется и понятие истины, она скользит по оси времени, мало-помалу добавляя достижения машины рационализации и реализации, создающей научную картину мира. Диалектика «реализм – рационализм», представленная Г. Башляром, демонстрирует относительность научных истин, их нестойкость, хотя методы науки, в особенности эксперимент, направлены на овладение временем. Никакие категории не в состоянии сохранить свою ценность и значение в этом потоке научного исследования. Аристотелевские категории и даже красиво распределенные 12 (подобно временам года) категорий Канта тоже отодвигаются в тень, подобно евклидовой геометрии или ньютоновой механике, теряя свою бывшую универсальность и становясь частным случаем в новой теории, объемлющей их и новшества. Утверждение незыблемости категорий опровергается их фактической изменчивостью. Как у всех слов, у них тоже плавающие значения. Такой же плавающей следует признать истинность правил, базирующихся на их основании. Утверждается истинность и незыблемость правил рациональности, действовавших в том или ином состоянии научного процесса, но они интерпретируются и не транслируются без изменения ни в будущее науки, ни в другие типы ментальности, кои живут по другим правилам и с другими понятиями.

Рациональность относится к ментальному уровню, но не к высшему интеллекту или другим возможностям человека. Рациональность и есть машина ментальности. Помимо ментального уровня могут быть раскрыты многие другие уровни наших познавательных способностей, о которых в «затемненном» состоянии, т.е. в состоянии *незнания*, человек даже не догадывается.

Историческое начало философии как таковой полагают в античной Греции. Эта мысль постоянно воспроизводится вслед за Гегелем. До XVIII в. никто так не думал. Для Гегеля центрировать процесс философствования в античной Греции было естественно. В действительности греческая философия питалась и весьма активно из древних источников, многие философы путешествовали в Египет, Персию, вплоть до Индии. Надо ли напоминать, что Пифагор был родом из Сирии, а знаменитая теорема Пифагора была там и вообще на Востоке широко известна. Как, впрочем, и другие знания. Мы проводим границы в прошлом так, как нам

теперь кажется правдоподобным, исходя из наших представлений о знании. Человек всегда понимал прошлое из настоящего, и у него нет другой возможности, а в настоящем он руководствуется сегодняшними нормами и ценностями, а прошлые или вообще иные обесцениваются.

Если принимается точка зрения, что Запад есть «центр мира» и для философии тоже, то относительно традиционных метафизических (восточных) доктрин есть два варианта. Либо не считать их философией, либо допускать, что они находятся на пути становления подлинной философии, до которой они еще не доросли. В наших историях их называют философией. Если принимается вторая точка зрения, то тогда утверждается, что философия – это наука. Она должна быть глобальной, общезначимой, следовательно, универсальной, следовательно, истинной. Следовательно, господствовать, покорить мир. Следовательно, *язык* (категории) западной философии тоже универсален и истинен. Но язык не есть слова, собранные в словарях и энциклопедиях. Язык – это оболочка мышления. Слова – это тоже символы. Математический язык тоже символичен, а если вспомнить традиционную и древнюю идею чисел, то эта символическая его роль и есть настоящее предназначение этой формы языка. Математика есть наиболее удобный инструмент для выражения метафизических идей. По сути, все удивительные знания древности выражались математически при условии, что мы не упускаем значение любой священной науки быть опорой для восхождения к высшему знанию. Что и было в пифагорейской школе, где математика была ступенью посвящения, но не его целью. Для нас же она стала знанием как таковым. Однако даже Эйнштейн понимал, что математика не имеет отношения к реальности, но мы не верим ему в этом. Если же считать, что Слово Творца было математическими значками, то творение было бы только абстракцией. Но «Слово, Логос, – это одновременно и Мысль, и Речь, это божественный интеллект, являющийся “основанием возможностей”»; по отношению к нам он обнаруживается через Творение, где в актуальном существовании реализуются те самые возможности, которые, в качестве сущностей, содержатся в Нем целую вечность... Если Слово есть с внутренней стороны мысль, а с внешней – Речь, и если мир есть следствие Божественной Речи, произнесенной в начале времен, то вся природа может считаться символом сверхъестественной реальности» [Генон 2013в, 10–11].

За простым утверждением универсальности языка и способа мышления западной философии стоит вопрос о власти и господстве. Власть реализуется прежде всего через ментальное доминирование. Переформатирование ментальности других народов – это первый шаг экспансии, предвещающий реальное доминирование: чтобы покорить, надо соблазнить. Чем же? Внушением того, что все, что производит «машина», как материальная, так и идеальная (научная рациональность), дает великие преимущества. Достигается эта иллюзия за счет нивелирования различий, т.е. сведения всех качеств к единообразию, в конечном счете к количеству. И этот процесс распространяется на весь мир. В единообразии не может быть подлинного единства, а только чисто внешнее, нормативное и насильственное.

С точки зрения Единого, смысл существования науки вообще, а значит и всех ее инструментов, включая рациональность, логику и категории, не в самодостаточности познаний феноменов мира становления: «Наши современники... охотно хвалятся тем, что посредством своей профанной концепции науки сделали ее независимой от метафизики, даже от теологии, тогда как истина в том, что они тем самым лишили ее всякой реальной ценности познания. Более того, если бы была понята необходимость соединить науку с принципами, тогда, разумеется, не было бы никакой причины ее придерживаться, и мы вполне естественно вернулись бы к традиционной концепции, согласно которой частная наука, какой бы она ни была, имеет значение не сама по себе, а благодаря возможности использовать ее как “опору” для восхождения к познанию высшего порядка» [Генон 2013б, 268]. Если бы наука осознавала свою связь с принципом, то было бы ясно, что надо сделать, «чтобы вернуть науке, изуродованной и искаженной профанными концепциями, ее ценность и реальное значение» [Генон 2013б, 268].

Как можно понять этот принцип, к которому все должно быть прикреплено в нормальном состоянии мира? Это принцип не двойственности, если отправляться от мира множественности, или, если идти «от начала», принцип единства. Приведем в этой связи одну лишь часть довольно длинного и очень изящного рассуждения о принципе, которое очень жалко было сокращать, но пришлось, учитывая восприятие читателей: «Не может быть ничего, чего не было бы в принципе; но каков этот принцип? И имеется ли на самом деле лишь единственный Принцип всех

вещей? Если рассматривать Вселенную в целом, то вполне очевидно, что она содержит в себе все вещи, так как все части содержатся в Целом; с другой стороны, Целое неизбежно безгранично, так как, если бы оно имело границу, то, что находилось бы за пределами этой границы, не было бы включено в Целое, и такое предположение абсурдно. То, что не имеет границы, может быть названо Бесконечностью, и поскольку она содержит в себе все, эта Бесконечность и есть принцип всех вещей. Впрочем, бесконечность неизбежно одна, так как две Бесконечности, которые были бы тождественны друг другу, друг друга бы исключали; отсюда следует, что имеется лишь один единственный Принцип всех вещей, и этот принцип есть Совершенство, так как Бесконечность может быть таковой лишь в том случае, если есть Совершенство... Тогда, поскольку есть лишь один единственный Принцип, чем становятся все противоположности, которые обычно усматриваются во Вселенной: Бытие и Небытие, Дух и Материя, Добро и Зло?» [Генон 2013а, 13–14]. И этот же вопрос в более общей форме выглядит как вопрос о том, как Единое может произвести Двойственное: «Именно роковая иллюзия Дуализма и реализует Добро и Зло, иллюзия, которая, рассматривая вещи с обособленной точки зрения, заменяет Единое Множественным и заключает таким образом существа, над которыми она властна, в области смешения и разделения; эта область и есть Империя Демиурга» [Генон 2013а, 17–18]. Существо, заключенное в индивидуальной форме и ограниченное ею, различает Добро и Зло, отделяя их от себя. Демиург предстает тогда перед человеком как внешняя сила, противящаяся его желаниям, будучи на самом деле лишь проекцией его собственных желаний. И это нечто внешнее, противящееся усилиям выйти из этой замкнутой индивидуальной области, называется человеком Сатаной или Врагом. Мы видим при традиционной точке зрения подлинную «трансценденцию различий», но она имеет метафизический характер, а не географический, культурный или какой-либо еще более приземленный. Различия суть разграничения, их нельзя просто взять и отменить. Преодолеваются они только через понимания природы их иллюзорности. С традиционной точки зрения Единство может быть только в Духе и в Истине. Никакое насильственное объединение по любому частному признаку не есть единство, оно всегда будет объединением индивидов под властью иллюзорной ценности или интереса.

Заключение

Единообразие, которое при современном состоянии мира в человеческой действительности проявляется как эгалитаризм или как «массы», по сути есть следствие изменений ментальности, произошедших в западной цивилизации.

Язык традиционных культур непонятен для западной ментальности, поскольку перевод на западные языки оказывается упрощением. Традиционный язык метафизических доктрин символичен. Символ многогранен, синтетичен. Он существует только в сплетении бесконечных отсылок и умалчиваний, чтение символического языка предполагает другой интеллект, не аналитический. Словарный перевод разрушает все эти сплетения и многозначность. Остается скелет, который «нечитаем». Метафизические традиционные доктрины не есть философия в современном западном смысле не только из-за различия в принципах строения языка. Различаются и цели этих разных форм знания.

Рациональность относится к ментальному уровню, она не может быть универсальной. Само слово «ментальность» происходит от *мнить* (думать, воображать, помнить), которое в свою очередь того же корня, что и санскритское слово *manas*, что означает индивидуальный разум. В русском языке это слово того же корня, что и мнение. Любопытно, что во французском *mentir* означает врать. Возможно, что это слово также связано этимологически с греческим словом *мантика*. Мнение всегда индивидуально не только потому, что его носитель индивид, но и потому, что оно бытует в сфере множественности, оно изменчиво, ситуативно и поэтому не может быть универсальным. Универсальна только истина, насколько она может быть открыта в мире человека. Взгляд на истину как на универсальную и синтетическую при- сущ традиционной культуре. Частные науки рассматриваются только как «места» ее приложения, а не как собственное место ее бытования [Ponte 2017]. Наука тоже имеет в идеале ценность истины, некий синтез знаний, но этот идеал никогда не достигается. Частные единства (объединения) возникают и исчезают во всех областях жизни и культуры. Единое остается в этом мелькании единообразных единиц пустой идеей.

В заключение можно отметить, что привести к рациональной согласованности рассмотрение проблемы рациональности и науки, ее исторического, культурного, социологического, логического и методологического аспектов без учета точки зрения метафизики

невозможно. Отказ философии от метафизики привел к утрате единства не только в познании, но и на всех уровнях существования человечества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башляр 1987 – *Башляр Г.* Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987.

Башляр 2016 – *Башляр Г.* Актуальность истории науки // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 220–232.

Вебер 2016 – *Вебер М.* Рациональные и социологические основания музыки // *Вебер М.* Избранное: Образ общества. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 492–577.

Генон 2013а – *Генон Р.* Демиург // *Генон Р.* Наука чисел. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Генон 2013б – *Генон Р.* Принципы исчисления бесконечно малых // *Генон Р.* Наука чисел. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Генон 2013в – *Генон Р.* Слово и символ // *Генон Р.* Наука букв. – СПб.: Владимир Даль, 2013.

Кант 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. – М.: Мысль, 1994.

Легенда о докторе Фаусте 1978 – Легенда о докторе Фаусте / под ред. В.М. Жирмунского. – М.: Наука, 1978.

Bornaglio 2017 – *Bornaglio D.* Un “Grande Disegno” mistificatorio. Aspetti dissolventi nella fisica moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2017. No. 108. P. 67–101.

Bornaglio 2018 – *Bornaglio D.* Antinomie e tendenze dissolutive nella matematica moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2018. No. 110. P. 53–74.

Lindsay 1986 – *Lindsay J.* Les origines de l'alchimie dans l'Égypte gréco-romaine. – Monaco: Le Rocher, 1986.

Ponte 2017 – *Ponte G.* Conoscenza tradizionale e scienze moderna // *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum.* 2017. No. 108. P. 103–112.

REFERENCES

Bachelard G. (2016) The Actuality of the History of Sciences. *Epistemology and Philosophy of Science*. No. 2, pp. 220–232 (Russian translation).

Bachelard G. (1987) *New Rationalism*. Moscow: Progress (Russian translation).

Bornaglio D. (2017) Un “Grande Disegno” mistificatorio. Aspetti dissolventi nella fisica moderna. *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum*. No. 108, pp. 67–101 (in Italian).

Bornaglio D. (2018) Antinomie e tendenze dissolutive nella matematica moderna. *Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum*. No. 110, pp. 53–74 (in Italian).

Guénon R. (2013a) Demiurge. In: *Science of Numbers*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Guénon R. (2013b) Metaphysical Principles of the Infinitesimal Calculus. In: *Science of Numbers*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Guénon R. (2013c) Word and Symbol. In: *Science of Letters*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Pub. (Russian translation).

Kant I. (1994) *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl' (Russian translation).

Lindsay J. (1986) *Les origines de l'alchimie dans l'Égypte gréco-romaine*. Monaco: Le Rocher (French translation).

Ponte G. (2017) Conoscenza tradizionale e scienze moderna. *Rivista di Studi Tradizionali*. *Nosce te Ipsum*. No. 108, pp. 103–112 (in Italian).

Weber M. (2016) The Rational and Social Foundations of Music. In: Weber M. *Selected: the Image of Society* (pp. 492–577). Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (Russian translation).

Zhirmunsky V.M. (Ed.) (1978) *The Legend of Doctor Faust*. Moscow: Nauka (Russian translation).

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия сознания

Снятся ли чат-ботам андромиды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники

А.Р. Ефимов

Лаборатория робототехники ПАО «Сбербанк», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-73-95

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена обобщению основных трендов развития систем искусственного интеллекта и робототехники (ИИиР). Основной вопрос, который рассматривается в этом контексте: будут ли искусственные системы становиться все более антропоморфными как в интеллектуальном, так и в физическом отношении? В статье автор не только проводит анализ современного состояния и перспектив технологического развития искусственного интеллекта и робототехники, но и определяет основные аспекты влияния этих технологий на общество и экономику, указывая на геополитический стратегический характер данного влияния. Автор рассматривает различные подходы к определению искусственного интеллекта и робототехники, выделяя предметно-ориентированный и функциональный. Также производится сопоставление способностей ИИиР и человеческих способностей в таких областях, как категоризация, распознавание образов, планирование и принятие решений и др. На основе этого сопоставления сделаны выводы о том, когда ИИиР уступают человеку, а в каких случаях превосходят его. Проанализированные автором современные достижения в области робототехники и искусственного интеллекта создают необходимый базис для дальнейшего рассуждения о применимости инженерного целеполагания в виде теста Тьюринга. Показано, что развитие ИИиР связано с определенными противоречиями, затрудняющими применение методологии Тьюринга в привычном формате. Рассмотренные автором базовые противоречия в развитии технологий ИИиР позволяют сделать основной вывод о переходе к посттьюринговой методологии оценки инженерных реализаций

искусственного интеллекта и робототехники, в которых, с одной стороны, снимается «стена Тьюринга», а с другой стороны, искусственный интеллект получает свое физическое воплощение.

Ключевые слова: робототехника, искусственный интеллект, Тьюринг, тест Тьюринга, философия искусственного интеллекта.

Ефимов Альберт Рувимович – руководитель Лаборатории робототехники ПАО «Сбербанк», аспирант философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

makkawity@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6857-8659>

Для цитирования: Ефимов А.Р. (2019) Снятся ли чат-ботам андроиды? Перспективы технологического развития искусственного интеллекта и робототехники // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 73–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-73-95

Do Chatbots Dream of Androids? Prospects for the Technological Development of Artificial Intelligence and Robotics

A.R. Efimov

Robotics Laboratory of PJSC Sberbank, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-73-95

Original research paper

Abstract

The article discusses the main trends in the development of artificial intelligence systems and robotics (AI&R). The main question that is considered in this context is whether artificial systems are going to become more and more anthropomorphic, both intellectually and physically. In the article, the author analyzes the current state and prospects of technological development of artificial intelligence and robotics and also determines the main aspects of the impact of these technologies on society and economy, indicating the geopolitical strategic nature of this influence. The author considers various approaches to the definition of artificial intelligence and robotics, focusing on the subject-oriented and functional ones. In the article, AI&R abilities and human abilities are compared in such areas as categorization, pattern recognition, planning and decision making, etc. Based on this comparison, it is concluded in which areas AI&R's performance is inferior to a human and in which cases it is superior to one. The modern achievements in the field of robotics and artificial intelligence create the

necessary basis for further discussion of the applicability of goal setting in engineering, in the form of a Turing test. It is shown that development of AI&R is associated with certain contradictions that impede the application of Turing's methodology in its usual format. The basic contradictions in the development of AI&R technologies imply that there is to be a transition to a post-Turing methodology for assessing engineering implementations of AI&R. In such implementations, on the one hand, the "Turing wall" is removed, and on the other hand, artificial intelligence gets its physical implementation.

Keywords: robotics, artificial intelligence, Turing, Turing test, philosophy of artificial intelligence.

Albert R. Efimov – Head of PJSC Sberbank's Robotics Laboratory, postgraduate student at the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

makkawity@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-6857-8659>

For citation: Efimov A.R. (2019) Do Chatbots Dream of Androids? Prospects for the Technological Development of Artificial Intelligence and Robotics. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 73–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-73-95

Введение

Искусственный интеллект и робототехника являются одними из самых молодых областей науки и технологий. Несмотря на давние традиции технологического антропоморфизма и органопроекции, восходящие еще к древнегреческим философам Протагору и Сократу [Дрейфус 1978], подлинная история машин, способных хотя бы отдаленно рассуждать или действовать подобно человеку, насчитывает всего лишь несколько десятилетий. Ведь семьдесят лет назад «вычислитель» (computer) еще был должностью в штатном расписании многих организаций.

В течение короткой истории компьютерных технологий, кибернетики, информатики и робототехники не было недостатка в рекламных лозунгах, воспевающих их преимущества и эффективность по сравнению с предыдущими инструментами ведения хозяйства. В стремлении привлечь внимание как можно большего числа потребителей резко меняются и их названия – от кибернетики до искусственного интеллекта. Однако, следуя меткому замечанию нобелевского лауреата Роберта Солоу, которое он сделал более 30 лет назад, «влияние компьютерной эпохи заметно

езде, за исключением статистики производительности труда» [Solow 1987, 36].

За прошедшие три десятилетия технологии сделали значительный шаг вперед, но именно сейчас большинство экономистов согласны с тем, что искусственный интеллект и робототехника (в дальнейшем – ИИиР) будут оказывать существенное влияние на нашу цивилизацию. Впрочем, не только экономика определяет повышенное внимание суверенных государств и правительств к возможностям, которыми обладают ИИиР. Эти технологии становятся полноценным инструментом геополитики, с помощью которого победители получают все, а проигравшие будут вынуждены жить по правилам, установленным победителями [Shaw 2017].

Научная фантастика предоставляет огромный выбор тем как для кинорежиссеров, так и для философов. Даже название данной статьи является перефразированием заголовка известного романа Ф. Дика «Сняты ли андроидом электрические овцы?» (1), целиком посвященного сложной проблеме возникновения сознания на небиологическом субстрате. Однако данная статья посвящена некоторым аспектам взаимодействия искусственного интеллекта (2) (или в общем случае программного обеспечения, «психики») и роботов (или в общем случае аппаратного обеспечения, носителя для искусственного интеллекта, «тела», «моторики») (3).

Определения искусственного интеллекта и робототехники

Вследствие того, что актуальность тематики ИИиР значительно возросла, дать точное определение ИИ – это крайне сложная проблема. Представители академической науки и бизнеса не имеют единой точки зрения на то, что такое ИИиР. Однако отсутствие единого определения не мешает росту инвестиционной и деловой активности, что, в свою очередь, делает еще более актуальной необходимость предложить бизнесу более адекватные способы обозначения предметной области ИИиР с помощью собственного понятийного аппарата.

Наиболее точной представляется модель, предложенная В.К. Финном, согласно которой ИИ следует интерпретировать через определение естественного интеллекта, имеющего следующие характеристики, реализуемые на небиологическом субстрате (математическом обеспечении, алгоритмах и аппаратной реализации):

«1. Способность выделять существенное в наличных знаниях, т.е. упорядочивать их (она – необходимый аспект интуиции);

2. способность к целеполаганию и планированию поведения – порождение последовательностей “цель → план → действие”;

3. способность к отбору знаний (посылок, выводов, релевантных цели рассуждения);

4. способность извлекать следствия из имеющихся знаний, т.е. способность к рассуждению, которое может содержать как правдоподобные выводы, используемые для выдвижения гипотез, так и достоверные выводы <...>;

5. способность к аргументированному принятию решений, когда используются упорядоченные знания (представление знаний) и результаты рассуждений, соответствующие поставленной цели;

6. способность к рефлексии – оценке знаний и действий;

7. наличие познавательного любопытства: познающий субъект должен быть способен задавать вопрос “что такое?” и искать на него ответ;

8. способность и потребность находить объяснение (не обязательно дедуктивное!) как ответ на вопрос “почему?”;

9. способность к синтезу познавательных процедур, образующих эвристику решения задач и рассмотрения проблем, например, таковой является взаимодействие индукции, аналогии и абдукции (с учетом фальсификации выдвигаемых гипотез посредством поиска контрпримеров) с последующим применением дедукции;

10. способность к обучению и использованию памяти;

11. способность к рационализации идей: стремление уточнить их как понятия;

12. способность к созданию целостной картины относительно предмета мышления, объединяющей знания, релевантные поставленной цели (т.е. формирование по крайней мере приближенной теории предметной области);

13. способность к адаптации в условиях изменения жизненных ситуаций и знаний, что означает коррекцию “теорий” и поведения» [Финн 2018, 37].

По мнению Финна, способности, обозначенные в пп. 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, могут быть реализованы машинами без участия человека при наличии достаточных программных и аппаратных средств, но способности, представленные в пп. 2, 7, 12 и 13 не могут быть реализованы без частичного участия человека, взаимодействующего с машиной.

Само понятие «робототехника» сложноопределяемо, хотя в индустриальной робототехнике уже существует глобальный стандарт, определяющий понятие робота: «Робот – это рабочий механизм, программируемый по нескольким степеням свободы с некоторой степенью автономности и способный передвигаться в пределах определенной среды, выполняя поставленные задачи» [ISO 8373:2012].

Недостаток данного определения становится очевиден, если задуматься о том, что под него подпадают совершенно разные объекты, такие как беспилотные летательные аппараты, самоуправляемые автомобили и промышленные манипуляторы со многими степенями свободы. При этом данное определение не имеет никакой корреляции с рядом передовых исследований, которые говорят о том, что роботы будущего – это, прежде всего, инструменты, способные к групповому взаимодействию друг с другом, самоорганизации и общению с человеком на естественном языке.

Подобное отставание определений ИИиР от технического прогресса дает импульс для простых инженерных дефиниций исследуемых областей. В ИИиР это происходит по примеру А. Тьюринга, который подошел к определению ИИ (посредством вопроса «может ли машина мыслить?») через антиэссенциалистский отказ глубоко исследовать «сущность» ИИ и постановку инженерной задачи. В частности, отказываясь от малоэффективных онтологических споров о том, что такое ИИ, эксперты Сбербанка рассматривают ИИ как алгоритмы, программное и аппаратное обеспечение, решающие следующие прикладные задачи на уровне человека или выше:

- компьютерное зрение;
- рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений;
- обработка естественного языка;
- распознавание и синтез речи;
- перспективные методы и технологии ИИ.

Автором было предложено *прикладное* функционалистское определение робототехники, которое основано на адаптации «утиного теста» (4). Согласно этому определению, роботом можно назвать любое устройство, которое способно одновременно:

1. *Sense*: робот обладает способностью воспринимать окружающий мир с помощью сенсоров. Такими сенсорами могут быть микрофоны

(сонары), камеры (всех областей электромагнитного спектра), различные электромеханические сенсоры (акселерометр) и прочее.

2. *Think*: робот обладает способностью интерпретировать (понимать) сигналы, которые он получает от сенсоров, наблюдающих физический мир, строить и адаптировать модели поведения и принимать решения в зависимости от выбранных моделей. Эта способность может быть реализована разными способами: бортовым вычислителем робота, «интеллектуальным» облаком или человеком, который управляет роботом с помощью телеуправления или интерфейса с реализованной обратной связью.

3. *Act*: робот обладает способностью воздействовать на физический мир любым результативным способом [Ефимов и др. 2019].

Подходы специалистов Сбербанка, включая предложенный автором, являются, по сути, узким применением философского приема М. Хайдеггера, который перешел от платоновской рациональной абстракции к «эмоционально-практическому» отношению к миру вообще и к использованию техники и технологий ИИиР в частности [Dreyfus 1991, 8].

По выражению Д. Маккарти, словосочетание «искусственный интеллект» является «словом-чемоданом», т.е. словом, имеющим невероятно большое количество значений. Наверное, сейчас количество возможных значений уже равно числу всевозможных подходов к исследованиям или коммерциализации технологий, что делает бессмысленными статические, формально-логические определения «искусственного интеллекта» и заставляет исследователей и инженеров искать более релевантные способы описания собственных областей деятельности. Одним из таких подходов как раз может стать принятый в Сбербанке подход для описания ИИ как набора областей применения или робототехники как ряда критических функций. Исследователи и инженеры, действуя в собственных интересах и движимые осознанием возможности реализации себя через предлагаемые ими технические решения или научные открытия, могут полагаться на такие практические определения и иметь устойчивую эмоциональную связь с ясно описанной предметной или функциональной областью.

Текущие и перспективные области применения искусственного интеллекта и робототехники

С начала промышленной революции те отрасли человеческой деятельности, в которых автоматизация была применима,

находились под пристальным вниманием предпринимателей и инженеров. Любую механическую работу, которую можно было автоматизировать на текущем уровне развития техники, обычно старались автоматизировать при условии того, что это приносит значительную экономию ресурсов. При этом отрасли, где деятельность человека была основана на правилах или знаниях, были во многом исключены из-под «обесчеловечивающего» влияния технологий. «Если обратиться к предложенному Расмуссеном различению видов деятельности на основанную на (а) навыках (skill-based), (b) правилах (rule-based), (c) знании (knowledge-based), то можно увидеть, что автоматизация касалась в основном первого и второго видов деятельности [Rasmussen 1979].

ИИ обладает уникальным свойством превращения областей деятельности, которые ранее не подвергались влиянию автоматизации и были уделом «творческих» людей (т.е. (c) по Rasmussen), в такие же технические отрасли, как и те, где автоматизация уже активно применяется столетиями. И происходит это благодаря возможности накапливать данные в цифровом виде. Юриспруденция, образование, финансы, медицина и экономика постепенно превращаются в наборы алгоритмов и данных, а деятельность людей в этих отраслях все больше становится близкой к ремеслу (а не к умению), к тому, что древние греки называли *βαναυσία*, которая превращает мастерское умение типа (c) в банальную работу типа (a).

Многие экономисты видят в ИИиР возможности для роста общей факторной производительности труда, которая стабильно снижается с 80-х годов прошлого века, несмотря на переход нашей цивилизации к информационной эпохе (см., например: [Бриньолфсон и др. 2019]). Текущие экономические оценки дают рост производительности труда на 40% в целом по экономике за счет использования ИИиР. В случае полномасштабного проникновения технологий, основанных на ИИиР, в экономику, экономический рост, обусловленный их внедрением, будет весьма значительным, сравнимым по эффекту с появлением паровой машины в первой индустриальной революции XVIII в. В экономически развитых странах дополнительный рост, связанный с ИИиР, может составлять от 1,8% до 4,6% ВВП ежегодно [Purdy et al. 2016].

На самом деле, ИИиР является типичной сквозной технологией, применяемой в любой сфере народного хозяйства и государственного управления. В связи с этим стоит указать лишь наиболее

значимые возможности для применения ИИиР. Для робототехники к таким сферам относятся: обработка изображений, обработка данных сенсоров, предиктивный анализ и моделирование, голосовые помощники, чат-боты, логистика, розничная торговля, сельское хозяйство, уход за пожилыми. Что касается искусственного интеллекта, помимо всего перечисленного, эти технологии применяются в образовании, синтезировании изображений и виртуальных миров, анализе данных сенсоров, анализе медицинских данных.

Некоторые значимые достижения искусственного интеллекта и робототехники за последние 20 лет

Основоположник квантовых вычислений Дэвид Дойч справедливо замечает, что любые инженерные изыскания в области общего ИИ, не поддержанные серьезной эпистемологией и методическими основаниями, будут бесплодными [Deutsch 2012]. Однако в том случае, если философская наука и ее представители сами не погружены в новейшие технологические достижения и не осознают текущие и будущие возможности, а также ограничения, то возникает недооценка перспектив ИИиР или же, наоборот, появляются завышенные ожидания. В данном разделе делается попытка преодолеть разрыв между инженерными достижениями последних лет и их философским осмыслением.

Для начала ответим на вопрос о том, где и в чем искусственный интеллект и роботы лучше человека. В самом начале эры информационных технологий Алан Тьюринг положил начало сравнению человека и компьютера, заложив тем самым основы машинного функционализма [Putnam 1975]. Продолжая эту традицию, Дж. Фодор [Fodor 1990] заложил основы компьютеризма, который был в дальнейшем развит в тестовый функционализм [Алексеев 2013]. Во многом вся дальнейшая история ИИиР стала соревнованием, в котором одни исследователи убедительно доказывали, что машина никогда не сумеет мыслить подобно человеку [Дрейфус 1978], а другие – убедительно показывали, что это не только возможно, но и уже достигнуто [Krol 1999]. Однако общее сопоставление достижений ИИиР в сравнении с возможностями человека пока еще не в пользу машин.

Рассмотрим некоторые из областей, в которых можно сравнить ИИиР и человека. Здесь мы пойдем дальше традиционного сопоставления естественных и искусственных логико-лингвистических

способностей. Нас интересуют также психомоторные функции и пределы их реализации в искусственных системах. Это связано с тем, что интеллектуальная деятельность обладает психомоторным базисом. Так, общеизвестно, что развитие моторных функций у детей является одним из ключевых факторов для дальнейшего развития интеллекта в целом. Это подтверждается и общей эволюцией, которая демонстрирует теснейшую связь моторных и психических функций. Именно поэтому возникновение и развитие психики произошло именно у тех сложных организмов, которые активно передвигаются во внешней среде [Dubrovsky 2018].

Сопоставляя способности ИИиР и человека, мы пришли к выводу о том, что человек пока еще превосходит искусственные системы по большинству пунктов. Так, например, человек превосходит ИИиР в области контекстуализации взаимоотношений между вещами, предсказания для понимания причинно-следственной связи, планирования и принятия решений, мелкой моторики, динамики и движения, поднятия тяжестей, энергоэффективности. Уступает же человек в двух аспектах: восприятие и категоризация окружающего мира и точность (повторяемость) движений. Согласно данным, представленным в исследовании «AI Index» [Shoham et al. 2018], точность распознавания категорий образов с помощью систем на основе нейронных сетей глубокого обучения статистически превзошла уровень человека в 2015 г. В настоящее время наблюдается дальнейший устойчивый прогресс в качестве распознавания образов. Сравнительная точность (повторяемость) движения человека и роботов измеряется в биомеханике и эргономике, но в целом можно сказать, что ошибка в движении современных роботов при последующих движениях к той же точке из того же направления и при тех же условиях не превышает 0,1 мм при условии тысяч повторений. Подобной точности человек достигнуть не может хотя бы потому, что ему нужны перерывы для отдыха, сна, еды и т.п.

Инженерные воплощения теста Тьюринга (2014–2019 гг.)

Переход от абстрактных мечтаний к инженерным решениям не раз помогал человечеству в преодолении знаковых барьеров. К примеру, на заре развития авиации именно рекордные перелеты через Ла-Манш, Атлантический и Северный Ледовитый океан сделали транспорт (а косвенно и всю нашу современную цивилизацию) именно такой, какой мы ее сейчас знаем. Алан

Тьюринг, возможно, не проводил подобной параллели, предлагая «игру в имитацию» для определения мыслительных способностей машин, однако произошедшее транспонирование его идеи на технологическое развитие было неизбежным. В мире проводится ряд технологических конкурсов, направленных на проверку реализации ТТ и основанных на игре в имитацию. Конкурсы можно разделить на два типа: классические (в них реализуется ТТ типа 2 [Алексеев 2013; Warwick, Shah 2016]) и неклассические (в них реализуются различные модификации ТТ).

Образцом классического подхода к ТТ служит эксперимент, проведенный К. Варвиком и Х. Ша в Королевском обществе в Лондоне в 2014 г. и описанный в различных работах (к примеру, [Warwick, Shah 2016]). Также существует критика этого подхода к проведению теста, еще раньше представленная в ряде работ, например в коллективной монографии «The Turing Test: The Elusive Standard of Artificial Intelligence» [Moor 2003]. Несмотря на критику подхода, тест, проведенный в 2014 г., в точности воспроизводил условия, представленные А. Тьюрингом в его работе «Вычислительные машины и разум» [Turing 1950]. Упрощенно эти условия следующие (терминология по [Алексеев 2013]): судья (С.) должен неправильно идентифицировать человека (Ч.) или компьютер (К.) в более чем 30% случаев после диалога, который длится пять минут. В тесте участвовало больше 30 исследователей, включая автора в качестве С. В результате чат-бот К. Eugene Goostman, имитирующий подростка из Одессы, сумел обмануть 33% С. в сравнении с Ч. Несмотря на то, что это достижение подвергалось во многом справедливой критике, его следует признать значимым, поскольку оно косвенно свидетельствует о неактуальности классического подхода и буквальной бихевиористской интерпретации теста Тьюринга. Ведь прохождение теста не приводит к новым прорывам в области развития искусственного интеллекта, тогда как, например, в случае трансатлантических перелетов начала XX в. или космических полетов середины того же века решение ключевых для отрасли проблем привело к прорыву в новых областях науки и техники.

Неклассические интерпретации теста Тьюринга, такие как тесты, проведенные в 2015 г. в Сколково и в 2019 г. на конференции «OpenTalks.AI», являются больше рекламными акциями, чем попыткой определить возможности машины для диалога с человеком. В частности, авторы теста 2019 г. подчеркивают, что

в ходе диалогов Ч. очень часто сознательно имитировали стиль диалога чат-ботов, чтобы ввести в заблуждение С. По сути, это не повышение интеллекта у машины, но сознательное снижение интеллекта у Ч. в глазах С. [Наносемантика 2019]. Кроме того, вместо пяти минут общения организаторы ограничили возможность С. для общения с Ч. или К. лишь двенадцатью репликами, что явно недостаточно для распознавания К. или Ч. в диалоге. Именно этими двумя обстоятельствами и объясняется то, что порог обмана в этом тесте составил 58% (т.е. в 58% К. удалось выдать свою личность за Ч. в глазах С.). Иными словами, если Ч. при общении с ИИиР перестает общаться привычным ему образом и начинает говорить в командно-приказной модальности речи, то ИИиР парадоксальным образом начинает лучше понимать человека, а человек, сознавая, что он разговаривает с чат-ботом, испытывает гораздо меньше разочарования, чем при разговоре так, как если бы чат-бот (робот) был человеком и понимал его как человек. Интуитивно можно предположить, что мы находимся в самом начале зарождения особого упрощенного языка общения человека и машины, который носит очень комбинированный характер, сочетая лингвистический (слова и их смысл) и нелингвистический язык (звуки, световые сигналы). Это предположение само по себе может стать объектом очень интересного исследования, но должно быть более тщательно проработано.

Если вы боитесь восстания роботов, то просто закройте перед ними дверь (DARPA Robotics Challenge)

Бихевиористский подход к оценке достижений современной робототехники остается ее текущей интеллектуальной парадигмой, где присутствует стремление ответить на вопрос о том, может ли робот выполнять действия на уровне или лучше человека. Это оправдано, т.к. одной из главных причин внедрения робототехники является сохранение человеческих жизней при ликвидации стихийных бедствий, например ядерных катастроф. Авария и последующие трагические события на АЭС «Фукусима» в 2011 г. в Японии послужили предпосылкой для запуска технологического конкурса Robotics Challenge, проводимого американским агентством перспективных оборонных исследований DARPA [Krotkov et al. 2016]. Суть задачи состояла в том, что роботы должны выполнить действия, аналогичные тем, которые выполняют спасатели при ликвидации стихийных бедствий: доехать

самостоятельно на автомобиле, выйти из него, открыть дверь, зайти в комнату, найти инструмент, выполнить действия с ним, пройти через завал и взойти на лестницу. Для любого взрослого человека эти действия не составляют никакого труда и полоса препятствий, сконструированная организаторами, может быть пройдена человеком без какой-либо подготовки за считанные минуты. Финал конкурса был проведен в 2015 г. в США (Калифорния) и показал, что роботам нужно значительно более 40 минут (лучший результат – 44 минуты), чтобы успешно выполнить все девять поставленных задач. Основными выводами о статусе робототехники по результатам проведенного инженерного конкурса являются следующие:

Во-первых, мелкая моторика и локомоция роботов не превосходят уровня годовалого ребенка. Сложнейшими задачами для всех роботов были открывание двери и восхождение по лестнице. Эти задачи не вызывают проблем у всех здоровых людей, но для роботов они представляются невероятно сложными. Именно поэтому один журналист дал совет: если вас преследует робот, «существует эффективная тактика – закрывайте за собой дверь» [Hernandez 2017].

Во-вторых, роботы, участвовавшие в конкурсе, имели очень ограниченную автономность и большинство времени находились в режиме телеуправления, т.е., по сути, не отличались от радиоуправляемых игрушек или более сложных машин. Самостоятельно, без помощи людей, роботы были неспособны выполнить ни одного задания. Это ставит вопрос о необходимости повышения степени автономности и интеллектуальности роботов при проведении их испытаний в реальных условиях, а не во время студийных съемок (где обычно все хорошо).

Базовые противоречия развития технологий ИИиР

В своем развитии любая технология движется вдоль направлений базовых противоречий или т.н. «несущих противоречий» [Бескаравайный 2018]. В развитии ИИиР также можно увидеть сразу несколько направлений технологических противоречий. Автор не предлагает исчерпывающего списка, однако каждое из направлений можно представить в качестве вектора развития и возможной борьбы между конкурирующими технологиями. Иногда такие базовые противоречия называют противоборством «брони и снаряда» (5) [Бескаравайный 2018]. Продолжая эту метафору,

назовем ряд технологических противоречий ИИиР, представив их в виде «брони и снаряда».

Психика или моторика. Со стороны «брони» выступает *психика* – ИИиР должны постоянно улучшать сенсоры и программное обеспечение для того, чтобы лучше понимать окружающий мир. Это позволяет ИИиР строить адекватные модели и принимать более быстрые и эффективные решения. «*Снарядом*» здесь выступает *моторика* – роботы должны научиться передвигаться в окружающем мире так же, как это делают люди и животные для того, чтобы познавать объекты мира и изучать их, постоянно улучшая свои навыки восприятия. Без тонкой моторики для манипуляций роботы не могут ощущать мир подобно людям. Противостояние «психики» и «моторики» роботов не является новостью в робототехнике, оно известно как парадокс Моравека [Moravec 1988]. Смысл данного парадокса состоит в том, что относительно легко достичь уровня взрослого человека в таких задачах, как тест на интеллект или игра в шашки, однако сложно или невозможно достичь навыков годовалого ребенка в задачах восприятия или мобильности.

Компьютерная мощность или логические правила. Со стороны «брони» может быть компьютерная мощность, т.к. необходимо постоянно увеличивать объем компьютерной мощности, доступной для обработки глубоких нейронных сетей. По мнению исследователей проекта «OpenAI», рост процессорной мощности, используемой для тренировки нейронных сетей, превышает темпы роста процессорной мощности по закону Мура примерно в пять раз, а поколение систем 2019 г. превосходит по мощности поколение систем 2012 г. в 300 тысяч раз. «*Снарядом*» же здесь являются логические правила, которые можно использовать для создания программ, имитирующих интеллект, поскольку главной проблемой использования нейронных сетей и иных статистических методов является рациональное объяснение полученных результатов. Многие исследования указывают на то, что наиболее эффективным способом достижения ИИ общего уровня (т.н. AGI) будет создание комбинированных решений, сочетающих в себе логические подходы и нейронные сети глубокого обучения [Brooks 2019]. Необходимо отметить, что закон Мура в том виде, в каком он управлял всей компьютерной отраслью в течение почти 60 лет, подошел к своему концу. Создание технологий ИИиР безусловно опирается на микропроцессорные технологии,

однако дальнейшие прорывные исследования будут выполнены не благодаря избыточной компьютерной мощности, а за счет различных способов повышения эффективности вычислений вне чисто аппаратных решений.

Цифровое цунами vs цифровой фильтр. Со стороны «брони» в данном случае выступает *цифровое цунами*. Суть в том, что широко распространено заблуждение об экспоненциальном росте количества накапливаемой человечеством информации. Если оно и растет, то лишь линейно, с ростом самого человечества. Однако экспоненциально растет и способность человечества преобразовывать свои впечатления от окружающего мира в цифровой формат, тем самым создавая цифровое облако вокруг физического мира (который в целом не меняется сильно). В случае *цифрового фильтра «снарядом»* является упорядочение информации (фильтрация), которое может быть как функцией человека, так и миссией компании (Google). Проблему фильтрации необходимой информации можно также переформулировать как проблему обучения на малых данных, подобно тому, как обучаются маленькие дети, которым необходимо лишь один раз показать или рассказать, и они способны повторить пример без больших вычислительных и, следовательно, энергетических затрат.

Симбиоз человека и машины. Усложнение технологий и ускорение жизненных циклов (ЖЦ) наблюдается во всех областях развития технологий, включая ИИиР. «Броней» здесь является главный способ адаптации человека к изменениям – обучение. Работники практически любых специальностей вынуждены проходить через постоянное повышение квалификации. Обучение человека не меняется с каменного века и с момента появления речи. *Киборги* – люди, имеющие физическую интеграцию своих тел и машин, живущие буквально в симбиозе с машиной, являются единственным «снарядом», способом преодолеть пропасть, разделяющую человека и умные вещи, созданные им. Наиболее значимым технологическим направлением является развитие интерфейсов «мозг – компьютер», которые позволяют не только читать мысли человека, но и передавать новую информацию в мозг с огромной скоростью.

Тест Тьюринга и посттьюринговая эпоха

В своей работе, посвященной проблеме *другого* и тесту Тьюринга, А.Ю. Алексеев приводит выдуманную историю «Девушка

по переписке», которую хотелось бы упомянуть также здесь для того, чтобы с ее помощью проиллюстрировать общую идею. Суть истории в следующем. Молодой человек ищет спутницу жизни и, как сейчас принято, открывает приложение Tinder на своем смартфоне. Задает параметры запроса – возраст, рост, объемы, цвет волос, знак зодиака, привычки и пр. В ответ – ряд кандидатов. Начинается переписка. Особенно нравится девушка Элиза. Переписка длится целую неделю – в выборе нельзя ошибиться! Беседы ведутся на самые разные темы: семьи, детей, секса, быта, отдыха, кухни, зарплаты, экономики, политики, литературы и пр. Играют в шахматы с переменным успехом. Девушка поражает объемом знаний, легкостью в общении, изысканностью стиля. И глаза у нее выразительные, судя по присланной фотографии. Наконец, молодой человек не выдерживает и назначает встречу на площади у памятника. Приезжает с букетом роз. Ждет. Час, два, три. Никто не приходит. Вернувшись ни с чем, пишет гневное письмо. В ответ – «Прости, милый! Я – Электронная Лиза, компьютерная программа» [Алексеев 2008] (6).

Идею посттьюринговой эпохи очень легко проиллюстрировать на этом примере. Единственное изменение в том, что девушка по переписке *пришла* на свидание. Молодой человек отвел ее в кафе, и там они начали разговаривать. Разговор не складывался. Никаких следов образования, юмора или изысканности стиля в разговоре с девушкой не было. Глубоко разочарованный молодой человек вышел из кафе и открыл приложение, в котором была переписка с девушкой. Он открыл ее профиль, зашел в детальное описание и лишь тогда заметил маленькую галочку «пользователь включил возможность автоответов с помощью *цифрового аватара*». Только сейчас он осознал, что девушка, с которой он флиртовал всю неделю, даже никогда ему не отвечала и не читала его сообщения. Все это делал ее цифровой двойник, который был намного умнее и буквально знал, что хочет слышать молодой человек, т.к. система имела доступ к его профилю и могла адаптировать любые ответы под его запросы.

Тест Тьюринга можно трактовать как сфокусированный на ИИиР *утиный* тест: «если что-то говорит как человек, действует как человек, ведет себя как человек, то это человек». Но ответы на него могут быть принципиально разными. В частности, А.Ю. Алексеев и Д.И. Дубровский предлагают разные идеи о возможности прохождения теста Тьюринга. По мнению Алексеева,

если компьютер проходит ТТ, то этот ИИ в лучшем случае будет компьютерным зомби [Алексеев 2008]. По мнению Дубровского, прохождение ТТ немыслимо без переноса субъективной реальности (т.е. сознания) на небиологический субстрат. Соглашаясь с А.Ю. Алексеевым по сути, автор предлагает не использовать отрицательную коннотацию понятия «зомби», т.к. эти «зомби» могут быть не только полезны, но и приятны в общении.

Выводы. Так снятся ли чат-ботам андроиды?

Рассуждения выше приводят нас к трем важным следствиям, которые могут стать методологической основой для исследований в области искусственного интеллекта в ближайшее время.

1. Физическое взаимодействие ИИиР (компьютера) с окружающим миром является главным фактором, ограничивающим появление общего ИИ. Аналогично тому, как интеллект ребенка развивается через физические игры и мелкую моторику, компьютеры (т.е. ИИиР) должны научиться взаимодействовать с физическим миром, обучаясь у человека и проходя все необходимые фазы такого обучения. Обучение на основе малых данных и ограниченных примеров (покажите ребенку, как открывать одну дверь, и дальше он самостоятельно разберется, как открывать любые другие) является наиболее перспективным способом увеличения интеллектуализации ИИиР. Последние 70 лет исследований в области ИИиР были связаны с развитием алгоритмов (психики). Но до сих пор не достигнуто значительного прогресса в области аппаратного обеспечения моторики. Разумно предположить, что, следуя эволюционному подходу, исследования нужно сосредоточить именно на развитии «моторики» для совершенствования «психики» ИИиР.

2. Окружающие нас вещи постепенно учатся нас слышать, понимать и отвечать нам. Обращение к «глубокоуважаемому шкафу» казалось А.П. Чехову и зрителям его пьесы величайшей трансценденцией, призванной показать молчание мира вещей и его безразличие к призывам героя пьесы «Вишневый сад». Однако сейчас обращение к шкафу не только возможно, но даже и релевантно [Peckham 2019]. По сути дела, в самое ближайшее время любое устройство, которое может быть встроено в окружающие нас вещи (а потенциально и в людей), будет встроено (если это коммерчески оправдано или связано с соображениями безопасности). Проведем мысленный эксперимент «человек с каменным

топором». Если бы мыслитель уровня Алана Тьюринга (а они, безусловно, были среди тех, кто населял Землю) в начале каменного века задался вопросом о необходимости универсализма использования каменного топора, то через несколько сотен лет (прогресс тогда был значительно медленнее) ему бы пришлось отказаться от этой идеи, т.к., несмотря на то, что один тип топора не мог решить все возникающие задачи, невероятное многообразие и простота изготовления каменных топоров сделала бы «тест каменного топора» совершенно нерелевантным. Мы можем теперь перенести эту аналогию на тест Тьюринга. Если в эпоху, когда компьютер оставался компьютером, т.е. отдельным предметом, вещью, к которой можно отдельно обратиться (вспомним знаменитое обращение «Computer!» из научно-фантастического сериала «Стартрек»), такое тестирование было возможно, то в условиях, близких к повсеместному распространению (*pervasive computing, universal computing, ubiquitous computing*), подобное тестирование просто теряет всякий смысл – люди находят собственное невероятное многообразие форм общения, включая создание особых упрощенных комбинированных языков. Иными словами, герои «Стартрека» уже сейчас могли бы попасть в очень смешную ситуацию, если бы обратились «Компьютер!» с какой-нибудь просьбой. Все наши гаджеты подумали бы, что это обращение относится к ним (т.к. внутри каждого из них находится компьютер) и начали бы выполнять просьбу, каждый по-своему.

3. Помимо того, что компьютеры распространяются буквально повсеместно, они становятся также весьма личными в общении с нами. Возвращаясь к описанной выше аналогии [Алексеев 2008], электронный собеседник, девушка, которая вскружила голову молодому человеку, смогла это сделать потому, что получила доступ к его социальному профилю, всей поисковой истории, всем фотографиям, включая фото, сделанные его родителями, когда тому было всего лишь три года. Также электронной девушке (а точнее, системе ИИ, стоящей за ее личностью) доступны все транзакции, включая финансовые, которые совершены через авторизованные приложения в данном смартфоне, посещения всех ресторанов, музеев и парков и т.п. Уже сейчас наши электронные собеседники, разговаривающие с нами из служб поддержки розничных компаний, обладают информацией о нас, сравнимой с информацией, которую о нас знают наши сами близкие члены

семьи. Несмотря на то, что наши электронные собеседники иногда могут отвечать не впопад и лучше понимают телеграфно-командный стиль речи, они знают о нас больше и могут быть полезнее, чем живые люди. Это вызывает поставленный автором выше вопрос о том, что общение с электронным собеседником, даже несмотря на все его ограничения, может быть намного интереснее, полезнее и приятнее для человека, чем общение с живым человеком. Художественное воплощение этой идеи было показано в фильме «Она» («Her», 2013 г.). Впервые в истории Homo Sapiens мы сталкиваемся с устройствами, которые, будучи созданными нами, знают о нашей обыденной жизни намного больше, чем знаем о ней мы. При этом знание это приходит не из опыта общения человек-машина, а из того опыта, который мы приобрели в совершенно иных обстоятельствах. Иными словами, даже знакомиться с машиной не нужно, т.к. она уже достаточно знает о нас. Универсальное и мгновенное знание о собеседнике делает совершенно избыточным даже минимальные попытки скрыть факт того, что наш собеседник – компьютер. Вполне допустимо, что в недалеком будущем мы будем охотнее общаться с компьютером. Таким образом, исследовательские усилия должны быть сосредоточены не на имитации поведения человека в реализации ИИиР, а на создании наиболее эффективной и этичной модели поведения ИИиР в общении с человеком.

Выше указанные пп. 1–3 правомерно ставят вопрос о том, что мы перешли в эпоху развития ИИиР, которую можно назвать «посттюринговой». Эта эпоха характеризуется переходом от попыток имитации интеллекта человека к созданию нечеловеческого интеллекта, не менее интересного и полезного для человека, чем человеческий интеллект. Усилия исследователей и инженеров должны быть скорее сосредоточены на формировании моделей ИИиР, эволюционно осваивающих навыки человека, но применяющих их в формате, дополняющем, а не имитирующем человека.

Разговорный ИИ (чат-боты) постепенно будет развиваться в сторону физического воплощения (embodiment), т.к. только развитие моторики (манипуляции, локомоции) может дать импульс развитию психики (алгоритмы и программы). Образно выражаясь, цифровым чат-ботам снится то, что у них есть тело андроида (гиноида), и наша задача сделать им такое тело, чтобы мы потом об этом не пожалели.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Действие фильма «Бегущий по лезвию» («Blade Runner», 1982 г.), поставленного по этому роману, происходит в 2019 г., т.е. в наше время.

(2) Одним из наиболее широко распространенных примеров применения искусственного интеллекта являются чат-боты (голосовые или текстовые).

(3) Одними из наиболее популярных представлений о роботе являются антропоморфные (человекоподобные) роботы-андроиды (гиноиды).

(4) Понятие «Утиный тест» отсылает к словам поэта XIX в. Д.У. Райли: «Если нечто выглядит как утка, плавает как утка, издает звуки как утка, то это, вероятно, и есть утка».

(5) Спор «брони и снаряда» – это метафора постоянного соревнования конкурирующих технологий. Происхождение метафоры связано с противостоянием военной техники: увеличение мощности артиллерийских боеприпасов приводило к утяжелению танковой брони, которая в свою очередь снова вызывала необходимость в увеличении мощности артиллерии. Противостояние имеет свои ограничения (мощность двигателей танков, габариты артиллерийских систем, использование альтернативных технологий и т.п.). Метафора указывает на постоянное противоборство подходов или технологий.

(6) Адаптировано с учетом реалий сегодняшнего дня.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2008 – Алексеев А.Ю. Проблема другого в компьютерных коммуникациях // Философские науки. 2008. № 6. С. 114–136.

Алексеев 2013 – Алексеев А.Ю. Комплексный тест Тьюринга: философско-методологические и социо-культурные аспекты. – М.: ИИнтелЛ, 2013.

Бескаравайный 2018 – Бескаравайный С.С. Бытие техники и сингулярность. – М.: РИПОЛ классик, 2018.

Бриньолфсон, Макафи 2019 – Бриньолфсон Э., Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

Дрейфус 1978 – Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. – М.: Прогресс, 1978.

Финн 2018 – Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применение, философия. – М.: Красанд, 2018.

Brooks 2019 – Brooks R. A Better Lesson. Robots, AI, and Other Stuff. – URL: <https://rodneymbrooks.com/a-better-lesson/>

Deutsch 2012 – Deutsch D. Creative Blocks: The Very Laws of Physics Imply That Artificial Intelligence Must Be Possible. What's Holding Us Up? //

Aeon. 2012. October 3. – URL: <https://aeon.co/essays/how-close-are-we-to-creating-artificial-intelligence>

Dreyfus 1991 – *Dreyfus H.L.* Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1991.

Dubrovsky 2018 – *Dubrovsky D.* The Hard Problem of Consciousness. Theoretical Solution of Its Main Questions // Neuroscience. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 85–103.

Fodor 1990 – *Fodor J.* Theory of Content and Other Issues. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1990.

Hernandez 2017 – *Hernandez D.* How to Survive a Robot Apocalypse: Just Close the Door // The Wall Street Journal. 2017. November 10. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-to-survive-a-robot-apocalypse-just-close-the-door-1510327719>

Krol 1999 – *Krol M.* Have We Witnessed a Real-Life Turing Test? // Computer. 1999. Vol. 32. No. 3. P. 27–30.

Krotkov et al. 2016 – *Krotkov E., Hackett D., Jackel L., Perschbacher M., Pippine J., Strauss J., Orlowski C.* The DARPA Robotics Challenge Finals: Results and Perspectives // Journal of Field Robotics. 2016. Vol. 34. No. 2. P. 229–240.

Moor 2003 – The Turing Test: The Elusive Standard of Artificial Intelligence / ed. by J.H. Moor. – Dordrecht: Kluwer Academic, 2003.

Moravec 1988 – *Moravec H.* Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

Peckham 2019 – *Peckham J.* Your Mirror May Soon Be Able to Decide the Clothes You Wear // Techradar. 2019. January 9. – URL: <https://www.techradar.com/news/your-mirror-may-soon-be-able-to-decide-the-clothes-you-wear>

Purdy, Daugherty 2016 – *Purdy M., Daugherty P.* Why Artificial Intelligence is the Future of Growth // Accenture. 2016. – URL: https://www.accenture.com/t20170524t055435__w__/ca-en/_acnmedia/pdf-52/accenture-why-ai-is-the-future-of-growth.pdf

Putnam 1975 – *Putnam H.* Philosophical Papers. Volume 2: Mind, Language and Reality. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1975.

Rasmussen 1979 – *Rasmussen J.* On the Structure of Knowledge – A Morphology of Mental Models in a Man-Machine System Context. – Roskilde: Riso National Laboratory, 1979.

Shaw 2017 – *Shaw I.G.R.* Robot Wars: US Empire and Geopolitics in the Robotic Age // Security Dialogue. 2017. Vol. 48. No. 5. P. 451–470.

Shoham et al. 2018 – *Shoham Y. et al.* The AI Index 2018 Annual Report. – Stanford, CA: AI Index Steering Committee, 2018. – URL: <http://cdn.aiindex.org/2018/AI%20Index%202018%20Annual%20Report.pdf>

Solow 1987 – *Solow R.M.* We'd Better Watch Out // New York Times Book Review. 1987. July 12. P. 36.

Turing 1950 – *Turing A.* Computing Machinery and Intelligence // *Mind*. 1950. Vol. 59. P. 433–460.

Warwick, Shah 2016 – *Warwick K., Shah H.* Turing's Imitation Game: Conversations with Unknown. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016.

REFERENCES

Alekseev A.Y. (2008) Another Problem in Computer Communications. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2008. No. 6, pp. 114–136 (in Russian).

Alekseev A.Y. (2013) *The Comprehensive Turing Test: Philosophical, Methodological and Socio-Cultural Aspects*. Moscow: IIntelL (in Russian).

Beskaravayny S.S. (2018) *Genesis of Technology and Singularity*. Moscow: RIPOL classic (in Russian).

McAfee A. & Brynjolfsson E. (2017) *Machine, Platform, Crowd. Harnessing Our Digital Future* (Russian translation: Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019).

Brooks R. (2019) *A Better Lesson. Robots, AI, and Other Stuff*. Retrieved from <https://rodneymcneil.com/a-better-lesson/>

Deutsch D. (2012, October 3) Creative Blocks: The Very Laws of Physics Imply That Artificial Intelligence Must Be Possible. What's Holding Us Up? *Aeon*. Retrieved from <https://aeon.co/essays/how-close-are-we-to-creating-artificial-intelligence>

Dreyfus H.L. (1972) *What Computers Can't Do: The Limits of Artificial Intelligence* (Russian translation: Moscow: Progress, 1978).

Dreyfus H.L. (1991) *Being-in-the-World: A Commentary on Heidegger's Being and Time, Division I*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Dubrovsky D. (2018) The Hard Problem of Consciousness. Theoretical Solution of Its Main Questions. *Neuroscience*. Vol. 6, no. 2, pp. 85–103.

Finn V.K. (2018) *Artificial Intelligence: Methodology, Application, Philosophy*. Moscow: Krasand (in Russian).

Fodor J. (1990) *Theory of Content and Other Issues*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Hernandez D. (2017, November 10) How to Survive a Robot Apocalypse: Just Close the Door. *The Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/how-to-survive-a-robot-apocalypse-just-close-the-door-1510327719>

Krol M. (1999) Have We Witnessed a Real-Life Turing Test? *Computer*. Vol. 32, no. 3, pp. 27–30.

Krotkov E., Hackett D., Jackel L., Perschbacher M., Pippine J., Strauss J., & Orlowski C. (2016) The DARPA Robotics Challenge Finals: Results and Perspectives. *Journal of Field Robotics*. Vol. 34, no. 2, pp. 229–240.

Moor J.H. (Ed.) (2003) *The Turing Test: The Elusive Standard of Artificial Intelligence*. Dordrecht: Kluwer Academic.

Moravec H. (1988) *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.

Peckham J. (2019, January 9) Your Mirror May Soon Be Able to Decide the Clothes You Wear. *Techradar*. Retrieved from <https://www.techradar.com/news/your-mirror-may-soon-be-able-to-decide-the-clothes-you-wear>

Purdy M. & Daugherty P. (2016) Why Artificial Intelligence is the Future of Growth. In: *Accenture*. Retrieved from: https://www.accenture.com/t20170524t055435__w__/ca-en/_acnmedia/pdf-52/accenture-why-ai-is-the-future-of-growth.pdf

Putnam H. (1975) *Philosophical Papers. Volume 2: Mind, Language and Reality*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Rasmussen J. (1979) *On the Structure of Knowledge – A Morphology of Mental Models in a Man-Machine System Context*. Roskilde: Riso National Laboratory.

Shaw I.G.R. (2017) Robot Wars: US Empire and Geopolitics in the Robotic Age. *Security Dialogue*. Vol. 48, no. 5, pp. 451–470.

Shoham Y. et al. (2018) *The AI Index 2018 Annual Report*. Stanford, CA: AI Index Steering Committee. Retrieved from <http://cdn.aiindex.org/2018/AI%20Index%202018%20Annual%20Report.pdf>

Solow R.M. (1987, July 12) We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review*. P. 36.

Turing A. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. Vol. 59, pp. 433–460.

Warwick K. & Shah H. (2016) *Turing's Imitation Game: Conversations with Unknown*. Cambridge: Cambridge University Press.

Contemporary Concept Nativism: Some Methodological Remarks

I.Y. Bulov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-96-109

Review article

Abstract

The innate knowledge problem is a classical problem in philosophy, which has been known since the classical antiquity. Plato in his dialogues *Meno* and *Phaedo* formulated the doctrine of innate ideas and proposed an early version of the poverty of the stimulus argument, which is the most frequently used argument in innate knowledge debates. In the history of philosophy there was also an opposite view. This approach is often associated with J. Locke's philosophy. Locke thought that all our knowledge about the world is a product of the universal learning mechanisms whose functioning is based on perception. The question about the presence of innate ideas in the human mind still remains relevant. New findings in cognitive science and neurosciences and also some recent arguments from philosophers contribute to the contemporary discussion between the spokesmen of the rival approaches to this problem. The paper presents the investigation of one of the approaches to solving the problem of innate concepts, which is called a "concept nativism." It highlights the outstanding characteristics of the concept nativism: (a) domain specificity position, (b) belief that domain-specific mechanisms of learning are innate and (c) belief that at least some concepts are innate. The article also proposes an analysis of notions "innateness" and "idea" which is important for understanding nativists' approach to innate ideas theory. And finally, it describes the most popular nativists' arguments: (a) references to empirical studies using the preferential looking technique, (b) the poverty of the stimulus argument and (c) the argument from animals.

Keywords: ideas, innateness, nativism, domain specificity, poverty of the stimulus, modularity, empiricism.

Ilya Y. Bulov – postgraduate student at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

bulovilya@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-7212-2395>

For citation: Bulov I.Y. (2019) Contemporary Concept Nativism: Some Methodological Remarks. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 96–109.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-96-109

Современный нативизм идей: некоторые методологические замечания

И.Ю. Булов

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-96-109

Научный обзор

Аннотация

Проблема врожденного знания – классическая философская проблема, известная еще с античности. Платон в своих диалогах «Менон» и «Федон» сформулировал концепцию врожденных идей и предложил раннюю версию аргумента от бедности стимула – наиболее распространенного аргумента в спорах о врожденных идеях. Платон считал, что усвоение идей происходит не за счет процессов обучения, а является следствием припоминания уже имеющегося в нас знания. В истории философии существовала и противоположная точка зрения, известная нам, прежде всего, благодаря философии Дж. Локка. Локк считал, что абсолютно все наше знание о мире является продуктом универсальных механизмов обучения, работа которых обеспечивается перцептивными данными. Вопрос о существовании врожденных идей и сегодня не теряет актуальности. Новые данные из когнитивной науки и нейронаук, а также свежие аргументы философов, способствуют продолжению обстоятельной дискуссии между представителями конкурирующих подходов к данному вопросу. Статья посвящена исследованию одного из подходов к решению проблемы врожденных идей – современному нативизму идей. Отмечаются его характерные особенности: 1) концепция местной специализированности, 2) вера во врожденность местно-специализированных механизмов обучения и 3) вера в наличие как минимум нескольких врожденных идей. Также проводится анализ понятий «врожденность» и «идея», проясняющий смысл нативистского подхода к теории врожденных идей, и излагаются наиболее частые аргументы сторонников нативизма: 1) ссылки на эмпирические исследования, использующие метод зрительных предпочтений, 2) аргумент от бедности стимула и 3) аргумент от животных.

Ключевые слова: идея, врожденное, нативизм, местная специализированность, бедность стимула, модулярность, эмпиризм.

Булов Илья Юрьевич – аспирант Института философии РАН.

bulovilya@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-7212-2395>

Для цитирования: Булов И.Ю. (2019) Современный нативизм идей: некоторые методологические замечания // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 96–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-96-109

Introduction

The innate knowledge problem is a classical problem in philosophy, which has been known since Plato's works. Plato in his dialogues *Meno* and *Phaedo* formulated the innate concepts doctrine and proposed an early version of the poverty of the stimulus argument, which is the most frequently used argument in innate knowledge debates nowadays. Nonetheless, the discussion around the question of innate concepts is more strongly associated with the works of modern era philosophers, such as Descartes, Locke, Hume or Leibniz.

From the Locke and Hume time and up to the middle of the 20th century empiricism was the dominant approach (at least in science). After that, the Chomsky's early works started the so-called "nativist turn," which resulted in the revival of those old debates about concepts, making it crucial for contemporary metaphysics.

As a result, nativism [Carey 2009; Chomsky 1965; Fodor 1983; Margolis & Laurence 2013] has become the most influential view in science and philosophy. Nevertheless, in recent days we can observe the resurrection of empiricism in the works of many scientists and philosophers [Barsalou 1999; Barsalou 2018; Clark 1993; Cowie 1999; Damasio 1989; Prinz 2002], criticizing the nativist approach. The new empiricism movement is often called "neo-empiricism."

But what was that convincing in the nativism of the 20th century, so it put the end to the long empiricist rule (at least until recent times)? I believe it is the union of the appealing theory and the sound arguments. In the first part of the article, I have described the crucial features of modern nativism. In the second part, I have clarified terms "concepts" and "innateness." In the third part, I have described the most popular nativists' arguments.

Contemporary theory

At first, one may think that modern concept nativism is about innate concepts (1) (or innate cognitive structures) (2). It is partially true due to historical nativism (Plato, Descartes). But most of the contemporary scientists and philosophers can agree that today concept nativism is something more than just a belief in the existence of innate concepts [Cowie 1999, 3–25; Laurence & Margolis 2015]. The reason why it

should be more, as it was noticed by nativism theorists Laurence and Margolis, is that modern empiricists may also assume the existence of some innate concepts [Laurence & Margolis 2015, 118]. Quine once noted that even a behaviorist “is knowingly and cheerfully up to his neck in innate mechanisms” [Quine 1969, 95–96].

Hence, there must be something else to differentiate concept empiricism and concept nativism from each other. And the best candidate for this role is domain specificity, which was offered in 20th century by contemporary nativists. So, the essential distinction between concept nativism and concept empiricism is the idea of domain specificity.

The domain specificity hypothesis can be called the most noticeable feature of modern nativism. It, on the one hand, differentiates the new concept nativism versions from the historical ones (e.g. Cartesian concept nativism) and, on the other hand, draws the tangible border between modern concept nativism and neo-empiricism. The empiricist approach assumes the universal learning mechanism as opposed to nativists’ domain specificity [Prinz 2005]. Basically, the domain specificity hypothesis states that the human mind has the different learning and processing mechanisms for the different types of information (more about domain specificity in [Baer 2016; Cowie 1999; Gelman 200]). These mechanisms can also be called “modules,” if we follow Fodor’s terminology [Fodor 1983].

Domain specificity helps nativists to solve the poverty of stimulus problem, which was initially presented in modern science and philosophy by Noam Chomsky (3) [Chomsky 1986]. Chomsky’s argues that the process of language acquisition is so effective that it cannot happen just through universal learning rules. Lacking of information about the sophisticated syntax rules simply would not allow a child to acquire his native language so fast if there were only universal rules. We can express the poverty of the stimulus problem this way.

In the process of development, the information of the type T in the amount A was acquired.

As a result, the rule R was formed.

The rule R allows its carrier to process the information of the type T promptly and efficiently.

However, it seems that the amount A of information is not enough to form the rule R .

Let us presume it was formed through the basic (not specialized) learning mechanisms and input systems.

How R was formed?

The domain specificity hypothesis, as nativists claim, let us solve this puzzle [Simpson et al. 2005, 6–7]. It explains why children acquire a certain set of rules (e.g., language grammar) so fast despite a lack of learning. According to nativist approach, specialized mechanisms and dedicated input systems are better suited for acquiring information of various types. The main assumption is that the certain specialized type of acquisition mechanism, which corresponds to a certain type of information, provides better learning in a shorter period of time than a mechanism governed by universal rules.

Nativists traditionally think that concepts can occur as a product of domain-specific learning mechanisms despite the lack (or absence) of learning. In other words, they accept the innate concepts hypothesis. Laurence and Margolis notice that innate concepts hypothesis is a crucial part of contemporary nativism [Laurence & Margolis 2015, 118].

We should also specify that these domain-specific mechanisms are innate in the most concept nativists' theories. That assertion allows us to distinguish nativism and certain forms of concept empiricism that claim that under certain conditions the domain specificity can emerge as a product of the universal learning mechanism [Karmiloff-Smith 1992].

As is clear from the above, the theoretical basis of modern nativism of ideas includes three inherent propositions.

1. The leading principle of the mind architecture is domain specificity.
2. Domain-specific mechanisms of the mind are innate.
3. At least some concepts derived from domain-specific modules are innate.

Concepts and innateness

It still remains unclear what exactly terms “concept” and “innate” mean. That is why we should clarify them to further examine contemporary nativism. Despite the fact that there are quite different views on the structure of concepts [Prinz 2002], we can say that some philosophers and cognitive scientists still have some basic conventional characterization of concepts. Today hardly anyone will challenge John Locke's definition of concepts as the “materials of reason and knowledge” [Locke 1823, 60] or reject the contemporary empiricist Jesse Prinz's characterization of concepts as “constituents of thoughts” [Prinz 2002, 2]. Many other researchers of this problem gave similar descriptions. For example, Susan Carey calls concepts “units of thought” [Carey 2009, 5], and K. Solomon, D. Medin and E. Lynch wrote that

concepts are “building blocks of thought” [Solomon, Medin, & Lynch 1999, 99], etc. (4).

The main advantage of this characterization is that it, on the one hand, refers to a concrete phenomenon and, on the other hand, leaves room for discussion [Prinz 2002, 2].

As for the term “innateness,” on the contrary, there is heated debate around it. It is quite common and intuitive to put an equal sign between *innate* and *genetic*. However, this reasoning sometimes turns out to be counterproductive for innate concepts discussions. After all, the chain of amino acids (that is, proteins) is the only object with which it is possible to more or less correctly match genes. But comparing genes with concepts and other phenomena of mind encounters a number of methodological difficulties. As Peter Godfrey-Smith observes, genes do not describe but prescribe (with varying degrees of probability) whether a particular trait will appear or not [Godfrey-Smith 1999, 328]. Therefore, genes are incorrectly regarded as a blueprint of an individual’s traits. Nonetheless, it is quite reasonable to present DNA as a set of causes leading to emergence of a certain traits. But, as we know, genes are not the only reason for the formation of a trait. For instance, to form secondary sexual characteristics, besides certain genes, an organism also has to get proper nutrition. Moreover, different traits can be formed under the influence of the same genes. For example, studies show [Pieau et al. 1994] that turtles *Emys orbicularis* “choose” their sex depending on the temperature at which the egg resides (for a review of similar examples see: [Gilbert 2003]). And vice versa, different genes can contribute to the formation of the same phenotype. In biology this phenomenon is called “genetic heterogeneity” [Matthew & Michael 2013].

Therefore, the assumption of the strict causal correspondence between gene(s) and trait seems too simplified, and referring to the corresponding group of genes seems to be insufficient reason to call a certain concept innate.

The lack of a unified definition of “innate” has given rise to many opinions about which features should be called innate. Some authors even argue that usage of the term “innate” is just a manifestation of naive biological essentialism. Hence, “innate” should be regarded as a term from folk biology [Griffiths 2002].

Despite the fact that there are many interpretations of “innate,” concept nativists most often use the lack of learning approach as well as the ostensive approach to the definition of this term.

The lack of learning approach described by Khalidi [Khalidi 2002; Khalidi 2007] implies that we call a trait innate if that trait was formed despite the insufficient (poor) environmental impact required for the formation of this trait. In other words, according to the lack of learning approach, if a trait emerged despite the insufficient learning or a lack of learning, we assume it is innate. Innate traits with this approach are most often considered as evolutionary adaptations to the environment.

One of the most famous supporters of this approach is Noam Chomsky (“The speed and precision of vocabulary acquisition leaves no real alternative to the conclusion that the child somehow has the concepts available before experience with language” [Chomsky 1988, 28]). Another one is cognitive scientist Susan Carey (“As I use the term, innateness is interdefined with learning: innate representations are those that are not the output of learning processes” [Carey 2009, 11]).

Proponents of the ostensive approach believe it is enough to use the term “innate” if we simply pointed out where and when it takes place. The full description of “innate” will be elaborated in further investigations. T. Simpson, P. Carruthers, S. Laurence and S. Stich can be ranked: “Just as we can investigate the phenomena of locomotion, memory, chemical interaction, or planetary movement without fully explicit characterizations of the kinds involved, so too with innateness” [Simpson et al. 2005, 5].

Nativists’ arguments

Since concept nativists make statements about the structure of cognitive reality, the most basic and obvious argumentation strategy for them is *to refer to empirical results from cognitive science*. Today this argumentation type is especially easy to use, since nowadays there are plenty of studies testing hypothesis of innateness of such concepts as *physical qualities of an object* (e.g. object continuity [Aguiar & Baillargeon 1999; Kellman & Spelke 1983; Spelke 1990; Spelke et al. 1995] or knowledge about the qualities of solid, soft and fluid objects [Rips & Hespos 2015]), *number and count* [Brannon 2002; Brannon, Abbott, & Lutz 2004; Dehaene 1990; Lipton & Spelke 2003; Lipton & Spelke 2004; McCrink & Wynn 2004; Wood & Spelke 2005; Xu & Spelke 2000; Xu & Spelke 2005], *agency* [Hamlin 2015; Saxe, Tenenbaum, & Carey 2005; Tomasello et al. 2005], *causality* [Cohen & Oakes 1993; Michotte 1963; Muentner & Carey 2010; Saxe & Carey 2006], *grammar* [Chomsky 1986;

Crain & Pietroski 2001; Crain & Thorton 1998; Pinker 1994], etc. [Margolis & Laurence 2013, 694]. The vast majority of these studies are based on the preferential looking method, which was suggested by Robert L. Fantz [Fantz 1958; Fantz 1961; Fantz 1963; Fantz 1964; Fantz, Ordly, & Udelf 1962]. In the series of experiments, Fantz demonstrated that in general children look longer at more heterogeneous surfaces or at objects with more complex patterns and look less at homogeneous surfaces or at objects with simple patterns. Researches usually combine this method with the habituation technique (5). In a later study, Fantz added habituation to a preferential looking experiment. This allowed him to identify a subject's visual preferences in cases where the time of observation of objects was initially the same due to the novelty of the objects.

Hunter and Ames later summarized these results and concluded that children (taking into account their age, IQ, etc.) after habituation tend to look longer at an object or a situation if it seems complex or unusual to them [Hunter & Ames 1988].

Thus, if situation after habituation seems unusual to a child, then it is not something he already knows. From that nativists conclude that some physical law or a logical operation occurring in the experimental situation is not innate. And vice versa, if a child seems to be familiar with the property/law/operation, then this property/law/operation is likely to be classified as innate.

Of course, the preferential looking method, like all scientific methods, has its limitations. For instance, we cannot know for sure why children stare longer at some situation or object. It may turn out that they find it generally more interesting (even after habituation) than the other ones and not because they think it is odder [Prinz 2005]. Reproducibility of some experiments is also very low. For the review of all limitations of the preferential looking technique see: [Munakata 2000].

Another nativists' argument is the *argument from the poverty of the stimulus*. It is undoubtedly the most popular argument among nativists. The structure of the poverty of the stimulus argument is such that we take the poverty of the stimulus problem discussed above and show that the best solution of this problem is domain specificity (i.e. modular structure of the mind). N. Chomsky proposed the most revealing versions of this argument in his famous paper criticizing the B. Skinner's theory of language acquisition [Chomsky 1959]. Chomsky's argument can be represented as follows.

1. There is a set of different possible grammars, which can be hypothesized by a child from the primary linguistic data (6).

2. There is no guarantee that the grammar learned by the child would be simpler and more natural than the possible alternatives.

3. Usually there is a lack of evidences that the grammar learned by the child is the one she should pick from the possible alternatives.

4. Hence, if children used universal learning principle (hypothesis testing), they would never acquire the correct grammar of their language.

5. The overwhelming majority of children do acquire the correct grammar of their language.

Conclusion:

6. Therefore, children do not use universal learning principles when they acquire language. And if so, a child's mind must be equipped with some specialized learning mechanism or principle helping him to acquire the correct grammar of the language (adapted from [Laurence & Margolis 2001, 22]).

As, we can see, the main reason of this argument is to show that the process of language acquisition is so effective because it cannot happen without some specialized inner machinery. This specialized inner machinery (or "language acquisition device" in Chomsky's terminology) hypothesis, as Chomsky suppose, is the best explanation of how we learn so sophisticated rules of grammar in so short period in our childhood with a lack of proper instructions and deficiency of negative evidences (parents usually do not correct their children's ungrammatical sentences frequently enough). Some later studies of linguistic universals came to the same conclusions [Crain & Pietroski 2001; Crain & Thornton 2000].

The third argument that nativists use is the *argument from animals*. The argument from animals is more basic. But it is usually combined with empirical evidence. The argument can be represented in the following form.

A. All animals are equipped with specialized learning mechanisms.

B. Human is an animal.

Conclusion:

C. Human is equipped with specialized learning mechanisms.

To strengthen (A), one appeals to the studies showing that different types of animals have different mechanisms for the formation of associations for different modalities, and that implies the domain-specific structure of their learning mechanisms [Margolis & Laurence 2013, 703–704]. Rats, for example, associate

food poisoning primarily with the taste of food and not with its color or smell. At the same time, rats being exposed to electricity associated this effect with visual and auditory stimuli [Garcia & Koelling 1966].

The first statement in this argumentation seems quite weak. And despite the fact that Laurence and Margolis in their paper gave lots of evidence, it is still perceived as doubtful. Mainly because there is a lack of studies dedicated to specialized learning mechanisms of non-human apes, which are much closer to us than rats or squirrels. Moreover, this argument only works if we assume in (A) that *all* animals have specialized learning mechanisms. It seems that such a strong assumption can hardly be supported by equally strong evidence.

Only the most universal and frequent arguments of the nativists were mentioned above. There are many other arguments. However, all of them are strongly tied to a theory of a particular researcher. That is why their presentation requires a description of these theories which goes far beyond the scope of the present work.

Conclusion

Thus, modern nativism can be defined as a hypothesis that our mind has many innate specialized learning mechanisms, the presence of which contributes to the formation of specific concepts. The concepts here are understood as “constituents of thought.” Nativists usually say that a certain concept is innate if it was formed despite the lack of learning, or sometimes they simply define it ostensively.

In defense of their position, nativists most often use the following arguments: (a) references to empirical studies using the preferential looking technique, (b) the argument from the poverty of the stimulus and (c) the argument from animals.

The four leading versions of modern nativism of ideas are fertile ground for further research: linguistic nativism of Chomsky, Fodor’s radical concept nativism, moderate nativism of Carey and syncretic nativism of Laurence and Margolis.

NOTES

(1) The terms “cognitive structure” and “concepts” can be used here interchangeably. Further I give the characterization that satisfies both terms.

(2) Historical nativism is sometimes called “rationalism.” Nevertheless, there is a risk of confounding two different entities. The term “rationalism” is also used for the rationalist position in the modern era debates about

the justification of knowledge. Hence, I ignore this term to avoid any confusions.

(3) The very first mention of this problem was in Plato's dialogue *Meno*. That fact was highlighted by Chomsky when he called the poverty of the stimulus problem "Plato's problem" [Chomsky 1986, 7].

(4) Outstanding in this series is the concept eliminativism of E. Machery, who considers concepts as fruitless and meaningless term [Machery 2009].

(5) The habituation technique involves a preliminary demonstration of the object to the subject. This allows researchers to reduce the time of observation of the demonstrated object, that is, the level of its novelty for the subject.

(6) The term "primary language data" here means information about the grammar of the language received by the child in the learning process. Those who use argument from the poverty of the stimulus usually indicate that such information is not enough for the child to build the correct hypothesis about the grammar of a child's native language.

REFERENCES

Aguiar A. & Baillargeon R. (1999) 2.5-Month-Old Infants Reasoning about When Objects Should and Should Not Be Occluded. *Cognitive Psychology*. Vol. 39, no. 2, pp. 116–157.

Baer J. (2016) *Domain specificity of creativity*. Amsterdam: Elsevier.

Barsalou L.W. (1999) Perceptual Symbol Systems. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 22, no. 4, pp. 577–609.

Barsalou L. W. (2017) Cognitively Plausible Theories of Concept Composition. In: Hampton J. & Winter Y (Eds.) *Compositionality and Concepts in Linguistics and Psychology. Language, Cognition, and Mind* (vol 3, pp. 9–30). Cham: Springer.

Brannon E.M. (2002) The Development of Ordinal Numerical Knowledge in Infancy. *Cognition*. Vol. 83, no. 3, pp. 223–240.

Brannon E.M., Abbott S. & Lutz D. (2004) Number Bias for the Discrimination of Large Visual Sets in Infancy. *Cognition*. Vol. 93, no. 2, pp. B59–B68.

Carey S. (2011) *The Origin of Concepts*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Chomsky N. (1957) Review of Skinner's Verbal Behavior. *Language*. Vol. 35, no. 1, pp. 26–58.

Chomsky N. (1986) *Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use*. New York: Praeger.

Chomsky N. (1988) *Language and Problems of Knowledge: The Managua Lectures*. Cambridge, MA: MIT Press.

Cohen L.B. & Oakes L.M. (1993) How Infants Perceive a Simple Causal Event. *Developmental Psychology*. Vol. 29, no. 3, pp. 421–433.

Cowie F. (1999) *What's Within: Nativism Reconsidered*. Oxford: Oxford University Press.

Crain S. & Pietroski P. (2001) Nature, Nurture, and Universal Grammar. *Linguistic and Philosophy*. Vol. 24, no. 2, pp. 139–186.

Crain S. & Thornton R. (2000) *Investigations in Universal Grammar: A Guide to Experiments on the Acquisition of Syntax and Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press.

Dehaene S. (1997) *The Number Sense*. New York: Oxford University Press.

Fantz R. (1958) Pattern Vision in Young Infants. *Psychological Record*. Vol. 8, no. 2, pp. 43–47.

Fantz R. (1961) The Origin of Form Perception. *Scientific American*. Vol. 204, no. 5, pp. 66–72.

Fantz R. (1963) Pattern Vision in Newborn Infants. *Science*. Vol. 140, no. 3564, pp. 296–297.

Fantz R. (1964) Visual Experience in Infants: Decreased Attention to Familiar Patterns Relative to Novel Ones. *Science*. Vol. 146, no. 3644, pp. 668–670.

Fantz R., Ordj J., & Udelf M. (1962) Maturation of pattern vision in infants during the first six months. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*. Vol. 55(6), pp. 907–917.

Fodor J. (1983) *The Modularity of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Garcia J., Koelling R. (1966) The Relation of Cue to Consequence in Avoidance Learning. *Psychonomic Science*. Vol. 4, no. 1, pp. 123–124.

Gelman R. (2000) Domain Specificity and Variability in Cognitive Development. *Child Development*. Vol. 71, no. 4, pp. 854–856.

Gilbert S. (2010) Sex Determination. In: Gilbert S. (Ed.) *Developmental Biology* (10th ed.) (pp. 511–540). Sunderland, MA: Sinauer Associates.

Godfrey-Smith P. (1999) Genes and Codes: Lessons from the Philosophy of Mind? In: Hardcastle V. (Ed.) *Biology Meets Psychology: Constraints, Conjectures, Connections* (pp. 305–331). Cambridge, MA: MIT Press.

Griffiths P. E. (2002) What is Innateness? *The Monist*. Vol. 85, no. 1, pp. 70–85.

Hamlin J. (2015) Does the Infant Possess a Moral Concept? In: Margolis E. & Laurence S. (Eds.) *The Conceptual Mind: New Directions in the Study of Concepts* (pp. 477–518). Cambridge, MA: MIT Press.

Hunter M. & Ames E. (1988) A Multifactor Model of Infant Preferences for Novel and Familiar Stimuli. In: Rovee-Collier C. & Lipsitt L.P. (Eds.) *Advances in infancy research* (vol. 5, pp. 69–95). Norwood, NJ: Ablex.

Karmiloff-Smith A. (1992) *Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kellman P. & Spelke E. (1983) Perception of Partly Occluded Objects in Infancy. *Cognitive Psychology*. Vol. 15, no. 4, pp. 483–524.

Khalidi M.A. (2002) Nature and Nurture in Cognition. *The British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 53, no. 2, pp. 251–272.

Khalidi M. (2007) Innate Cognitive Capacities. *Mind & Language*. Vol. 22, no. 1, pp. 92–115.

Laurence S. & Margolis E. (2001) The Poverty of the Stimulus Argument. *The British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 52, no. 206, pp. 217–276.

Laurence S. & Margolis E. (2015) Concept Nativism and Neural Plasticity. In: Laurence S. & Margolis E. (Eds.) *The Conceptual Mind: New Directions in the Study of Concepts* (pp. 117–147). Cambridge, MA: MIT Press.

Lipton J. & Spelke E. (2003) Origins of Number Sense: Large Number Discrimination in Human Infants. *Psychological Science*. Vol. 15, no. 5, pp. 396–401.

Lipton J. & Spelke E. (2004) Discrimination of Large and Small Numerosities by Human Infants. *Infancy*. Vol. 5, no. 3, pp. 271–290.

Locke J. (1823) *An Essay Concerning Human Understanding* (24th ed.). London: D. Cartwright.

Machery E. (2009) *Doing Without Concepts*. New York: Oxford University Press.

Margolis E. & Laurence S. (2013) In Defense of Nativism. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 165, no. 2, pp. 693–718.

Matthew J. & Michael M. (2013) Heterozygote Testing and Carrier Screening. In: Rimoïn D., Pyeritz R., & Korf B. (Eds.) *Emery and Rimoin's Principles and Practice of Medical Genetics* (pp. 80–81). London: Elsevier.

McClelland J. & Rumelhart D. (1986) *Parallel Distributed Processing. Explorations in the Microstructure of Cognition. Volume 2: Psychological and Biological Models*. Cambridge, MA: MIT Press.

McCrink K. & Wynn K. (2004) Large-Number Addition and Subtraction by 9-Month Old Infants. *Psychological Science*. Vol. 15, no. 11, pp. 776–781.

Michotte A. (1963) *The Perception of Causality*. New York: Basic Books.

Muentner P. & Carey S. (2010) Infants' Causal Representations of State Change Events. *Cognitive Psychology*. Vol. 61, no. 2, pp. 63–86.

Pieau C., Girondot N., Richard-Mercier G., Desvages M., Dorizzi P., & Zaborski P. (1994) Temperature Sensitivity of Sexual Differentiation of Gonads in the European Pond Turtle. *Journal of Experimental Zoology*. Vol. 270, no. 1, pp. 86–94.

Pinker S. (1994) *The Language Instinct: The New Science of Language and Mind*. London: Penguin.

Prinz J. (2002) *Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis*. Cambridge, MA: MIT Press.

Prinz J. (2005) The Return of Concept Empiricism. In: Cohen H. & Lefebvre C. (Eds.) *Handbook of Categorization and Cognitive Science* (pp.679–695). Amsterdam: Elsevier.

Quine W.V.O (1969) Linguistics and Philosophy. In: Hook S. (Ed.) *Language and Philosophy: A Symposium* (pp. 95–98). New York: NYU Press.

Rips L. & Hespos S. (2015) Divisions of the Physical World: Concepts of Objects and Substances. *Psychological Bulletin*. Vol. 141, no. 4, pp. 786–811.

Saxe R. & Carey S. (2006) The Perception of Causality in Infancy. *Acta Psychologica*. Vol. 123, no. 1–2, pp.144–165.

Saxe R., Tenenbaum J., & Carey S. (2005) Secret Agents: 10 and 12-Month-Olds Infer an Unseen Cause of the Motion of an Inanimate Object. *Psychological Science*. Vol. 16, no. 12, pp. 995–1001.

Simpson T., Carruthers P., Laurence S., & Stich S. (2005) Nativism Past and Present. In: Carruthers P., Laurence S., & Stich S. (Eds.) *The Innate Mind: Structure and Contents* (pp. 3–19). New York: Oxford University Press.

Solomon K., Medin D., & Lynch E. (1999) Concepts Do More than Categorize. *Trends in Cognitive Science*. Vol. 3, no. 3, pp. 99–105.

Spelke E. (1990) Principles of Object Perception. *Cognitive Science*. Vol. 14, no. 1, pp. 29–56.

Spelke E., Kestenbaum R., Simons D., & Wein D. (1995) Spatiotemporal Continuity, Smoothness of Motion and Object Identity in Infancy. *The British Journal of Developmental Psychology*. Vol. 13, no. 2, pp. 113–142.

Tomasello M., Carpenter M., Call J., Behne T., & Moll H. (2005) Understanding and Sharing Intentions: The Origins of Cultural Cognition. *Behavioral & Brain Sciences*. Vol 28, no. 5, pp. 675–735.

Wood J. & Spelke E. (2005) Infants' Enumeration of Actions: Numerical Discrimination and Its Signature Limits. *Developmental Science*. Vol. 8, no. 2, pp. 173–181.

Xu F. & Spelke E. (2000) Large Number Discrimination in 6-Month Old Infants. *Cognition*. Vol. 74, no. 1, pp. B1–B11.

Xu F., Spelke E., & Goddard S. (2005) Number Sense in Human Infants. *Developmental Science*. Vol. 8, no. 1, pp. 88–101.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС

Философия и политический процесс

Г. Лукач, «течение» и сталинизм*

В.Ю. Быстров

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

В.М. Камнев

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Предметом статьи является отношение Г. Лукача и его единомышленников (так называемого «течения») к феномену сталинизма. Принципиальным подходом в статье является стремление избежать любых односторонностей в оценке этого феномена. Прослеживается философская эволюция Георга Лукача и изменение его отношения к теории и практике сталинизма. В 20-е гг. Лукач приветствует идею построения социализма в одной стране и связывает это со своим отходом от прежних революционных идей «Истории и классового сознания». Этот поворот выражается в новой трактовке Гегеля как «реалистического» мыслителя, «реализм» которого проявлялся в стремлении найти «примирение» с действительностью (прусского государства) и в отрицании любых утопий. Философская эволюция, ведущая к «реализму», предполагает интеграцию революционера в иерархию существующего общества. Статья «Гиперион Гельдерлина» представляет собой попытку оправдать сталинизм как необходимую и «прогрессивную» фазу революционного развития пролетариата. Тем не менее события второй половины 30-х гг. (массовые репрессии, мирный договор с нацистской Германией) вынуждают Лукача осознать катастрофичность

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 18-011-01042 «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М.А. Лифшица)».

политической стратегии сталинизма. В своих работах он перестает касаться политических тем и концентрируется на проблемах эстетики и литературоведения. Однако и его эстетическая позиция позволяет реконструировать изменившиеся политические взгляды и понять сложившуюся репутацию «внутреннего оппонента» сталинизму. После 1956 г. Лукач обращается к политической критике сталинизма, которая все же остается односторонней. Он видит в сталинизме разновидность левого сектантства, теорию и практику переноса реалий гражданской войны на эпоху мирного сосуществования двух систем.

Ключевые слова: революция, сталинизм, диалектика, романтизм, реализм, эстетика, Г. Лукач, М. Лифшиц.

Быстров Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии Института философии СПбГУ.

vyb83@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6487-4263>

Камнев Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии Института философии СПбГУ.

kamnevvladimir@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0096-6190>

Для цитирования: Быстров В.Ю., Камнев В.М. Г. Лукач, «течение» и сталинизм // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

G. Lukács, “Techeniye” and Stalinism*

V.Y. Bystrov

*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

V.M. Kamnev

*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Original research paper

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project no. 18-011-01042 “Conservative idea in Soviet philosophy and literature (M.A. Lifshitz circle).”

Abstract

The article discusses the attitude of Georg Lukács and his adherents who formed a circle “Techeniye” (lit. “current”) toward the phenomenon of Stalinism. Despite the political nature of the topic, the authors are aspired to provide an unbiased research. G. Lukács’ views on the theory and practice of Stalinism evolved over time. In the 1920s Lukács welcomes the idea of creation of socialism in one country and abandons the former revolutionary ideas expressed in his book *History and Class Consciousness*. This turn is grounded by new interpretation of Hegel as “realistic” thinker whose “realism” was shown in the aspiration to find “reconciliation” with reality (of the Prussian state) and in denial of any utopias. The philosophical evolution leading to “realism” assumes integration of revolutionaries into the hierarchy of existing society. The article “Hölderlin’s Hyperion” represents attempt to justify Stalinism as a necessary and “progressive” phase of revolutionary development of the proletariat. Nevertheless, events of the second half of the 1930s (mass repressions, the peace treaty with Nazi Germany) force Lukács to realize the catastrophic nature of political strategy of Stalinism. In his works, Lukács ceases to analyze political topics and concentrates on problems of aesthetics and literary criticism. However, his aesthetic position allows to reconstruct the changed political views and to understand why he had earned the reputation of the “internal opponent” to Stalinism. After 1956, Lukács turns to political criticism of Stalinism, which nevertheless remains unilateral. He sees in Stalinism a kind of the left sectarianism, the theory and practice of the implementation of civil war measures in the era of peaceful co-existence of two systems.

Keywords: revolution, Stalinism, dialectics, romanticism, realism, esthetics, G. Lukács, M. Lifshitz.

Vladimir Y. Bystrov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

vyb83@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6487-4263>

Vladimir M. Kamnev – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

kamnevladimir@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0096-6190>

For citation: Bystrov V.Y & Kamnev V.M. (2019) G. Lukács, “Techeniye” and Stalinism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-110-123

Введение

Предмет данной статьи связан не столько с реальной историей так называемого «течения», объединявшего в 30-е гг. XX столетия ряд философов и литературоведов, печатавшихся в журнале «Литературный критик» (М.А. Лифшиц, Г. Лукач, В. Гриб, В. Александров, Е. Усиевич, А. Платонов и др.), сколько с восприятием объединявшей их системы идей как генетически родственной феномену сталинизма. Речь идет о достаточно распространенном представлении, что М.А. Лифшиц, Г. Лукач и др. если и не ответственны за многие темные стороны этого феномена (в том смысле, в каком Иван Карамазов ответственен за преступление Смердякова), то по меньшей мере приложили немало усилий для идейного оправдания сталинизма пред неизбежным судом истории [Поцелуев 2018; Стыкалин 2018].

Оценка «течением» периода 30-х гг. на фоне преобладающих и сегодня односторонних подходов действительно отличается своей явной неоднозначностью: «30-е годы – сложное время. Говоря военным языком, это был “встречный бой в темноте”, и столкновение тенденций, возникших в это время, еще самым неожиданным образом скажется в будущем. Разумеется, затор... не был и видимо не мог быть снесен даже той волной уравнительности, кот(орая) дала себя знать в изв(естных) каждому полит(ических) явлениях этого времени. Исторически так называемый культ личности был только пеной на этой грязной волне, и понимать его как создание одной какой-то демонической личности было бы далеко от научного взгляда на историю. Но после ломки и смены протагонистов, кот(орые) открыли дорогу восстановлению клас(сической) традиции Маркса и очистили (?) ленинизм от совершенно чуждых ему идеологич(еских) направлений антиподов Ленина, те тенденции, кот(орые) создали затор двадцатых годов, снова вернулись и к концу следующего десятилетия создали непреодолимую (?) силу догматической идеологии» [Лифшиц 2004, 104–105].

Характерный для «течения» литературоцентризм предопределил рассмотрение эпохи через призму человека, а не наоборот, и отсюда одна из центральных для «Литературного критика» проблема «человека 30-х гг.». И подход «течения» к раскрытию сущностных характеристик этого десятилетия как раз и состоял в том, чтобы не уходить от принципиальной двойственности образа этого человека, не демонизировать его, но и не идеализировать [Хренов 2017]. Эта двойственность рождена самим ходом истории.

«Октябрьская революция оказалась в ловушке истории. Выходов для страны на основе провозглашенных этой революцией идеалов не было, или, во всяком случае, этот выход не найден. И в то же время путь для спасения революции найден в том, что в конце концов убило революцию. Ибо выход заключался в *преступлении*. Преступлении против народа и против страны. Оказались перейденными те границы, которые допустимы для выхода из кризиса, решения противоречий, что обернулось не только миллионными жертвами людей, но и падением нравственности народа, его моральным развращением. Лучшие люди тридцатых годов... своим бескорыстным энтузиазмом, жаждой блага не для себя в первую очередь, а для других невольно послужили той почвой, на которой могла вырасти система насилия... Многие люди тридцатых годов были искренними сталинистами... И не только потому, что они “не знали”. Многие и многие знали достаточно. Они знали главное, что сталинский режим *преступил*. Но что? Прежде всего он преодолел (пусть и неполно, пусть только на исторически не очень большой отрезок времени) всевластие рынка, всевластие “денежного рабства”» [Арсланов 2007, 209, 211].

Позиция Г. Лукача в 1920-е гг.

Разумеется, такой подход требовал одновременно и интеллектуального дистанцирования от конкретики событий 30-х гг., и искренних симпатий к идеалам социалистического строительства (выраженных в форме теории построения социализма в одной стране). В этом отношении счастливой удачей, «закономерной случайностью» оказалось длительное сотрудничество с «течением» Г. Лукача [Лагушев 2018].

Что касается второго компонента, то о его появлении довольно ясно пишет сам Г. Лукач, характеризуя собственную философско-мировоззренческую эволюцию: «В дополнение к этому III Интернационал после 1924 года с полным правом определил состояние капиталистического мира как “относительную стабилизацию”. Эти факты означали также для меня необходимость теоретической переориентации. Весьма отчетливо начало решающего изменения [в моих взглядах] показало то, что в дискуссиях в РКП(б) я стоял на стороне Сталина, на позиции признания возможности социализма в одной стране» [Лукач 2003, 87]. Это был поворотный пункт, знаменующий собой глубокий теоретический и политический разрыв со всеми его прежними революционными

идеями, в том числе и с теми, что были изложены в «Истории и классовом сознании». После этого поворотного пункта его сочинения характеризует идентификация со сталинизмом, хотя со многими оговорками.

В 1926 г. Г. Лукач публикует статью «Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики» [Лукач 2006, 222–262], которую не без оснований считают одной из его самых глубоких философских работ. С этой статьей обычно связывают расширение ориентированного на Гегеля марксизма «Истории и классового сознания». Действительно, интерпретация гегелевской философии в этих двух работах совершенно различна: если в «Истории и классовом сознании» Г. Лукач видел в философии Гегеля прежде всего категорию тотальности и диалектику субъекта и объекта, то теперь он квалифицирует его как «реалистического» мыслителя. Этот «реализм» проявлялся в стремлении Гегеля найти «примирение» с действительностью (например, прусского государства) и в отрицании любых утопий. Он признавал, что стремление Гегеля остановиться на настоящем было политически реакционным, но с методологической точки зрения он рассматривал это стремление как выражение глубокого диалектического реализма.

Здесь уместно напомнить, что именно оппозиция гегелевскому «Versöhnung» (примирению) была точкой отсчета для политического и идейного радикализма молодого Лукача [Земляной 2017]. Теперь, в конце своего революционного периода, Лукач вернулся к положительной оценке «примирения» Гегеля с действительностью. Можно заметить, с какой частотой в литературно-критических работах Лукача возникает образ революционера-романтика, мятежного бунтаря, который затем все же интегрируется в иерархическую структуру отвергаемого им прежде общества и находит там для себя весьма комфортную нишу. Разумеется, юношеские мечты и бунтарство героев романов вызывают симпатию критика, а принудительная сила классового общества, вынуждающая таких героев примиряться с действительностью, оценивается отрицательно. Аналогичную эволюцию жизненного пути – от бунтаря-романтика к реалисту-диалектику – он видит и у самого Гегеля. «Именно потому, что Гегель отвернулся от революционных идеалов своей молодости, его творчество стало вершиной немецкого идеализма: он понял необходимость исторического развития и методологию его постижения так глубоко и верно, как это вообще было возможно в рамках идеализма. Однако воззрения его раз-

вивались, научная зрелость была достигнута лишь ценой отказа от целей демократической революции, во всем этом трагически отражалась экономическая и социальная отсталость Германии... И если мы проследим дальнейшее развитие его взглядов вплоть до той грандиозной формы, в которой идеалистическая диалектика предстает как единый метод, то необходимо постоянно иметь в виду эту двойственность немецкого развития, которая делала и Гегеля “то колоссально великим, то мелким”» [Лукач 1987, 113–114]. Все это характеризует не только романтического героя-бунтаря, не только Гегеля, но и эволюцию самого Г. Лукача.

Оправдание сталинизма Г. Лукачем в 1930-е гг.

Эта аналогия находит свое недвусмысленное подтверждение и в написанной в 1935 г. статье «Гиперион Гельдерлина». Здесь мы обнаруживаем характеристику отношения Гегеля к эпохе Термидора: «Гегель строит свою философию, исходя из завершения революционного периода буржуазного развития. Гельдерлин не вступает в компромисс с буржуазным обществом, он остается верен старому демократическому идеалу греческого полиса и терпит крушение, сталкиваясь с действительностью, которая изгоняла подобные идеалы даже из мира поэзии и философии. И тем не менее философское примирение Гегеля с действительным развитием общества сделало возможным дальнейшее развитие философии в сторону материалистической диалектики (созданной Марксом в борьбе с идеализмом Гегеля). Наоборот, непримиримость Гельдерлина привела его в трагический тупик: неведомый и неоплаканный, пал он, защищаясь от мутной волны термидорианства, как поэтический Леонид, верный античным идеалам якобинского периода. Гегель отошел от республиканских взглядов своей юности и пришел к восхищению перед Наполеоном, а затем к философскому прославлению прусской конституционной монархии. Это развитие великого немецкого философа – общеизвестный факт. Но, с другой стороны, вернувшись из царства античных иллюзий в мир действительный, Гегель сделал глубокие философские открытия; он разгадал диалектику буржуазного общества» [Лукач 1939, 42].

Очевидно, что эти ремарки имеют отношение не только к истории Франции и Германии первой половины XIX в., но и к СССР 1935 г. Эта очевидность станет еще более несомненной, если учитывать тот факт, что в 1935 г. Л.Д. Троцкий опубликовал статью,

в которой впервые использовал термин «термидор» для характеристики исторической эволюции СССР [Троцкий 1935, 2–13]. Очевидно, что приведенный выше отрывок может рассматриваться как ответ Лукача Троцкому, который персонифицируется с упрямым Леонидом, отклонившим термидор и оказавшимся в политическом тупике. Лукач же, как и Гегель в свое время, понимает, что революционный период развития закончен, и строит свою философию, отталкиваясь от осознания этой новой ситуации во всемирно-историческом развитии [Баженов 2018; Макаренко 2012]. В то же время, выступая в качестве критика Троцкого, Лукач неявным образом принимает его характеристику режима Сталина как эпохи термидора [Павлов 2019].

Статья Г. Лукача «Гиперион Гельдерлина» представляет собой одну из самых тонких и изощренных попыток оправдать сталинизм как необходимую, хотя и «прозаическую», но все же «прогрессивную» фазу революционного развития пролетариата, если это развитие рассматривать как единое целое [Лукоянов, Шерихова 2018]. Есть определенное «рациональное зерно» в аргументации такого рода, и вполне вероятно, что такая аргументация имела воздействие на многих интеллектуалов и революционеров, которые верой и правдой служили сталинскому режиму. Но события последующих лет – Большой террор, московские процессы, договор с Германией и т.д. – должны были продемонстрировать не только Лукачу, что революционный процесс свое единство утратил. Если сталинизм был эпохой термидора, то Г. Лукач не мог не понимать, что такой термидор нанес пролетарской революции гораздо больше вреда, чем французский термидор буржуазной революции. Тем более, что одной из ключевых идей «Истории и классового сознания» (и от этой идеи Лукач никогда не отказывался) было утверждение, что, в отличие от буржуазной революции, революция социалистическая является не стихийным процессом, осуществляемым «вслепую» (словно «встречный бой в темноте»), а сознательным преобразованием общества самим пролетариатом. Об этом же в упомянутой выше статье писал и Л.Д. Троцкий: «В отличие от капитализма социализм строится не автоматически, а сознательно. Продвижение к социализму неотделимо от государственной власти, которая хочет социализма или вынуждена его хотеть» [Троцкий 1935, 11].

Очевидно, что Лукач был совершенно не согласен с катастрофической стратегией сталинизма, и это несогласие начало вызревать

у него еще задолго до апологетики «Гипериона Гельдерлина». «Сталин в высшей степени роковым образом умножил эту теоретическую неуверенность, назвав в 1928 году социал-демократов “близнецами” фашистов. Этим была захлопнута дверь перед любым единым фронтом левых сил. Хотя в центральном для Советской России вопросе я стоял на стороне Сталина, я считал глубоко отталкивающей эту его позицию» [Лукач 2003, 88]. То обстоятельство, что в 30-е гг. интересы Г. Лукача концентрируются на проблемах эстетики и литературоведения, также можно объяснить, хотя бы частично, внутренним отторжением от политической теории и практики сталинизма. Но этот «эстетический» период творческой эволюции Лукача отличается одной особенностью: с неизбежными мерами предосторожности он последовательно защищает буржуазное культурное наследие и весьма подозрительно относится к творчеству «пролетарских» писателей [Полтавцева 2011]. Нагляднее всего эта особенность проявляется в его отношении к Томасу Манну и Бертольду Брехту. Томас Манн олицетворяет рационализм, аристократичность, респектабельность буржуазной традиции и последовательную оппозицию нацизму [Куциас 2017]. Тот факт, что Лукач видит в Т. Манне своего союзника, можно рассматривать как эстетический эквивалент политических коалиций коммунистического движения с буржуазно-демократическими партиями, коалиций, нацеленных на борьбу с фашизмом. В то же самое время Брехт прямо отвергается в силу его чрезвычайной непочтительности к фигуре среднего буржуа, а также в силу нарушения им эстетических традиций и симпатий к модернистским экспериментам в искусстве [Отан-Матье 2013; Павлов 2019].

Экстраполяция эстетической позиции Лукача позволяет реконструировать и его возможную политическую позицию. Репутация «внутреннего оппонента» сталинизму была, как видно, во многих отношениях оправданной. «Чистый» сталинизм предполагал некритическое и даже иррациональное согласие со всеми колебаниями генеральной линии, со всеми эксцессами международной и внутренней политики. Лукач не мог автоматически следовать за генеральной линией, его позиция иногда с ней совпадала, иногда нет. Разделяя общую цель построения социализма в одной стране, Лукач, если бы действительность предоставила ему такую возможность, скорее бы следовал принципам стратегии и тактики гипотетического народного фронта, объединявшего

коммунистические, социал-демократические и буржуазно-демократические партии. Положение Лукача в идеологическом истеблишменте СССР закономерно менялось: он был востребован, когда на первый план выходила борьба с нацизмом, и закономерно оказывался в оппозиции сталинизму, когда вместо нацизма главным врагом становились буржуазно-демократические (и социал-демократические) режимы, обвинявшиеся в подстрекательстве к войне.

Критика сталинизма в 1950-е гг.

После 1956 г. Лукач начинает сводить «старые счета» со сталинизмом, в том числе и со своим собственным. Он с энтузиазмом приветствовал решения XX съезда КПСС, «...воспринял XX съезд как начало коренного политического обновления и морального очищения мирового коммунистического движения, решительного разрыва с компрометирующими марксизм и идею социализма сталинскими методами» [Стыкалин 2001, 152]. Тем не менее критика Лукачем сталинизма в этот период является в основных своих аспектах незавершенной. Лукач отказывается обсуждать некоторые существенные элементы политики сталинизма, например, теорию и практику построения социализма в одной стране. Он осуждает политические процессы второй половины 30-х гг., но это осуждение сводится к тому, что он называет их политически излишними, т.к. представшие перед судом оппозиционеры были уже тем или иным образом лишены властных полномочий и поэтому не представляли политической опасности. Вместе с тем политическая составляющая Большого террора была в сравнении с общими масштабами массовых репрессий незначительной, т.к. было бы очевидной ошибкой представление, что население ГУЛАГа формировалось из оппозиционеров, а не из простых обывателей, не имевших никакого отношения к внутрипартийной борьбе. Иными словами, именно массовый характер репрессий оказывается вне поля зрения Лукача.

Кроме того, есть основания назвать критику Лукачем сталинизма критикой «справа». В это время он рассматривает сам феномен сталинизма как сочетание экономического субъективизма и революционного романтизма. Иными словами, сталинизм для него – это «левое» отклонение, «левое» сектантство, и поэтому с некоторой долей условности критика Лукача является критикой «справа». Главной ошибкой партии Лукач считает перенос ситуации 1917 г. на более поздний период, когда всемирно-историческая

ситуация значительно изменилась, когда главной стратегической задачей стала не борьба за победу социализма, а силовое противостояние фашизма и антифашизма. Поэтому главные ошибки были совершены в период конца 20-х – начала 30-х гг., тогда как последующие события были лишь повторением этих ошибок. Это правило распространяется не только на международную, но и на внутреннюю политику сталинизма, т.к. методы управления периода гражданской войны были перенесены на мирную повседневную жизнь 20–30-х гг. Такая оценка заметно расходилась с преобладающим в коммунистическом движении представлением, что именно ленинский период советской истории (1917–1920) был самым демократическим и плюралистическим периодом, тогда как сталинизм последовательно, шаг за шагом уничтожал «ленинские нормы» внутрипартийной жизни.

Лукач полностью поддерживает политику нового партийного руководства во главе с Н.С. Хрущевым как в ее внутреннем аспекте частичной критики сталинизма, так и в ее внешнем аспекте курса на мирное сосуществование двух систем. Экономический аспект мирного сосуществования двух систем, экономическая конкуренция «...становится одновременно единственным и монументальным произведением пропаганды; всякий успех укрепляет систему и во внешнем отношении означает повышение ее притягательной силы. Эта конкуренция определяет, в конечном счете, кто победит в этой международной классовой борьбе-сосуществовании» [Лукач 1989b, 111].

В то же время в той мере, в какой официальная критика сталинизма не выходила за границы критики «культ личности», позиция Лукача предполагала необходимость более глубокого анализа причин сталинистских деформаций социализма. Лукач указывает, что теория «культ личности» сводит сложную и противоречивую проблематику длительного периода в мировом коммунистическом движении и во всемирной истории в целом к качественным особенностям личности отдельного индивида. Лукач утверждал, что от этих индивидуальных особенностей анализ должен переходить к тому механизму, который вначале продуцировал «культ личности», а затем его постоянно воспроизводил и распространял. Без такого механизма «культ личности» неизбежно остался бы только субъективной аномалией. Тем не менее сталинизм для него оставался разновидностью левого сектантства, оказавшегося неспособным перейти от реалий гражданской войны к мирному социалистическому строительству. Корни этой неспособности являются у Лукача, скорее, гносеологическими, чем социальными. «Методологическая тенденция Сталина состоит в повсеместном исключении совокупности опосредствований и установлении

непосредственной связи между единичными фактами и наиболее общими теоретическими представлениями... Сталин... исключал все опосредствования и устанавливал непосредственную связь между теорией и практикой... Не теория конкретизировалась применительно к практике, а, наоборот, принципы упрощались, вульгаризировались согласно потребностям практики, нередко просто предполагаемым» [Лукач 1939а, 102].

Заключение

Остается, однако, неясным, является ли такое уничтожение диалектических связей между теорией и практикой, исключение опосредствований следствием субъективной неразвитости самого Сталина и его единомышленников (учивших диалектику «не по Гегелю») или же закономерным результатом действия глобального социального механизма, предполагавшего неизбежное формирование политической элиты из числа выходцев из социальных низов, имевших богатый революционный опыт, но скудный багаж знаний о мире и человеке. В любом случае критика сталинизма имела у Лукача диалектический характер в том смысле, что ее методологические основания позволяли избегать односторонних оценок.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арсланов 2007 – *Арсланов В.Г.* Постмодернизм и русский «третий путь»: tertium datur российской культуры XX века. – М.: Культурная революция, 2007.

Баженов 2018 – *Баженов Д.А.* Д.Лукач и его теория реификации: философский большевизм с Запада // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV международного симпозиум / под ред. А.В. Дахина. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. С. 21–33.

Земляной 2017 – *Земляной С.Н.* Георг Лукач и западный марксизм. – М.: Канон+, 2017.

Кулишкина, Полубояринова 2018 – *Кулишкина О.Н., Полубояринова Л.Н.* Теодор Адорно и Георг Лукач о реализме и декадансе // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 4 (20).

Куциас 2017 – *Куциас Т.* Георг Лукач и премия Гете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 4. С. 400–413.

Лагурев 2018 – *Лагурев А.С.* Д. Лукач: история жизни в пространстве онтологии // *Studia Culturae*. 2018. № 37. С. 175–183.

Лифшиц 2004 – *Лифшиц М.А.* Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004.

Лукач 1939 – *Лукач Г.* Гиперион Гельдерлина // *Лукач Г.* К истории реализма. – М.: Гослитиздат, 1939. С. 39–57.

Лукач 1987 – *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М.: Наука, 1987.

Лукач 1989a – Лукач Д. Письмо Альберто Кароччи // Философские науки. 1989. № 6. С. 102–104.

Лукач 1989b – Лукач Д. По поводу дебатов между Китаем и Советским Союзом // Философские науки. 1989. № 6. С. 105–111.

Лукач 2003 – Лукач Г. Предисловие (1967) // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. С. 70–97.

Лукач 2006 – Лукач Д. Моисей Гесс и проблемы идеалистической диалектики // Лукач Д. Политические тексты. – М.: Три квадрата, 2006. С. 222–263.

Лукоянов, Шерихова 2018 – Лукоянов В., Шерихова Е. Лукач и Беньямин: две версии исторического материализма // Логос. 2018. Т. 28. № 1 (122). С. 143–155.

Макаренко 2012 – Макаренко В.П. Рафинированный догматик // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2012. № 1. С. 126–159.

Отан-Матье 2013 – Отан-Матье М.К. Восприятие Брехта в СССР // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. С. 16–17.

Павлов 2019 – Павлов П.В. Эстетика и трагедия революции: взгляды Георга Лукача в «московский период» 1930-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 86–94.

Полтавцева 2011 – Полтавцева Н. Платонов и Лукач (Из истории советского искусства 1930-х годов) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 253–270.

Поцелуев 2018 – Поцелуев С.П. Вспоминая Лукача // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 1. С. 57–69.

Стыкалин 2001 – Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. – М.: Издатель Степаненко, 2001.

Стыкалин 2018 – Стыкалин А.С. Кому опасен Дьердь Лукач? // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 181–193.

Троцкий 1935 – Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм (историко-теоретическая справка) // Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 2–13.

Хренов 2017 – Хренов Н.А. Парадоксы забвения и возрождения идей в гуманитарной науке (Бахтин и Лукач) // Культура культуры. 2017. № 1 (13) – 2 (14). С. 10–11.

REFERENCES

Arslanov V. (2007) *Postmodernism and Russian Third Way: Tertium Datur of 20th-century Russian culture*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (in Russian).

Autant-Mathieu M.-C. (2013) Reception of Brecht in the USSR. *New Russian Humanitarian Studies*. 2013. No. 8, pp. 16–17 (in Russian).

Bazhenov D. (2018) Lukács and His Theory of Reification: Philosophical Bolshevism from West. In: *Dialogue of World-Views: Life Way of Man, Society, State. Proceedings of 14th International Symposium* (pp. 21–33). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management of RANEPa (in Russian).

Khrenov N.A. (2017) Paradoxes of Oblivion and Revival of Ideas in Humanities (Bakhtin and Lukács). *Kul'tura kultury*. 2017. No. 1–2, pp. 10–11 (in Russian).

Kulischkina O.N. & Poluboyarinova L.N. (2018) Theodor Adorno and George Lukács about Realism and Decadence. *Alleya nauki*. Vol. 5, no. 4 (in Russian).

Kuzias T. (2017) Georg Lukács and the Goethe Prize. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 33, no. 4, pp. 400–413 (Russian translation).

Lagurev A.S. (2018) Lukács: History of Life in the Space of Ontology. *Studia Culturae*. 2018. Vol. 37, pp. 175–183 (in Russian).

Lifshitz M.A. (2004) *What is Classics?* Moscow: Iskustvo – XXI vek (in Russian).

Lukács G. (1939) Hölderlin's Hyperion. In: Lukács G. *On the History of Realism* (pp. 39–57). Moscow: Goslitizdat (Russian translation).

Lukács G. (1987) *Young Hegel and Problems of Capitalist Society*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Lukács G. (1989a) The Letter to Alberto Carocci. *Filosofskie nauki*. 1989. No. 6, pp. 102–104 (Russian translation).

Lukács G. (1989b) On Debates between China and Soviet Union. *Filosofskie nauki*. 1989. No. 6, pp. 105–111 (Russian translation).

Lukács G. (2003) *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Moscow: Logos-Altera (Russian translation).

Lukács G. (2006) Moses Hess and the Problems of Idealist Dialectics. In: Lukács G. *Political Texts* (pp. 222–263). Moscow: Tri kvadrata (Russian translation).

Lukoyanov V. & Sherikhova E. (2018) Lukács and Benjamin: Two Versions of Historical Materialism. *Logos*. Vol. 28, no. 1, pp. 143–155 (in Russian).

Makarenko V.P. (2012) Refined Dogmatist. *Political Conceptology: Journal of Interdisciplinary Research*. 2012. No. 1, pp. 126–159 (in Russian).

Pavlov P.V. (2019) Aesthetics and Tragedy of Revolution: Views of Georg Lukács in Moscow Period of the 1930s. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art*. 2019. No. 1, pp. 86–94 (in Russian).

Poltavtseva N. (2011) Platonov and Lukács (From the History of Soviet Art of the 1930s). *Novoye literaturnoye obozrenie*. 2011. No. 1, pp. 253–270 (in Russian).

Potseluev S.P. (2018) Rememebering Lukács. *Political Conceptology: Journal of Interdisciplinary Research*. 2018. No. 1, pp. 57–69 (in Russian).

Stykalin A.S. (2001) *Georg Lukács as a Thinker and Politician*. Moscow: Stepanenko Publisher (in Russian)

Stykalin A.S. (2018) Whom Lukács Is Dangerous to? *Istoricheskaya ekspertiza*. 2018. No. 3, pp. 181–193 (in Russian).

Trotsky L. (1935) The Workers' State, Thermidor and Bonapartism. *Byulleten' oppozitsii*. Issue 41, pp. 2–13 (in Russian).

Zemlyanoy S.N. (2017) *George Lukács and Western Marxism*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Философия права

История и основы критики правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Р. Дворкина

С.В. Коваль

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье изучается англо-американская философия права XX века, а именно философия права Рональда Майлса Дворкина и его критика правового позитивизма Герберта Лайонела Адольфуса Харта. Автор статьи излагает историю критики правового позитивизма в философии права Дворкина и разделяет ее на этапы, что важно для общего представления о структуре и хронологии дебатов. Предметом исследования является именно критика правового позитивизма, а не общепринятый в западной философии права феномен дебатов между Хартом и Дворкиным, т.к. по сути дискуссия велась между Дворкиным и сторонниками Харта, последний ответил на критику лишь спустя двадцать семь лет. В статье объясняется, почему Дворкин выбрал объектом критики теорию правового позитивизма в изложении Харта. Связанно это с тем, что Дворкин высоко оценивал позитивистскую теорию права Харта и характеризовал ее как наиболее ясную. В статье представлена методологическая основа критики правового позитивизма Харта в философии права Дворкина. Выявляется методологическое расхождение между двумя правовыми теориями, на прямую влияющее на понимание философами концепта права и его содержания. Это дает основание утверждать, что правовые теории Харта и Дворкина – две конкурирующие модели права: рассматривающая право как совокупность норм и принципов модель Дворкина и признающая в качестве права лишь законы и решения суда модель Харта. В статье также представлены критикуемые Дворкиным ключевые принципы позитивизма, которые, во-первых, рассматривают право как совокупность правовых норм, определяемых через особый правовой критерий, во-вторых, предусматривают возможность вынесения судьей решения «по своему усмотрению» в ситуации, не урегулированной правом, и, в-третьих, признают лишь юридические права и обязанности, закрепленные в правовых нормах. Важно отме-

титель, что автор статьи обращается к критике как к самостоятельному феномену философии права и уделяет особое внимание ее истории и основам.

Ключевые слова: философия права, правовой позитивизм, Рональд Дворкин, Герберт Харт, критика правового позитивизма, норма признания.

Коваль Софья Викторовна – аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

sofi_kov@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-5914-4100>

Для цитирования: Коваль С.В. (2019) История и основы критики правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 124–142.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142

The History and Foundations of Criticism of H.L.A. Hart's Legal Positivism in R. Dworkin's Philosophy of Law

S.V. Koval

National Research University Higher School of Economics

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142

Original research paper

Abstract

The paper discusses the Anglo-American philosophy of law of the 20th century, more specifically the philosophy of law of Ronald Myles Dworkin and his criticism of the legal positivism of Herbert Lionel Adolphus Hart. The author presents the history of the criticism of legal positivism in Ronald Dworkin's philosophy of law and distinguishes historical stages. The subject of the study is the critique of legal positivism but not the Hart-Dworkin debate itself, well known in Western philosophy of law. The reason is that the discussion was conducted between Dworkin and Hart's supporters but not between Dworkin and Hart by himself. The latter responded to the criticism only after twenty seven years. The article explains why Dworkin chose for his criticism Herbert Hart's version of legal positivism. This is due to the fact that Dworkin highly appreciated Hart's positivist theory of law and characterized it as the "most clear." The article presents the methodological foundations of criticism of Hart's legal positivism in Dworkin's philosophy of law. It reveals a methodological divergence between the two

legal theories, which directly affects the understanding of the concept of law and its content. Therefore, we can assume that the legal theories of Hart and Dworkin are two competing models of law: Dworkin's model considers law as a set of rules and principles and Hart's model acknowledges only rules and court decisions as a source of law. The article also presents the key principles of positivism criticized by Dworkin. These principles, firstly, interpret law as a set of legal rules determined through a special legal criterion, secondly, provide the judge with an opportunity to make a decision "at his own discretion" in a situation not regulated by law, and, thirdly, recognize only legal rights and obligations enshrined in legal regulations. It is important to note that in this article the author describes criticism as an independent phenomenon of legal philosophy with a particular focus on the history and foundations of this phenomenon.

Keywords: philosophy of law, legal philosophy, legal positivism, Ronald Dworkin, Herbert Hart, criticism of legal positivism, rule of recognition.

Sofya V. Koval – postgraduate student at School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.
sofi_kov@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-5914-4100>

For citation: Koval S.V. (2019) The History and Foundations of Criticism of H.L.A. Hart's Legal Positivism in R. Dworkin's Philosophy of Law. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 124–142. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-124-142

Введение

Вопрос о соотношении права и морали является важнейшим для философии права и уходит корнями глубоко в историю философско-правовой мысли. Возникший в послевоенное время и основанный на негативном опыте нацистской правовой системы кризис правового позитивизма привел к актуализации в западной литературе в 1960 гг. дискуссии между сторонниками школы естественного права и представителями так называемой «доминирующей» школы правовых позитивистов. Предметом дискуссии стало содержание понятия права, его соотношение с моралью, а также связь этих философско-правовых вопросов с юридической практикой.

В ходе данной дискуссии правовой позитивист Герберт Харт публикует в 1961 г. свой основной труд «Понятие права» [Hart 1961], ставший ответом на критику сторонника теории естественного права Лона Фуллера, анализом командной теории права класси-

ка правового позитивизма Джона Остина, а также изложением собственной версии правового позитивизма. Ознакомившись с трудом Харта, Рональд Дворкин – философ, правовед и основатель интерпретативной теории права – публикует в 1967 г. критическую статью «Модель норм» [Dworkin 1967], положившую начало новой длительной дискуссии, которой посвящена данная статья.

Теория, разработанная Хартом, в этой статье обозначена как «правовой позитивизм». В то же время Дворкин, называя теорию Харта правовым позитивизмом, отмечает, что допускает некоторую историческую неточность [Дворкин 2004, 38], т.к. англо-американская аналитическая философия права традиционно под данным термином подразумевает классический позитивизм в лице Иеремии Бентама, Джона Остина и реже Томаса Гоббса [Marmor 2006]. Некоторые также причисляют к классикам этого направления Ганса Кельзена [Gardner 2001], но при этом многие исследователи относят к нему лишь Бентама и Остина, считая именно их «отцами» позитивизма [Schauer 2015; Sebok 1998; Wacks 2006; Дидикин 2016]. Теория Харта, однако, выходит за пределы правового позитивизма в его классическом виде. Фуллер, к примеру, отмечал, что школа аналитического позитивизма во главе с Хартом является «менее позитивистской» в сравнении с ее предшественниками [Фуллер 2016, 226], а некоторые исследователи определяли теорию права Харта как «неопозитивизм» [Postema 2012, 1]. Внутреннее теоретическое разногласие позитивистов может говорить в пользу того, что термин «правовой позитивизм» необходимо скорректировать, т.к. развитие бурной дискуссии вокруг теории права Харта и позитивизма привело к появлению двух течений в рамках одной правовой школы: «мягкого» («включающего») и «жесткого» («исключающего») позитивизма. Во втором издании книги «Понятие права» [Hart 1994, 250] Харт указывает, что его позитивизм является «мягким», т.е. в отличие от «жесткого позитивизма» допускающим связь морали и права.

Стоит отметить, что древний спор о соотношении права и морали занимает особое место в различных традициях философии права. В центр дискуссии традиционно ставятся вопросы об отличиях права и морали, их взаимосвязи и влиянии друг на друга, а также возможности морали оказывать воздействие на нормативную силу права. Новый виток спора характерен и для англо-американской философии, поэтому статья обращается к нему именно в рамках аналитической традиции, где он снова

был актуализирован. Тем не менее, несмотря на неточность использования термина и внутреннее разделение позитивистов, в подавляющем большинстве научных работ Харт маркируется как яркий представитель именно «правового позитивизма». В данной статье будет использован общепринятый в западной и отечественной литературе [Дворкин 2004; Дидикин 2016; Leiter 2003; Raz 1972; Sebok 1998; Shapiro 2007] обобщающий термин «правовой позитивизм» или просто «позитивизм».

История критики и феномен «дебатов между Хартом и Дворкиным»

Хронологический подход, используемый автором, может помочь уяснить порядок развития дискуссии между Дворкиным и правовыми позитивистами. Исследователь критики Дворкина Скотт Шапиро подтверждает обоснованность данного метода, указывая, что дискуссию следует рассматривать как «эволюционирующую сущность» [Shapiro 2007, 24]. Началом для широкого обсуждения «Понятия права» [Харт 2007] послужила публикация статьи «Модель норм» [Dworkin 1967], вслед за которой были опубликованы статьи с ответной критикой позитивистов [Raz 1972; Carrio 1971; Christie 1968; Sartorius 1971; MacCallum 1963]. В качестве основного критика Дворкина выступил позитивист Джозеф Раз, отмечавший, что в аргументах Дворкина нет ничего, что обосновало бы отказ от попытки установить пределы права [Raz 1972, 824], и, более того, его философия права с небольшими поправками вполне вписывается в теорию Харта.

Еще один критик Дворкина – Рольф Сарториус [Sartorius 1971, 151–169] – доказывал, что подход Дворкина можно использовать против него же самого на основе разработанной Дворкиным концепции институционального подтверждения. Данную концепцию, по мнению Сарториуса, допустимо применять в качестве фундаментального критерия права, существование которого Дворкин категорически отрицал. Полемика продолжалась десятилетия и в итоге стала предметом для научных исследований в качестве самостоятельного философско-правового феномена, известного как «дебаты между Хартом и Дворкиным» (Hart-Dworkin debate).

Спустя пять лет после публикации первой критической статьи [Dworkin 1967] Дворкин проанализировал все ответы критиков и опубликовал работу «Социальные нормы и теория права» [Dworkin 1972]. Предметом данной статьи стал ответ позитиви-

стам на их критику «Модели норм». Также Дворкин уточнил в ней свои взгляды на теорию Харта. Следующая статья «Сложные судебные дела» [Dworkin 1975] качественно отличается от первых двух работ Дворкина. Критика правового позитивизма является не основным содержанием этого текста, но скорее теоретической основой. Тем не менее изложенная в данной работе более самостоятельная и разработанная философия права Дворкина развивает критический инструментарий, используемый в первых статьях, и, таким образом, полноправно входит в предмет статьи. Эти три работы, в дальнейшем вошедшие в сборник «О правах всерьез» [Дворкин 2004], можно отнести к первому этапу критики.

Основные вопросы, ставшие предметом критики первого этапа, основываются на концепции Дворкина о принципах, которые, по его мнению, Харт выводит за рамки права. Дворкин не согласен с позитивистами, связывающими наличие или отсутствие прав с их формальным закреплением, и предлагает свой тезис о том, что права выводятся из принципов. Также Дворкин затрагивает вопросы разграничения принципов и норм, осуществляет критику фундаментального критерия права или «нормы признания» Харта. По мнению Дворкина теория правового позитивизма не может доказать наличие нормы признания, согласно которой устанавливается область права, т.к. эта норма не может объяснить наличие принципов. Критикует Дворкин и концепцию Харта, согласно которой суд выносит решение, основанное на судебском усмотрении. Этой концепции Дворкин противопоставляет собственный подход, согласно которому правильный ответ всегда можно обнаружить в праве.

Критика позитивизма содержится и в последующих работах Дворкина: публикуется книга «Значение принципа» [Dworkin 1986a], а затем «Империя права» [Dworkin 1986b]. Как указывают некоторые исследователи [Shapiro 2007; Stavropoulos 2017], наиболее фундаментальная и опасная для правового позитивизма критика разворачивается именно в «Империи права», где, по словам Дворкина, происходит смена метода с феноменологии вынесения судебного решения на «более интерпретативный» [Dworkin 1986b, viii]. Дискуссия не угасала в течение многих лет, появлялось все больше работ, посвященных дебатам Дворкина со сторонниками правового позитивизма и Харта. На протяжении почти трех десятилетий Харт был отстранен от оживленной дискуссии, и лишь в посмертно опубликованном в главе «Постскрипtum» второго издания

«Понятие права» [Hart 1994] он высказался по поводу критики Дворкина. О «Постскриптуме» в дальнейшем было написано множество работ не только сторонниками, но и противниками позитивизма, пытавшимися оценить поздние взгляды Харта на критику его работ и на позитивизм в целом [Coleman, 2001; Moore 1998]. В стороне не остался и Рональд Дворкин, к которому был обращен «Постскриптум». В 1994 г. он выступил с ответным докладом на коллоквиуме политической, социальной философии и философии права Университета Нью-Йорка. Текст данного доклада долгие годы переходил из рук в руки и был опубликован лишь в 2017 г. [Dworkin 2017]. «Империю права», «Постскриптум» и статьи 2017 г. мы предлагаем отнести ко второму этапу критики.

Для данного этапа характерно, что Дворкин под иным углом смотрит на предметное поле дискуссии и идентифицирует правовой позитивизм как лингвистический подход, использующий критерии истинности и ложности правовых высказываний и с помощью этого определяющий понятие права. Правовой позитивизм второго этапа представлен в виде семантической теории простого факта, рассматривающей право как совокупность зафиксированных норм. Дворкин критикует правовой позитивизм за то, что он не предусматривает теоретических разногласий в основах права и не в состоянии адекватно описать правовую реальность. Поэтому Дворкин пересматривает семантический правовой позитивизм и конвертирует его в интерпретативную теорию анализа правовой практики, которую он называет конвенционализмом. Впервые прокомментировав критику Дворкина, Харт в ответ отметил, что его теория не имеет ничего общего ни с изложенной в «Империи права» семантической версией позитивизма, ни с ее интерпретативной версией. Дворкин впоследствии не отказался от своего видения и продолжил настаивать на семантической природе правовой теории Харта.

Необходимо пояснить, почему статья посвящена именно «критике», а не «дебатам»: в традиции западной философско-правовой литературы «дебаты между Хартом и Дворкиным» приобрели статус устойчивого выражения, однако для подобной терминологии требуется постоянное прояснение его сути. Если обобщить весь накопленный материал, связанный с дебатами, то можно сделать вывод, что участие Харта в дискуссии с Дворкиным ограничивается «Постскриптумом» и упоминанием Дворкина в нескольких статьях [Hart 1982; Hart 1983a; Hart 1983b], а основ-

ная масса публикаций, направленных в ответ Дворкину, была издана либо сторонниками Дворкина, либо его антагонистами. Таким образом, Харт не является активным участником дискуссии, что подтверждается исследователями критики Дворкина [Leiter 2003; Shapiro 2007; Stavropoulos 2017].

Важным является определение границ публикаций, которые стоит относить к дискуссии. Отбор статей может влиять на определение победителя спора о содержании понятия права и соотношении права с моралью. Лайтер определяет объем критических публикаций, куда входит первая статья Дворкина «Модель норм» и последующие ответные критические статьи позитивистов. На основе этих работ Лайтер приходит к выводу, что Дворкин проиграл в дебатах. Шапиро согласен с Лайтером в том, что если определить круг дискуссии так, то правовые позитивисты и правда победили, но, на его взгляд, подобным образом Лайтер ограничивает дискуссию. Шапиро предлагает считать, что критика позитивизма шире, чем «Модель норм», т.к. она получила продолжение.

Нам подход Шапиро кажется наиболее приемлемым для анализа критики Дворкина и репрезентации его основных идей, поскольку первая статья Дворкина «Модель норм» является недостаточным ресурсом для критики правового позитивизма хотя бы в силу неполной развернутости многих обозначенных в ней идей. Стоит отметить, что критика Лайтером Дворкина за спекуляции и подмену критикуемых им теорий небезосновательна: все же Дворкин давал относительно грубую трактовку идей Харта. Такая трактовка может быть связана с неясностью определенных аспектов в работе Харта. Примером является уверенность Дворкина в том, что Харт не включал в область права принципы. В «Постскриптуме» Харт высказывается по этому поводу так: «Большое спасибо Дворкину за то, что он показал и проиллюстрировал их [принципов] важность и их роль в правовых рассуждениях. Конечно, было серьезной ошибкой с моей стороны не подчеркнуть их безусловную силу» [Hart 1994, 263].

Подобные «ловушки» дискуссий и критики отмечал и Лон Фуллер. Такими «ловушками» он называет неверную или неполную интерпретацию идей как со стороны автора, так и со стороны критиков. В работе «Мораль права» [Фуллер 2016] Фуллер пытается аккуратно подойти к ответу своим критикам, подчеркивая тем самым, что автор может оказать себе дурную услугу, неверно

интерпретировав мнение оппонента. Дворкин в отношении теории права Харта, как и сам Харт в отношении командной модели Остина, довольно смело интерпретирует, а местами и достраивает критикуемые положения философии права. Используя подобный метод, Дворкин не раз был подвергнут критике за вольную интерпретацию и неверное понимание правового позитивизма Харта. Это относится, во-первых, к уже упомянутой позиции Дворкина, согласно которой Харт не вводит в область права принципы, и, во-вторых, к критике теории социальных норм Харта, когда Дворкин при анализе дескриптивного метода внешнего наблюдателя игнорирует разработанный Хартом «внутренний аспект» норм.

При упоминании Фуллера нам важно напомнить, что «дебатам между Хартом и Дворкиным» предшествовала классическая дискуссия между правовым позитивизмом (Харт) и теорией естественного права (Фуллер). В какой-то степени книга «Понятие права» является продуктом данной дискуссии и отмечается Фуллером как «третий раунд» [Фуллер 2016, 224] их спора. «Дебаты между Фуллером и Хартом» дают пищу для размышления над содержанием исследуемой критики: она может рассматриваться в узком смысле как столкновение эксплицитных теорий, либо же в широком смысле как столкновение «отправных точек» или «подразумеваемых посылок» (основ) сторон спора [Фуллер 2016, 225]. Такими отправными точками являются два разных подхода: дескриптивный подход Харта и нормативно-дескриптивный подход Дворкина, редуцируемый к допуску оценочных суждений в общую теорию права. Столкновением же эксплицитных теорий является критика Дворкиным основ правового позитивизма Харта через свои теории.

Особенность критики Дворкиным правового позитивизма Харта заключается в том, что он исходит из собственных представлений о необходимых качествах общей теории права. Следовательно, Дворкин отталкивается от определенной целостной модели права. Однако важно помнить, что критика Дворкина – это не объединенная в завершенную концепцию единая исследовательская работа: ее скорее можно охарактеризовать как дробную концепцию, содержащую в себе анализ разных граней правового позитивизма с использованием разных инструментов. Мы делаем вывод, что критика Дворкина характеризуется общим идейным единством. Однако, ее можно назвать также и дробной, во-первых, в силу временного фактора (Дворкин в течение десятилетий кри-

тиковал правовой позитивизм), во-вторых, инструментального фактора (Дворкин вводит новые концепции, видоизменяя старые) и, в-третьих, методологического фактора (смены используемого метода).

Основы критики правового позитивизма в философии права Рональда Дворкина

Теперь нам следует рассмотреть, каковы основы критики и каким Дворкин видит правовой позитивизм. Вспоминая, что Шапиро назвал критику Дворкина «эволюционирующей сущностью» [Shapiro 2007, 24], мы постараемся выделить канву представлений, состоящую из общей характеристики отправных точек и эксплицитных теорий.

Начнем с анализа отправных точек. Следует обратить внимание, что Дворкин описывает «господствующую теорию» как совокупность ее нормативной и концептуальной части. При этом он предлагает альтернативную «гибридную» модель права, являющуюся одновременно нормативной и концептуальной. Поскольку правовой позитивизм остается лишь концептуальной теорией, он не включает в себя вопросы, которыми, по мнению Дворкина, должна заниматься нормативная теория, а именно: теорию законодательства, теорию судебного разбирательства и теорию соблюдения закона. Дворкин критикует господствующую теорию за сомнительное разграничение ее концептуальной и нормативной частей, настаивает, что теория права должна быть единством взаимосвязанных элементов. Обогащая и усложняя нормативную часть, Дворкин оставил концептуальной части лишь вопрос о том, что есть право. Предлагая подобную схему, он все же не имеет в виду, что концептуальная часть ограничена только поиском ответа на вопрос о праве и замкнута на самой себе. Он предполагает, что теории и вопросы нормативной части относятся и к концептуальной, т.к. вопрос о содержании права встает и при разрешении споров о легитимности, юрисдикции, а также при решении сложных конституционных проблем. Правовая теория Дворкина представляется нам как однородное нормативно-концептуальное смешение, включающее в себя не только философию языка, метафизику и логику, но и политическую и моральную философию.

По-другому интерпретирует «гибридную теорию» Джон Финнис, указывающий [Финнис 2012, 41], что Дворкин по непонятным

причинам вводит концептуальную часть в свою теорию, хотя она, по сути, является общей нормативной теорией. Стоит отчасти согласиться с Финнисом, т.к. «гибридная теория», изначально довольно неоднозначно сформулированная Дворкиным, хоть и является смешанной, но все же – больше нормативной, чем концептуальной. Дворкин, бесспорно, стремится ответить на вопрос о сущности права и выстраивает собственную модель правовой реальности, но при этом часто обращается к нормативной части своей теории для построения феноменологии вынесения судебного решения.

Позитивизм в глазах Дворкина – это ограниченная концептуальным вопросом теория, занимающаяся поиском условий истинности суждений права. Эта презентация Дворкиным теорий права основывается на разграничении права и морали: позитивисты ставят своей целью построить очищенную от ценностных суждений морали теорию права, а Дворкин, напротив, указывает, что не все споры в судах касаются только правовых аспектов, а без моральной и политической философии сама теория права не является полной. На этом и строится расхождение Дворкина с правовыми позитивистами, вылившееся в результате в долгий спор, в ходе которого поднимались целые блоки вопросов, приводивших даже к уходу от заданных тем. В ходе критики теории социальных норм Дворкин назвал свой метод «внутренней точкой зрения», когда описывающий правовую реальность актор является ее частью, а метод Харта – «внешней точкой зрения», когда описывающий правовую реальность актор позиционируется в качестве стороннего наблюдателя или «социолога».

Данное расхождение напоминает спор позитивистов со школой естественного права (возрожденного естественного права). Джон Финнис также обращается к критике свободного от оценочных суждений описания и утверждает, что невозможно описать и проанализировать социальные факты, если при этом «теоретик» не строит оценочных суждений, учитывая смысл устоявшихся обычаев, склонностей и порядка [Финнис 2012, 19]. Перспектива участника в теории права Дворкина отмечается и Юргеном Хабермасом [Хабермас 2012, 160], называющим подобное проникновение в суть судопроизводства предварительным герменевтическим взглядом, без которого основы правовой системы остаются неизведанными. Хабермас указывает, что этот вопрос

намного больший, нежели расхождение в методологии – это разные взгляды на само понятие права.

В этом и заключается суть «отправных точек». Во-первых, она состоит в различии используемой методологии, отвечающей на вопрос о том, как описать правовую реальность. Во-вторых, в понимании самого предмета, когда возникает проблема того, что является предметом описания, или того, что есть право. На основании данных расхождений мы считаем, что при анализе критики чрезвычайно важным является методологическое размежевание Дворкина и Харта, непосредственно влияющее на их понимание содержания права. Таким образом, оба философа по-разному смотрят на право и на его содержание, применяя к анализу права различные оптики. То, что Дворкин считает «правом как оно есть», Харт называет «правом, каким оно должно быть», и выводит за рамки своего описательного подхода.

Следующий вопрос, который стоит разъяснить, это почему Дворкин обратился к критике правового позитивизма в версии Харта. Рональд Дворкин присваивает правовому позитивизму статус господствующей теории и, указывая в качестве виновника популярности правового позитивизма философа Джона Остина, ставит перед собой задачу [Дворкин 2004, 32] критически проанализировать правовой позитивизм, но только в том виде, в каком его преподнес Харт в работе «Понятие права». Дворкин ссылается на авторитет Харта в вопросах права, а также на то, что он изложил правовой позитивизм ясно и в наиболее приемлемой форме. Дворкин солидарен с Хартом в том, что теория Остина является слишком простой, и дает короткий комментарий ее содержания [Дворкин 2004, 40]: модель Остина предполагает постоянное наличие в политическом обществе суверена, ставшего источником приказов (команд). Таким образом, правовая система Остина – это система приказов, являющихся правовыми нормами. Сам суверен никому не подчинен и обладает силой принуждения при неисполнении приказа. Что касается обоснования существования общего права, то в данном случае суверен передает суду полномочия в сложных ситуациях создавать новые приказы, которые он в дальнейшем может отменить.

Дворкин ценит критику остиновской концепции Хартом и демонстрирует сложность модели Харта по сравнению с концепцией Остина [Дворкин 2004, 41]. Он также указывает на фундаментальность [Dworkin 1986b, 34] хартовского позитивизма и на то, что

выделение критерия права – это «чрезвычайно важный вклад в позитивистскую традицию» [Дворкин 2004, 94]. Дворкин обозначает несколько причин, делающих концепцию Харта столь глубокой и проработанной по сравнению с остиновской.

Первая причина состоит в том, что Харт, в отличие от Остина, различает два вида норм: «первичные» (предоставляют права, налагают обязанности; сюда относятся, например, нормы уголовного и административного права) и «вторичные» (устанавливают порядок создания, признания, изменения и отмены первичных норм; например, нормы, устанавливающие процедуру формирования представительного органа, нормы, которые порождают, изменяют и отменяют гражданско-правовые отношения).

Второй причиной является отказ Харта от остиновской идеи нормы как разновидности приказа (команды). Харт дает более тщательный общий анализ понятия нормы, доказывая, что исполнение норм опирается не на монополию власти суверена и не на страх не исполнить приказ, а на авторитет.

Третья причина основана на выделении Хартом двух источников авторитета, за счет чего раскрывается суть норм. Первый источник предполагает обязательность нормы вследствие практики ее применения. При этом практика – это не какое-то общепринятое поведение или привычка, а установленный стандарт поведения группы людей, которые: 1) следуют этому стандарту или норме; 2) считают ее обязательной; 3) рассматривают в качестве оправдания своего поведения и в качестве критики несоответствующего поведения. Второй источник – это обязательность нормы в результате ее принятия в соответствии со вторичной нормой. Такая обязательная норма является «действительной», т.е. имеющей силу.

Четвертая причина базируется на признании Хартом того факта, что в разных обществах применяются разные правовые критерии, из-за чего в них возможны разные варианты законодательства, а не только приказы суверена в формате нормативных актов законодательного органа.

По вышеуказанным причинам Дворкин находит теорию правового позитивизма Харта более сложной и изощренной и потому берется критиковать именно данный вариант. Для этой цели он выделяет основные постулаты или «ключевые принципы» позитивизма, называемые им «костяк» [Дворкин 2004, 38] (Дворкин прямо указывает, что этот «костяк» относится ко всему правовому

позитивизму, а различие может заключаться лишь в определении сути «критерия происхождения»).

Первый «ключевой принцип» заключается в том, что 1) право – это множество специальных норм, устанавливаемых обществом в целях определения правомерного и неправомерного поведения; 2) существует критерий – вторичная норма (правило) признания [Харт 2007, 99], определяющий, относится ли та или иная специальная норма к праву; 3) этот критерий применяется к происхождению нормы, а не к ее содержанию. Таким образом, благодаря критерию происхождения мы сможем отличить действительные правовые нормы от ложных.

Второй «ключевой принцип» является логическим продолжением первого и относится к отдельной категории в философии права – теории судебного разрешения. Данный принцип устанавливает, что в случае возникновения ситуации, не регулируемой ни одной нормой права, или если норма не является ясной, то право в данном случае не применяется, а решение выносит уполномоченное на то лицо «по своему усмотрению».

Третий «ключевой принцип» гласит, что юридические права и обязанности должны быть предусмотрены нормой права, если же нормы права не предусматривают каких-либо прав и обязанностей, значит, в юридической плоскости они отсутствуют.

Дальнейшая критика позитивизма развивается, отталкиваясь от вышеуказанного костяка. Все критические аргументы Дворкина взаимосвязаны, от статьи к статье и от книги к книге тезисы становятся похожи больше не на критику, а на сопоставление позитивистской теории права Харта с собственной теорией права. Дворкин рассматривает взгляд Харта на право сквозь свою оптику, применяя разработанный им инструментарий.

Таким образом, вся критика представляет собой проверку теории права Харта через теоретические наработки Дворкина, основанные на иной методологии. Если взять за основу костяк позитивизма и воссоздать представление Дворкина о праве, мы увидим две конкурирующие модели права, одна из которых рассматривает принципы как часть права (модель Дворкина), а вторая под правом понимает лишь законы и прецеденты, исключая принципы (модель Харта). Основным критерием разделения этих моделей (помимо методологического различия) и инструментом критики Дворкина является понятие принципов, которые, по мнению Дворкина, игнорируются позитивистами. Важно отметить,

что модель права Харта дана именно в интерпретации Дворкина, слишком грубо трактовавшим понятие «норм» Харта.

Заключение

Основным выводом данной статьи является выявленное методологическое различие между правовыми теориями Харта и Дворкина. Несмотря на то, что антагонисты Дворкина утверждали, что его теория с небольшими коррективами может вписаться в концептуальную рамку правового позитивизма Харта, Дворкин все же смотрел на право в иной методологической оптике. В ответ на описательную юриспруденцию Харта, Дворкин внедряет мораль в сферу права и опирается на понятие принципов, существование которых в праве позитивизм объяснить не в силах. Таким образом, мы можем говорить о двух конкурирующих моделях права, основами которых являются разные «точки отправления»: дескриптивная Харта и нормативно-дескриптивная Дворкина. Особенностью метода Харта является его описательный характер, цель которого избежать оценочных суждений, Дворкин же предлагает иной правовой анализ «внутренней точки зрения», который так или иначе является нормативным и затрагивает вопросы политики, морали и справедливости.

Важнейшим направлением исследования критики правового позитивизма Харта также является анализ истории и особенностей дискуссии, получившей название «дебаты между Хартом и Дворкиным». Критика правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Рональда Дворкина является одной из ведущих и дискуссионных тем в современной англо-американской философии права. Несмотря на то, что история критики берет свое начало в 1967 г., она актуальна и широко обсуждается на Западе и сегодня. Разделив критику Дворкина на два основных этапа, мы пришли к выводу, что ее можно охарактеризовать как эволюционную, т.к. она приобрела статус длительной дискуссии между Дворкиным и сторонниками правового позитивизма. В то же самое время, несмотря на то, что Дворкин придерживался одних и тех же теоретических позиций, его критику можно охарактеризовать и как подробную, поскольку ее положения содержатся в различных работах Дворкина.

Таким образом, критикуя правовой позитивизм Харта как наиболее ясно сформулированную правовую теорию, Дворкин исходит из иной методологии, которая внедряет в сферу права

принципы и мораль и, тем самым отталкиваясь от этого, он применяет свою теорию права для критики ключевых принципов позитивизма Харта в собственной интерпретации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дворкин 2004 – *Дворкин Р.* О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004.

Дидикин 2016 – *Дидикин А.Б.* Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

Финнис 2012 – *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права. – М: ИРИСЭН; Мысль, 2012.

Фуллер 2016 – *Фуллер Л.Л.* Мораль права. – М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2016.

Харт 2007 – *Харт Г.Л.А.* Понятие права. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Bix 2004 – *Bix B.H.* Natural Law: The Modern Tradition // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law. / ed. by Coleman J.L., Himma K.E., Shapiro S.J. – Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 62–103.

Carrio 1971 – *Carrio G.* Legal Principles and Legal Positivism. – Buenos Aires: Abeledo-Perrot, 1971.

Christie 1968 – *Christie G.* The Model of Principles // Duke Law Journal. 1968. Vol. 17. No. P. 649–669.

Coleman 2001 – *Coleman J.* Essays on the Postscript to the Concept of law. – New York: Oxford University Press, 2001.

Dworkin 1967 – *Dworkin R.* The Model of Rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. No. 1. P. 14–46.

Dworkin 1971 – *Dworkin R.* Social Rules and Legal Theory // The Yale Law Journal. 1972. Vol. 81. No. 5. P. 855–890.

Dworkin 1975 – *Dworkin R.* Hard Cases // Harvard Law Review. 1975. Vol. 88. No. 6. P. 1057–1109.

Dworkin 1977 – *Dworkin R.* Taking Rights Seriously. – Cambridge: Harvard University Press, 1977.

Dworkin 1986a – *Dworkin R.* A Matter of Principle. – New York: Oxford University Press, 1986.

Dworkin 1986b – *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

Dworkin 2017 – *Dworkin R.* Hart's Posthumous Reply // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. P. 2096 – 2130.

Gardner 2001 – *Gardner J.* Legal Positivism: 5½ Myths // The American Journal of Jurisprudence. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 199–227.

Hart 1961 – *Hart H.L.A.* The Concept of Law. – Oxford: Oxford University Press, 1961.

Hart 1982 – *Hart H.L.A.* Legal Duty and Obligation // Essays on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. – New York: Oxford University Press, 1982. P. 127–161.

Hart 1994 – *Hart H.L.A.* Concept of Law (second edition). – New York: Oxford University Press, 1994.

Hart 1983a – *Hart H.L.A.* American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and the Noble Dream // Essays in Jurisprudence and Philosophy. – New York: Oxford University Press, 1983. P. 123–144.

Hart 1983b – *Hart H.L.A.* 1776–1976 Law in the Perspective of Philosophy // Essays in Jurisprudence and Philosophy. – New York: Oxford University Press, 1983. P. 145–158.

Leiter 2003 – *Leiter B.* Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence // American Journal of Jurisprudence, 2003. Vol. 48. P. 17–51.

MacCallum 1963 – *MacCallum G.* Dworkin on Judicial Discretion // Journal of Philosophy, 1963. Vol. 60. P. 638–641.

Marmor 2006 – *Marmor A.* Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral // Oxford Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 26. No. 4. P. 683–704.

Moore 1998 – *Moore M.* Hart's Concluding Scientific Postscript // Legal Theory. 1998. Vol. 4. No. 3. P. 301–328.

Postema 2012 – *Postema G.* Legal Positivism Early Foundations // The Routledge Companion to Philosophy of Law / ed. by Marmor A. – New York: Routledge, 2012. P. 31–47.

Raz 1972 – *Raz J.* Legal Principles and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1972. Vol. 81. No. 5. P. 823–854.

Sebok 1998 – *Sebok A.* Legal Positivism in American Jurisprudence. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.

Shapiro 2007 – *Shapiro J.S.* The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed // Ronald Dworkin / ed. by Ripstein A. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007. P. 22–55.

Schauer 2015 – *Schauer F.* The Path-Dependence of Legal Positivism // Virginia Law Review. 2015. Vol. 101. No. 4. P. 957–976.

Stavropoulos 2017 – *Stavropoulos N.* The Debate that never was // Harvard Law Review. 2017. Vol. 130. No. 8. P. 2082–2095.

Wacks 2006 – *Wacks R.* Philosophy of Law: A Very Short Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2006.

REFERENCES

Bix B.H. (2004) Natural Law: The Modern Tradition. In: Coleman J.L., Himma K.E., & Shapiro S.J. *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law* (pp. 62–103). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270972.013.0002

Carrio G. (1971) *Legal Principles and Legal Positivism*. Buenos Aires: Abeledo-Perrot.

Christie G. (1968) The Model of Principles. *Duke Law Journal*. Vol. 17, no. 4, pp. 649–669.

Coleman J. (2001) *Essays on the Postscript to the Concept of law*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198299080.001.0001

Didikin A.B. (2016) *Analytical Legal Philosophy: The Origins, Genesis, and Structure*. Tomsk: Tomsk University Press (in Russian).

Dworkin R. (1967) The Model of Rules. *University of Chicago Law Review*. Vol. 35, no. 1, pp. 14–46. DOI: 10.2307/1598947

Dworkin R. (1972) Social Rules and Legal Theory. *The Yale Law Journal*. Vol. 81, no. 5, pp. 855–890. DOI: 10.2307/795153

Dworkin R. (1975) Hard Cases. *Harvard Law Review*. Vol. 88, no. 6, pp. 1057–1109. DOI: 10.2307/1340249

Dworkin R. (1977) *Taking Rights Seriously*. Cambridge, MA: Harvard University Press. DOI: 10.1086/292058 (Russian translation: Moscow: ROSSPEN, 2004).

Dworkin R. (1986a) *A Matter of Principle*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1017/S0008197300118501

Dworkin R. (1986b) *Law's Empire*. Cambridge, MA.: Harvard University Press. DOI: 10.2307/1960793

Dworkin R. (2017) Hart's Posthumous Reply. *Harvard Law Review*. Vol. 130, pp. 2096 – 2130.

Finnis J. (1980) *Natural Law and Natural Rights* (Russian translation: Moscow: IRISEN; Mysl', 2012).

Fuller L.L. (1964) *The Morality of Law* (Russian translation: Moscow: IRISEN; Socium, 2016).

Gardner J. (2001) Legal Positivism: 5½ Myths. *The American Journal of Jurisprudence*. Vol. 46, no.1, pp.199–227. DOI: 10.1093/ajj/46.1.199

Hart H.L.A. (1961) *The Concept of Law*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.2307/2217213.

Hart H.L.A. (1982) Legal Duty and Obligation. *Essays on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory* (pp. 127–161). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198254683.001.0001

Hart H.L.A. (1983a) American Jurisprudence through English Eyes: The Nightmare and the Noble Dream. *Essays in Jurisprudence and Philosophy* (pp. 123–144). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Hart H.L.A. (1983b) 1776–1976 Law in the Perspective of Philosophy. *Essays in Jurisprudence and Philosophy* (pp. 145–158). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198253884.001.0001

Hart H.L.A. (1994) *Concept of Law* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.2307/2217213

Hart H.L.A. (2007) *The Concept of Law*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press (in Russian).

Leiter B. (2003) Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence. *American Journal of Jurisprudence*. Vol. 48, pp. 17–51. DOI: 10.1093/ajj/48.1.17

MacCallum G. (1963) Dworkin on Judicial Discretion. *Journal of Philosophy*. Vol. 60, pp. 638–641. DOI: 10.2307/2023558

Marmor A. (2006) Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 26, no. 4, pp. 683–704. DOI:10.1093/ojls/gqi028

Moore M. (1998) Hart's Concluding Scientific Postscript. *Legal Theory*. Vol. 4, no. 3, pp. 301–328. DOI: 10.1017/S1352325200001099

Postema G. (2012) Legal Positivism Early Foundations. In: Marmor A. (Ed.) *The Routledge Companion to Philosophy of Law* (pp. 31–47). New York: Routledge.

Raz J. (1972) Legal Principles and the Limits of Law. *The Yale Law Journal*. Vol. 81, no. 5, pp. 823–854. DOI: 10.2307/795152

Sebok A. (1998) *Legal positivism in American Jurisprudence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511527456

Schauer F. (2015) The Path-Dependence of Legal Positivism. *Virginia Law Review*. Vol. 101, no. 4, pp. 957–976.

Shapiro J.S. (2007) The “Hart-Dworkin” Debate: A Short Guide for the Perplexed. In: Ripstein A. (Ed.) *Ronal Dworkin* (pp. 22–55). Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139167109.002

Stavropoulos N. (2017) The Debate That Never Was. *Harvard Law Review*. Vol. 130, no. 8, pp. 2082–2095. DOI: 10.2139/ssrn.2972256

Wacks R. (2006) *Philosophy of Law: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/actrade/9780192806918.001.0001

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

Рецензия на книгу:

Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century. A Contemporary View from Russia and Abroad / ed. by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Bykova. – London, New York: Boolmsbury Academic, 2019.

Е.О. Труфанова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-143-150

Рецензия

Труфанова Елена Олеговна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектором теории познания Института философии РАН.

eltrufanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

Для цитирования: *Труфанова Е.О.* (2019) Рецензия на книгу: *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century. A Contemporary View from Russia and Abroad / ed. by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Bykova. – London, New York: Boolmsbury Academic, 2019* // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 7. С. 143–150.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-143-150

Book Review:

***Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century. A Contemporary View from Russia and Abroad.*
Edited by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Bykova.
London, New York: Boolmsbury Academic, 2019.**

E.O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-143-150

Book review

Elena O. Trufanova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Head of the Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

eltrufanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2215-1040>

For citation: Trufanova E.O. (2019) Book Review: *Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century. A Contemporary View from Russia and Abroad*. Edited by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Bykova. London, New York: Boonmsbury Academic, 2019. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 143–150. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-143-150

Наверное, на каждое поколение приходится своя смена эпох, и мое поколение – не исключение. Я родилась в Советском Союзе, и его крах застал меня в младших классах школы. На наших глазах судорожно перекраивалась школьная программа, и – как я начала понимать уже много позже – переписывалась история. Когда мы вернулись в школу после каникул осенью 1991 г., большинство моих одноклассников уже сняли с формы октябратские значки (точнее, это было сделано родителями, вряд ли кто-то из нас – десятилетних – понимал тогда, что на самом деле произошло), но на тетрадях и в учебниках все еще был напечатан гимн СССР. Бюст Ленина, как мне кажется, простоял в школьном холле до самого нашего окончания школы, но его имя исчезло отовсюду, как по волшебству. Наши школьные 1990-е гг. были безвременьем, сотрясаемым афтершоками от распада Союза.

Студенчество пришлось на новую эпоху – мы оказались одними из первых студентов, которых учили философии по-новому. А «по-новому» означало – без Маркса. Причем замалчивание Маркса было абсолютным – это имя если и прозвучало в курсе истории западной философии, то лишь мельком. При этом отголоски марксистско-ленинской философии были везде – в учебниках, в экзаменационных билетах, но не в читаемых нам курсах. Когда я, закончив университет с красным дипломом, пришла сдавать вступительный экзамен в аспирантуру, мне попался билет о различных видах идеализма и материализ-

ма. Заданный мне экзаменатором вопрос о диалектическом и историческом материализме поставил меня в тупик – о них нам не рассказывал никогда и никто, что я честно и сообщила экзаменатору. Он немного виновато вздохнул и простил мне этот грех.

Преподаватели в университете в основном просто обходили стороной как Маркса с Энгельсом, так и весь период советской философии. Курс истории русской философии закончился на Соловьеве и Булгакове: что происходило в отечественной философии на протяжении более чем полувека – этого студенты-выпускники философского факультета не знали. Я не могу вспомнить сейчас ни ярых защитников марксистско-ленинской традиции, ни ее явных критиков. Этой философии – философии советского периода – как будто просто не существовало, будто бы все дружно дали обет молчания, касающийся этой темы. Только начав обучение в аспирантуре и вступив в более тесное взаимодействие с научным руководителем Владиславом Александровичем Лекторским и с сотрудниками сектора теории познания Института философии РАН, я стала впитывать по крупицам какую-то информацию: назывались имена людей, который раньше работали в Институте, преподавателей из Московского университета, упоминались книги, выходявшие десятилетия назад. Кажется, только тогда я и узнала имена Ильенкова, Батищева и др.

Эта личная преамбула важна, поскольку она позволяет продемонстрировать, как советская философия представлялась неискушенному молодому исследователю в нашей стране еще совсем недавно – около пятнадцати лет назад. С тех пор произошло несколько знаменательных событий, которые изменили эту ситуацию. Во-первых, в 2008–2010 гг. вышла в свет под общей редакцией В.А. Лекторского серия «Философия России второй половины XX века», в которой были представлены все ключевые фигуры советской философии. Во-вторых, после выхода 20 основных томов «Философии России» в 2012 г. была организована конференция, материалы которой легли в основу итогового 21-го тома этой серии. Именно это издание, которое носило название «Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд» [Проблемы и дискуссии... 2014], и легло в основу книги «*Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century*». Состав текстов рус-

скоязычного и англоязычного издания не идентичен, некоторые статьи по разным причинам не вошли в англоязычное издание, другие новые тексты были добавлены, ряд текстов пришлось переработать, придавая некоторым статьям-воспоминаниям формат научной строгости.

«Большое видится на расстоянии» – эта есенинская строка как нельзя более точно выражает истину, которая характеризует любую попытку осмысления истории. Осмысление истории становится возможным, когда мы говорим не о вчерашнем дне, а хотя бы о предыдущей декаде. В этом смысле полвека, прошедшие с начала того интеллектуального всплеска, который называют эпохой «философов-шестидесятников», – достаточное удаление, чтобы лучше видеть в перспективе. Поэтому подобная книга не могла появиться раньше, но хорошо, что она появилась именно сейчас.

В книге представлены как статьи отечественных авторов, прежде всего тех, кто был лично знаком с ключевыми философами той эпохи, о которой идет речь, В.А. Лекторского, А.А. Гусейнова, В.С. Степина, В.М. Межуева, А.П. Огурцова, В.М. Розина, Н.С. Автономовой, В.Л. Махлина, Б.И. Пружинина, так и иностранных исследователей, занимающихся изучением советской философии: Д. Бэкхерста, Т. Рокмора, Д. Стейлы, В. Ойттинена, М. Денн. Также есть статьи российских философов, работающих за границей, таких как М.Н. Эпштейн, К.А. Свасьян, М.Ф. Быкова, М.Е. Соболева, А.А. Хамидов, В.А. Малахов. В этом разнообразии перспектив заключается одно из главных достоинств книги: ее нельзя назвать ни апологетической, ни критической. Авторы представляют весьма различные позиции, взгляды на философию советского периода «изнутри» и «снаружи», что позволяет составить в целом объективное представление об особом мире советской философии – как о его теоретических дискуссиях, так и о его социальном и идеологическом контексте. Но здесь важно подчеркнуть еще одну особенность этой книги: в отличие от многих других работ о советской философии, она не посвящена выявлению негативного влияния официальной марксистско-ленинской идеологии на свободу философского творчества. Ее тональность иная: она нацелена на поиск позитивных «точек роста» в развитии российской философии советского периода, в том числе среди марксистских концепций, противоречащих офи-

циальному советскому марксизму-ленинизму и имеющих не только историческую, но и актуальную значимость.

В книге шесть разделов: «Российская философия второй половины XX века в контексте культуры и науки», «Философия науки», «Философия как история философии», «Проблема деятельности в философии, методологии и науках о человеке», «Диалог и коммуникация» и «Философская антропология». Важным новшеством тома по сравнению с русскоязычным изданием являются написанное ответственными редакторами В.А. Лекторским и М.Ф. Быковой пространное введение «Философия в советской России: краткий обзор» и составленная В.А. Лекторским «Хронология основных событий в российской философии (1953–1991)».

Первый раздел включает статьи, описывающие общий социокультурный «климат» развития философии в Советском союзе во второй половине XX в. Это, прежде всего, история становления поколения, получившего имя «философов-шестидесятников», чья профессиональная деятельность начиналась еще в середине 1950-х, с началом послесталинской «оттепели». Анализ основных вех развития советской философии с акцентом на периоде «шестидесятников» представлен в статьях В.А. Лекторского, А.А. Гусейнова, В.М. Межуева (в описываемую эпоху они сами были начинающими исследователями – студентами и аспирантами), а также бывших советских философов М.Н. Эпштейна и К.А. Свасьяна, которые с 1990-х гг. продолжили философскую деятельность на Западе. В данный раздел также вошла новая статья философа Дэвида Бэкхерста, отсутствовавшая в русскоязычном издании, «Панки против зомби: Эвальд Ильенков и битва за советскую философию», в которой реконструируется, основываясь на недавно вышедшей серии книг об Ильенкове [Ильенков, Коровиков 2016; Ильенков 2018], драматическая история с «Тезисами о предмете философии» за авторством Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова и приводится перевод на английский язык самого текста «Тезисов». Это особенно любопытно отметить, поскольку полный текст «Тезисов» оказывается доступен русскоязычным и англоязычным читателям почти одновременно: на русском он был опубликован впервые в 2017 г. [Ильенков 2017].

Во второй раздел вошли статьи, посвященные одной из наиболее процветавших в позднесоветской философии областей

исследований – философии науки. Это тексты В.С. Степина и Б.И. Пружинина, дающие широкие панорамные обзоры развития философии и методологии науки в СССР в 1960–1980-е гг. В статье А.П. Огурцова рассматривается развитие исследований в области системного анализа и системного подхода (с акцентом на работах известного советского философа и науковеда М.К. Петрова).

В третьем разделе показано развитие истории философии в рамках советской философии. Так, финский философ В. Ойттинен сравнивает понимание работ Спинозы в западной и советской философии, М.Ф. Быкова анализирует советскую рецепцию немецкой классической философии, в частности немецкого идеализма, американский философ Т. Рокмор рассматривает ильенковскую интерпретацию марксизма, которую характеризует как «гегелевскую», а французская исследовательница М. Денн обращается к проблеме рецепции работ А.Ф. Лосева на Западе.

Четвертый раздел посвящен деятельностному подходу, который развивался в советской психологии и оказал существенное влияние на философию, в первую очередь – на теорию познания. В то время как В.А. Лекторский и Д. Бэкхерст в своих статьях демонстрируют актуальность обсуждаемых в деятельностном подходе проблем и предлагаемых данным подходом решений в контексте современных эпистемологических и когнитивных исследований, в статье В.М. Розина рассматривается методологический подход Г.П. Шедровицкого и его концепция деятельности и «мыследеятельности», а П.Г. Щедровицкий предлагает анализ различных вариантов деятельностного подхода в советской психологии и философии.

Пятый раздел посвящен проблематике коммуникации и диалога и сфокусирован на диалогической концепции М.М. Бахтина и ее рецепции как на Западе, так и в отечественной философии. Бахтин рассматривается в сопоставлении с Ю.М. Лотманом (в статьях Н.С. Автономовой и М.Е. Соболевой), В.С. Библером и Г.С. Батищевым (у В.А. Малахова и М.Е. Соболевой). Идея о необходимости очищения понимания концепции М.М. Бахтина от неправильных западных и отечественных интерпретаций и поиска «подлинного» понимания собственно бахтинских идей выдвигается в статье В.Л. Махлина.

Шестой раздел посвящен проблемам философской антропологии. Философ из Казахстана А.А. Хамидов анализирует проблему человека, в т.ч. в ее марксистской интерпретации, в работах Л.С. Рубинштейна, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева, М.М. Бахтина. Ю.В. Пущаев рассматривает проблемы морали и нравственности в советской философии – в работах Г. Лукача, Э.В. Ильенкова, О.Г. Дробницкого и М.К. Мамардашвили. Итальянская исследовательница Д. Стейла обращается к проблеме ответственности в работах М.К. Мамардашвили и А.А. Зиновьева. А.А. Гусейнов описывает «учение о житии» А.А. Зиновьева, самим Зиновьевым называемое также «зиновьёвой» (эта статья отсутствовала в русскоязычном издании).

Эта книга, таким образом, пытается охватить ключевые темы, главные достижения российской философии советского периода, показывая, что многие авторы той эпохи могут быть интересны исследователям сегодняшнего дня (как в России, так и на Западе) не в качестве исторической реликвии, но в качестве собеседников в актуальной научной дискуссии. Это не всеобъемлющее систематическое изложение, которое могло бы заменить учебник по истории советской философии, но книга-дискуссия, предлагающая разные позиции и стимулирующая к дальнейшему чтению. Однако главной заслугой данной книги, как мне представляется, является выстраивание связей между отечественной и мировой философией и встраивание советской философии в историю российской философии, ее реабилитация как полноправного этапа развития отечественной философской мысли. Эта книга – мост между культурами и поколениями, восстановление утраченной, казалось бы, преемственности в отечественной философии. Хочется надеяться, что она послужит усилению интереса к российской философии у западных исследователей, и издания, подобные этому, будут появляться все чаще.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ильенков 2017 – *Ильенков Э.В.* От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / авт.-сост. Е.Э. Иллеш. – М.: Канон+, 2017.

Ильенков 2018 – *Ильенков Э.В.* Идеальное. И реальность. 1960–1979 / авт.-сост. Е.Э. Иллеш. – М.: Канон+, 2018.

Ильенков, Коровиков 2016 – *Ильенков Э.В., Коровиков В.И.* Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955 гг.) / авт.-сост. Е.Э. Иллеш. – М.: Канон+, 2016.

Проблемы и дискуссии... 2014 – Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2014.

REFERENCES

Ilyenkov E.V. (2017) *From the Abstract to the Concrete. Steep Route. 1950–1960* (E.E. Illesh, Comp.). Moscow: Kanon + (in Russian).

Ilyenkov E.V. (2018) *Perfect. And the Reality. 1960–1979* (E.E. Illesh, Comp.). Moscow: Kanon + (in Russian).

Ilyenkov E.V. & Korovikov V.I. (2017) *Passions for Theses on the Subject of Philosophy (1954–1955)* (E.E. Illesh, Comp.). Moscow: Kanon + (in Russian).

Lektorsky V.A. (Ed.) (2014) *Problems and Discussions in Russian Philosophy of the Second Half of the Twentieth Century: A Contemporary View*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

**Онлайн-преподавание общеобразовательного курса
философии: тактический выигрыш
при стратегическом отступлении**

А.А. Кротов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Е.О. Розова

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-151-159

Обзор мероприятия

Аннотация

Статья посвящена заседаниям президиума федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение», состоявшимся в сентябре 2018 г. в Астрахани и в феврале 2019 г. в Москве. Рассмотрены актуальные учебно-методические вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях. В статье подробно освещены вопросы онлайн преподавания общих курсов философии. Также в статье затрагиваются актуальные вопросы преподавания религиоведения, специфика преподавания в России и зарубежных странах, актуальные задачи, стоящие перед отечественным религиоведением. Статья содержит обзор современного состояния преподавания логики в России, его текущих проблем и возможных путей их решения. Помимо прочего в статье освещаются вопросы, связанные с реализацией национального проекта «Наука» (2018–2024), с преподаванием философии в Астраханском государственном университете и вопросы актуализации новых образовательных стандартов.

Ключевые слова: УМО, философия, этика, религиоведение, философский факультет, онлайн преподавание, логика.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя федерального

УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение».

umo@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Розова Екатерина Олеговна – кандидат философских наук, ассистент кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, секретарь федерального УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение».

rozova.ekaterina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5675-3093>

Для цитирования: Кротов А.А., Розова Е.О. (2019) Онлайн-преподавание общеобразовательного курса философии: тактический выигрыш при стратегическом отступлении // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 151–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-151-159

Online Courses in Philosophy: Tactical Victory and Strategic Retreat

A.A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E.O. Rozova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-151-159

Event summary

Abstract

The summary is devoted to the meetings of the Presidium of the Russian Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”) held in September 2018 in Astrakhan and in February 2019 in Moscow. The authors review main educational and methodological issues discussed at the meetings. The summary covers the issues of online courses in philosophy. It also touches upon key issues of religious studies, the specifics of its teaching in Russia and foreign countries, current problems facing religious studies in Russia. The article contains a review of the current state of logic education in Russia, its current problems and possible ways to solve them. Also it outlines issues related to the implementation of the Russian national project “Science” (2018–2024) as

well as philosophy education at Astrakhan State University and the issues of realization of new educational standards.

Keywords: Federal Educational and Methodological Association, philosophy, ethics, religious studies, Faculty of Philosophy, online education, logic.

Artem A. Krotov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Deputy Chairman of the Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”).

umo@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Ekaterina O. Rozova – Ph.D. in Philosophy, Assistant at the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Secretary of the Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”).

rozova.ekaterina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5675-3093>

For citation: Krotov A.A. & Rozova E.O. (2019) Online Courses in Philosophy: Tactical Victory and Strategic Retreat. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 7, pp. 151–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-7-151-159

В 2018/2019 учебном году состоялось два заседания президиума федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика и религиоведение». Первое из них – на базе Астраханского государственного университета, второе – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Обсуждались наиболее актуальные вопросы, касающиеся и содержательного, и связанного с ним методического наполнения действующих программ высшего образования.

Онлайн-преподавание общеобразовательного курса философии. Этот вопрос был в центре внимания на обоих заседаниях: и в Астрахани, и в Москве. Он был инициирован сразу несколькими представителями различных высших учебных заведений. Речь идет о введении онлайн-курса по обязательной общеобразовательной дисциплине «философия» взамен традиционных занятий пре-

подавателя со студентами в университетской аудитории. Такого рода практика уже введена в некоторых российских вузах, причем не является инициативой преподавателей и кафедр, ответственных за курс. При этом выдвигаются различные соображения: от «экономии» аудиторий и сокращения нагрузки на преподавателя до обеспечения качества проведения занятий. Казалось бы, зачем умножать сущности, если возможно записать лекцию талантливого педагога и на многие годы обеспечить «качественный задел» в плане усвоения знаний студентами? Высказываются и доводы такого рода: современный преподаватель обременен серьезными требованиями по эффективному контракту, ему крайне необходимо время для повышения публикационной активности, а потому сокращение аудиторной нагрузки ему только на руку, в его, как говорится, собственных интересах. Освобождается и часть аудиторий, что положительно скажется на динамике развития вуза, ибо позволит занять их под новые, перспективные программы и направления. Все приведенные аргументы вызвали резкую критику на заседании президиума федерального учебно-методического объединения.

Отмечая то обстоятельство, что форма проведения занятий по учебным дисциплинам должна определяться конкретным вузом, что является его несомненной прерогативой, представители федерального учебно-методического объединения выступили против практики сведения преподавания общеобразовательного курса по философии к дистанционным формам обучения. При этом вовсе не идет речь об «осуждении» внедрения в учебный процесс онлайн-курсов как таковых. Они, по общему мнению, должны присутствовать в учебном процессе, но лишь в качестве вспомогательного, дополнительного элемента, не заменяющего собой основные дисциплины.

Прежде всего, по следующим соображениям. Преподавание учебных дисциплин не сводится только и исключительно к трансляции некоего набора сведений, это еще и воспитательный процесс. Вести воспитательную работу возможно лишь в прямом контакте с учениками, непосредственно в ходе занятий. Сложно выполнить эту часть преподавательской миссии, даже не зная, кто именно обратится к просмотру курса. Тем более, когда речь идет об общеобразовательном курсе «Философия», задачи которого прежде всего связаны с мировоззренческими аспектами обучения. Предусмотренный государственным стандартом

компетентностный набор выпускника (требования к результатам освоения программы бакалавриата) предусматривает освоение обязательного философского курса именно в разрезе формирования мировоззренческой позиции обучающегося. На нее сложно оказать влияние, даже не имея представление о личности ученика, воздействуя на нее лишь записью своего голоса. Далее, непонятно, почему проблема освобождения аудиторного фонда должна быть связана именно с курсом важнейшей мировоззренческой направленности? Не являются убедительными и ссылки на необходимость освобождения времени преподавателя для написания «отчетных» статей: ведь если преподаватель не выполняет предписанной ему аудиторной нагрузки, он должен быть уволен из вуза именно как преподаватель («по несоответствию занимаемой должности»), каким бы количеством статей он ни отчитывался за календарный год. Наконец, тезис о более высоком качестве онлайн-лекций заранее предполагает «презумпцию виновности» тех педагогов, работа которых заменяется онлайн-трансляцией, хотя какой-то качественной экспертизы в этом отношении никогда не проводилось.

Таким образом, за отмену аудиторной работы можно привести лишь соображения, сопряженные с предполагаемым тактическим выигрышем для отдельного вуза. Но общий итог в случае долговременной перспективы может быть лишь самым печальным: это и определенное снижение качества воспитательной работы, и ослабление мировоззренческих элементов в программах высшего образования.

На февральском заседании в итоге был утвержден следующий текст письма на имя Директора Департамента государственной политики в сфере высшего образования и молодежной политики Министерства науки и высшего образования РФ: «Федеральное учебно-методическое объединение по укрупненной группе направлений подготовки 47.00.00 “Философия, этика и религиоведение” предлагает включить в примерные основные образовательные программы, сопровождающие ФГОС 3++ в качестве методической рекомендации указание на нецелесообразность преподавания обязательного курса по философии исключительно в онлайн-режиме. Получившая в последнее время распространение практика сведения общего курса философии к преподаванию в онлайн-режиме резко снижает результаты его освоения в воспитательном аспекте, который предполагает прямой контакт

педагога с аудиторией. Очевидно, онлайн-образование должно присутствовать на вузовском уровне в качестве дополнительного, но освоение дисциплин, формирующих этические, мировоззренческие основы личности, вряд ли должно редуцироваться к прослушиванию онлайн-курса». Письмо было направлено в Министерство.

Национальный проект «Наука» (2018–2024). На заседании, состоявшемся 28 сентября 2018 г. в Астраханском государственном университете состоялось краткое обсуждение перспектив вузовского сообщества в связи с подготовкой нового национального проекта «Наука» (2018–2024 гг.), который предполагает создание научно-образовательных центров, развитие инфраструктуры исследований, проведения разного рода конкурсов и т.п. Проект имеет достаточно масштабный характер, подразумевает интеграцию университетского и академического сообщества и, как предполагается, будет подкреплён серьёзным финансированием. При этом очевидно, что, к сожалению, роль гуманитарных наук в проекте минимальна. Участники заседания отмечали, что многие актуальные проблемы современности, такие как проблема сознания, экологические проблемы и др., невозможно решить без философии, что приводит к осознанию необходимости кластера гуманитарных исследовательских центров. Также было отмечено, что в проекте достаточно большая роль отводится количественным показателям, которые в случае вступления университетов в проект напрямую привязываются к финансированию и продлению трудовых контрактов профессорско-преподавательского состава.

Философия в Астраханском университете. С презентацией о факультете социальных коммуникаций Астраханского государственного университета выступила декан **Л.В. Баева** (д. филос. н., проф.). В докладе подробно была отражена кадровая структура факультета, где на 682 обучающихся приходится 33 преподавателя, средний возраст которых составляет 40 лет. Были представлены направления научных исследований, проводимых на факультете, среди которых многие являются актуальными для жизни современного общества, например, отдельной ветвью исследований сотрудников стала сфера культурной безопасности. Был отмечен высокий уровень научно-исследовательской работы факультета, большое количество публикаций, в том числе в высокорейтинговых изданиях. Подробно в докладе были освещены

инновационные подходы в образовательной практике, чтении лекций и проведении семинарских занятий.

Обсуждение изменений в проектах примерных программ по религиоведению. На заседании обсуждались вопросы, связанные с корректировкой примерных основных образовательных программ по направлению подготовки «Религиоведение». Уточнение содержания ПООП по религиоведению касалось как корректировки некоторых названий дисциплин («Введение в историю религиоведения», «Второй иностранный язык», «Методологические проблемы современных религиоведческих исследований», «Современные религиозные процессы»), так и рекомендуемой трудоемкости: «История религии» – 24 з.е., «Новые религиозные движения» – 3 з.е., «Введение в историю религиоведения» – 3 з.е. Также принято решение расширить блок курсов по выбору студента.

Актуализация образовательных стандартов. 1 февраля 2019 г. на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова под председательством чл.-корр. РАН **В.В. Миронова** (д. филос. н., проф.) состоялось заседание президиума федерального УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение». С докладом «К вопросу об актуализации федеральных государственных образовательных стандартов» выступил проректор-начальник Управления учебно-методической деятельности и дополнительного образования МГУ имени М.В. Ломоносова **К.В. Миньяр-Белоручев** (к. и. н., доц.). Он отметил, что новые версии стандартов, ФГОС 3++, должны были вступить в силу для набора студентов, начиная с 1 сентября 2019 г. Однако не все стандарты были утверждены Министерством, поэтому по многим направлениям вузы будут работать по прежним версиям стандартов (ФГОС 3+). Задержка в обновлении ряда стандартов, отметил докладчик, связана с тем, что отсутствуют соответствующие профессиональные стандарты. К.В. Миньяр-Белоручев отметил важную роль ФУМО в образовательном пространстве страны и подчеркнул необходимость активной вовлеченности в процессы текущей образовательной реформы.

Логика как философская специальность в современных условиях. Заместитель декана по развитию философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Д.В. Зайцев** (д. филос. н., проф.) выступил с докладом «Философская специальность

“Логика” в современном образовании». Свое сообщение он начал с хорошо ему знакомой ситуации на философском факультете МГУ. Преподавание логики на нем включает общий курс логики для философов (3 семестра), общий курс логики на отделении религиоведения (2 семестра), общий курс логики на отделении связей с общественностью (1 семестр), теория и практика аргументации (1 семестр, все направления). Специализация по кафедре логики включает на уровне бакалавриата 12 спецкурсов, на уровне магистратуры – 10 спецкурсов и научно-исследовательскую работу, в аспирантуре – 5 спецкурсов. Также семестровый курс логики преподается на юридическом, историческом, социологическом факультетах, на факультете психологии, факультете политологии, факультете журналистики, факультете иностранных языков и регионоведения и в Высшей школе государственного аудита. Кроме того, существуют межфакультетские курсы по выбору «Логический анализ языка», «Дедуктивная логика», «Теория и практика формирования убеждений». При этом общая ситуация преподавания логики в России не самая благоприятная, соответствующие этой специальности кафедры в последние годы неуклонно сокращаются. Например, с 2015 по 2019 г. количество кафедр логики сократилось с семи до трех, количество магистерских программ – с двух до одной. На данный момент в России есть пятнадцать докторов наук по специальности 09.00.07 «Логика», два диссертационных совета по специальности 09.00.07 «Логика» и всего один специализированный журнал из списка ВАК («Логические исследования»). Это может привести к «вымиранию» логики в российском сообществе, т.к. когда не станет докторов наук, невозможно будет собрать диссертационный совет, тогда никто не сможет защищать диссертации по логике в России и т.д. Д.В. Зайцев в целях исправления текущей ситуации призвал сообщество к следующим действиям: содействие восстановлению логики в программах нефилософских специальностей, направление студентов для обучения в магистратуре и аспирантуре по логике в МГУ, развитие дистанционного обучения, открытие смежных направлений обучения магистратуре («... и логика»).

Философия религии и религиоведение. Завершилось заседание выступлением заведующей кафедрой философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета *М.М. Шахнович* (д. филос. н., проф.) с докладом «Проблемы и перспективы развития направ-

ления подготовки «Религиоведение»». М.М. Шахнович отметила, что необходимо четко различать философию религии и религиоведение. Философия религии может восприниматься в двух ракурсах: как философия и как дисциплина, неотделимая от теологии. В рамках более философского направления она традиционно воспринимается и преподается в России. С теологическим уклоном – больше в протестантских странах, на факультетах теологии и т.п. В докладе было отмечено, что в России достаточно мало программ про философии религии, и важной задачей является сохранение этого направления. В этих целях в образовательном пространстве можно было бы сопрягать философию религии с историей философии, социальной философией, этикой, философией культуры, политической философией, философской антропологией, философией языка, философией сознания, например, путем открытия такого рода смежным магистерских программ и т.п. Религиоведение, подчеркнула докладчица, является широким междисциплинарным пространством (включающим, например, дисциплины: история религии как история, антропология религии, социология религии, когнитивистика, политическое измерение религии и др.). В России существует некоторое смещение в программах подготовки религиоведов в сторону большого объема философских дисциплин. Связано это с рядом в том числе институциональных традиций. Например, даже в рамках ФУМО религиоведение оказалось в связке с философией и этикой. Приоритетами в подготовке религиоведов должны быть: языки, тексты, источники (различных видов), письменные работы (различные виды академического письма), а также различные виды практик. Важным перспективным направлением также является движение исследований от междисциплинарности к конвергенции (например, когнитивные, музееведческие исследования, соотношения искусственного интеллекта и религии и др.).

CONTENTS

CHALLENGES OF THE PRESENT. NEW METHODOLOGICAL CONCEPTS

Philosophy of Georationality ■

<i>V.M. ROZIN</i>	Conditions for Discussing and Comprehending Georationality	7
<i>V.I. ARSHINOV, V.G. BUDANOV</i>	Processual Thinking in the Ontological and Epistemological Context of Quantum Mechanics	21
<i>I.F. MIKHAILOV</i>	Perception, Logic and Plurality of Rational Representations of the World	37
<i>T.B. LYUBIMOVA</i>	Uniformity vs. Unity	54

COGNITIVE SPACE

Philosophy of Consciousness ■

<i>A.R. EFIMOV</i>	Do Chatbots Dream of Androids? Prospects for the Technological Development of Artificial Intelligence and Robotics	73
<i>I.Y. BULOV</i>	Contemporary Concept Nativism: Some Methodological Remarks	96

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL EXCURSION

Philosophy and Political Process ■

<i>V.Y. BYSTROV (Saint Petersburg), V.M. KAMNEV (Saint Petersburg)</i>	G. Lukács, “Techeniye” and Stalinism	110
--	--------------------------------------	-----

Philosophy of Law ■

<i>S.V. KOVAL</i>	The History and Foundations of Criticism of H.L.A. Hart’s Legal Positivism in R. Dworkin’s Philosophy of Law	124
-------------------	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Reviews, Annotations, and Feedback ■

<i>E.O. TRUFANOVA</i>	Book Review: <i>Philosophical Thought in Russia in the Second Half of the 20th Century. A Contemporary View from Russia and Abroad.</i> Edited by Vladislav A. Lektorsky and Marina F. Bykova. London, New York: Bohlsbury Academic, 2019.	143
-----------------------	---	-----

Reviews, Announcements, and Reports ■

<i>A.A. KROTOV, E.O. ROZOVA</i>	Online Courses in Philosophy: Tactical Victory and Strategic Retreat	151
-------------------------------------	---	-----

Contents	160
-----------------	-----